

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Том 14
Выпуск 1

Издается с 1961 года

ISSN 0202-2397

Том 14

Выпуск 1

Главный редактор: канд. филол. наук, доц. *Е. В. Краснова* (СПбГУ, Россия)

Редакционная коллегия выпуска: д-р филол. наук проф. А. М. Вунен (Университетский колледж Осло и Акерсхуса, Норвегия); д-р филол. наук проф. Н. Ю. Гвоздецкая (РГГУ, Россия); старший научный сотрудник, д-р физ. наук Т. де Грааф (Фризская академия, Нидерланды); старший преподаватель Ю. М. Григорьева (СПбГУ, Россия); А. Ю. Дароци, д-р филол. наук проф. (Реформатский университет им. Кароли Гаспара, Венгрия); канд. фил. наук доц. Б. С. Жаров (СПбГУ, Россия); канд. фил. наук доц. Е. В. Краснова (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. Ю. К. Кузьменко (Институт лингвистических исследований РАН, Россия); канд. фил. наук доц. А. Н. Ливанова (СПбГУ, Россия); канд. фил. наук доц. П. Н. Лисовская (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. И. М. Михайлова (СПбГУ, Россия); канд. фил. наук Т. Росен (Университет г. Орхуса, Дания); канд. фил. наук доц. А. В. Савицкая (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук проф. Е. М. Чекалина (МГУ, Россия)

Vol. 14

Issue 1

Editor-in-chief

Assoc. Prof. *E. V. Krasnova* (St. Petersburg State University)

Editorial Board

Prof. A. M. Vonen, Doctor of Science (Philology) (Oslo and Akershus University College of Applied Sciences, Norway); Prof. N. Y. Gvosdeckaya, Doctor of Science (Philology), (Russian State University for the Humanities); Senior Research Associate T. de Graaf, PhD in Physics (Frisian Academy, Netherlands); Sen. Lecturer J. Grigoryeva (St. Petersburg State University, Russian Federation); Prof. A. J. Daróczy, Doctor of Science (Philology) (KároliGáspár University of the Reformed Church, Hungary); Assoc. Prof. B. S. Zharov, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. E. V. Krasnova, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Prof. Y. K. Kuzmenko, Doctor of Science (Philology); (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Assoc. Prof. A. N. Livanova, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. P. Lisovskaya, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Prof. I. M. Michajlova, Doctor of Science (Philology), (St. Petersburg State University); T. Roesen Candidate of Science (Philology) (Copenhagen University, Denmark); Assoc. Prof. A. V. Savitskaya, Candidate of Science (Philology), (St. Petersburg State University); Prof. E. M. Chekalina, Doctor of Science (Philology), (Lomonosov Moscow State University)

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2016

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

UDC 811.11-112.+811.112.4

Tjeerd de Graaf

*Frisian Academy and the European Research Centre
on Multilingualism and Language Learning, The Netherlands*

DUTCH, FRISIAN AND LOW GERMAN: THE STATE LANGUAGE OF THE NETHERLANDS AND ITS RELATIONSHIP WITH TWO GERMANIC MINORITY LANGUAGES. PART 1

The primary involvement of the Fryske Akademy (Frisian Academy) lies in the domain of history, literature and culture related to the West Frisian language. The users of its nearest relatives, the East and North Frisian languages in Germany, are less numerous and these languages are included into the list of most endangered languages of Europe. This report describes the present day position of the Frisian language as one of the minority and regional languages of Europe and considers the relationship of Dutch with Frisian and the Low German dialects in the Netherlands (where it is called Low Saxon) and other parts of the world. Sections on the language characteristics, its speakers, language use, multilingualism, language policy, are followed by a survey of organizations which are involved in the documentation and safeguarding of Frisian and other regional and minority languages in Europe: the Fryske Akademy and the Mercator European Research Centre on Multilingualism and Language Learning. One of the subjects for study is the possible effect the new media have on the use of norms in the written language. This survey can be useful for the study and safeguarding of minority language situations elsewhere in the world.

Keywords: Frisian language, Low German, West-Germanic subgroup, minority languages, multilingualism, language policy, Frisian Academy.

Тьерд де Грааф

*Фризская академия, Европейский исследовательский центр многоязычия
и обучения языкам, Нидерланды*

**НИДЕРЛАНДСКИЙ, ФРИЗСКИЙ И НИЖНЕНЕМЕЦКИЙ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЯЗЫК НИДЕРЛАНДОВ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ
С ДВУМЯ «МАЛЫМИ» ГЕРМАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ. ЧАСТЬ 1**

Главная задача, стоящая перед Фризской академией, заключается в изучении истории, литературы и культуры, связанных с западно-фризским языком.

В Германии бытуют два близкородственных к западно-фризскому языка: восточно- и северо-фризский, однако носителей этих языков настолько мало, что эти языки занесены в список языков Европы, находящихся под угрозой исчезновения. В данной статье описано сегодняшнее положение фризского языка как одного из языков меньшинств и региональных языков Европы, а также рассмотрено родство фризского языка с нидерландским и с нижненемецкими диалектами в Нидерландах (где они называются «нижнесаксонским языком») и в других странах мира. После разделов, посвященных описанию самих языков, их носителей, сфер употребления, многоязычия и языковой политики, следует обзор организаций, призванных сохранять фризский и другие региональные языки Европы (Фризская академия и Меркаторовский центр по исследованию многоязычия и изучения языков в Европе). Один из аспектов исследования — то влияние, которое новые средства информации могут оказать на нормы письменного языка. Данный обзор может быть полезен для изучения и сохранения языков меньшинств в любой точке мира.

Ключевые слова: фризский язык, нижненемецкий язык, западногерманские языки, малые языки, многоязычие, языковая политика, Фризская академия.

GENERAL REMARKS ON FRISIAN AND LOW GERMAN

Frisian (in the language itself called *Frysk*, in Dutch: *Fries*) is spoken in the north-western part of Europe and it has its most important branch in the province of Friesland in the Netherlands [Tiersma, 1985]. When the distinction with the smaller branches in Germany (North Frisian and East Frisian) has to be made it is also called West-Frisian (not to be confused with the geographic name West-Friesland for the Northern part of the province Noord-Holland). The three languages — West Frisian, East Frisian and North Frisian — are not mutually comprehensible. In the following we shall limit ourselves to the most important member of the language group, West Frisian in the Netherlands, which henceforth will be referred to as 'Frisian'.

The Frisian language belongs to the family of Germanic languages. In this family the coastal West Germanic subgroup is represented by English and Frisian, whereas the continental subgroup consists of (High and Low) German and Dutch. Historically (in the time before the Anglo-Saxons went to the British Isles) Old Frisian and Old English were very similar. As late as the 8th century the Germanic languages Old Saxon, Old Franconian, Old Frisian, etc. were still close to each other. During the whole of the Middle Ages Friesland was monolingual and autonomous, under the leadership of frequently changing tribal chiefs. Old Frisian was not only the spoken language but also the official language of

government and judicial power. Old Frisian laws and legal documents have survived from the 13th century.

Modern Frisian still shares certain features with English, but the influence of Dutch and similarity with this language has become very strong. This is due to the fact that after the 16th century, Dutch was used as the official language of the Netherlands in the halls of government, the judiciary, in schools and churches. Frisian virtually ceased being used in written form until a revival occurred at the end of the 19th century. Since then Frisian has gradually regained access to more areas of life and developed into Modern Frisian. In recent decades it has acquired a modest place (alongside Dutch) in government, the judiciary and education.

Low German or Low Saxon (Plattdüütsch, Nedderdüütsch; Standard German: Plattdeutsch or Niederdeutsch; Dutch: Nedersaksisch) is a West Germanic language group spoken mainly in northern Germany and the eastern part of the Netherlands [Sanders, 1982]. It is descended from Old Saxon in its earliest form. The historical region where Low German was spoken also included contemporary northern Poland, the Kaliningrad Oblast of Russia, and a part of southern Lithuania. The former German communities in the Baltic states also spoke Low German. Moreover, in the Middle Ages Low German was the lingua franca of the Hanseatic League, and it had a significant influence on the Scandinavian languages.

Dialects of Low German are widely spoken in the north-eastern area of the Netherlands (Dutch Low Saxon) and are written there with an orthography based on Standard Dutch. Variants of Low German are still to a certain extent spoken in most parts of Northern Germany, for instance in the states of Lower Saxony, North Rhine-Westphalia, Hamburg, Bremen, Schleswig-Holstein, Mecklenburg-Vorpommern, Saxony-Anhalt and Brandenburg. The language was also formerly spoken in the outer areas of what is now the city-state of Berlin, but in the course of urbanization and national centralization in that city, the language has vanished. Under the name Low Saxon, there are speakers in the Dutch north-eastern provinces of Groningen, Drenthe, Stellingwerven (part of Friesland), Overijssel and Gelderland, in several dialect groups per province.

There are also immigrant communities where Low German is spoken in other parts of the world, including Russia, Canada, the United

States, Mexico, Belize, Venezuela, Bolivia, Argentina, Brazil, Paraguay and Uruguay. In some of these countries, the language is part of the Mennonite religion and culture. There are Mennonite communities in Ontario, Saskatchewan, Alberta, British Columbia, Manitoba, and Minnesota which use Low German in their religious services and communities. These Mennonites are descended from primarily Dutch and Frisian settlers who had initially settled in the Vistula Delta region of Prussia in the 16th and 17th centuries before moving to newly acquired Russian territories in Ukraine in the late 18th and early 19th centuries and then to the Americas in the 19th and early 20th centuries. Mennonite colonies in Paraguay, Belize, and Chihuahua, Mexico have made Low German — which they call Plautdietsch — a “co-official language” of the community [Epp, 1993; Nieuweboer, 1999].

Language characteristics for Frisian

The modern Frisian language has an official standard for the writing system. There has been a revision of the spelling in the second half of the 20th century, but at the moment no changes are underway. The prescriptive norm for the Frisian language is described in **Frisian Reference Grammar** by Pieter Meijes Tiersma [Tiersma, 1985] and in the grammars written in Japanese by Kodama [Kodama, 1992] and Shimizu [Shimizu, 2006]. This norm of standard Frisian is officially promoted in schools and administration, but the overall dominance of the Dutch language makes the promotion difficult. For details about the grammar of modern Frisian we refer to Tiersma [Tiersma, 1985], which is the only grammar of Frisian currently available in English and which describes the correspondences and contrasts with English. Together with the Frisian-English dictionary, which the Fryske Akademy has published in 2000, the book provides a useful source of information for those interested in the Frisian language.

Although there are many contrasts with English, Frisian is genetically the closest related language to English. The tremendous influence of French on English and of Dutch on Frisian, along with natural changes over time, has obscured this, but even today certain features common to Frisian and English (as opposed to Dutch and German) document this relationship. One common development in English and Frisian is that *eg* became an *ei* or *ai* sound in certain positions, as the following words attest:

<i>Frisian</i>	<i>English</i>	<i>Dutch</i>	<i>German</i>
dei	day	dag	Tag
rein	rain	regen	Regen
wei	way	weg	Weg
neil	nail	nagel	Nagel

A related similarity is that *g* was converted to *j* (the sound of English *y*) in both languages under specific conditions:

<i>Frisian</i>	<i>English</i>	<i>Dutch</i>	<i>German</i>
jilde	yield	gelden	gelten
jern	yarn	garen	Garn
juster	yester(day)	gister	gestern

In much the same way, *k* became *ch* in English and *tsj* (which sometimes becomes *ts*) in Frisian:

<i>Frisian</i>	<i>English</i>	<i>Dutch</i>	<i>German</i>
tsjerke	church	kerk	Kirche
tsiis	cheese	kaas	Käse
tsjef	chaff	kaf	Kaff

In a further development, the *n* before a voiceless fricative (*f*, *th*, or *s*) was largely lost in Old English and Old Frisian:

<i>Frisian</i>	<i>English</i>	<i>Dutch</i>	<i>German</i>
ús	us	ons	uns
goes	goose	gans	Gans
oar	other	ander	ander

The Frisian language has a rich vowel inventory, containing nine short and nine long vowels, along with a large variety of diphthongs. It should be taken into account that in particular the pronunciation of the vowels is subject to dialectal variation. The system of diphthongs contains many changing vowel sounds like /ai/ in the word <dei> ('day'). A specific phenomenon is called 'breaking', where falling diphthongs change into rising diphthongs, e. g. in the plural formation from <doar> [doər] ('door') etree'. See for more details Tiersma [Tiersma, 1985] and De Graaf and Tiersma [De Graaf, Tiersma, 1980]. The consonant system of Frisian is for a great part similar to the English and Dutch one. In contrast to English, initial voiceless stops are pronounced without aspiration.

The **orthography of Frisian** is based on the Roman alphabet and differs from the English and Dutch writing systems by the use of a few diacritics and double graphemes, introduced for the distinction of certain vowel sounds. For example: the graphemes <ii> (/i:/) and <û> (/u:/) are only used in Frisian for the corresponding sounds, as is illustrated in the following words:

<i>Frisian</i>	wiid	wyt	wiet	(ik) wit	hûs
<i>Dutch</i>	wijd	wit	nat	(ik) weet	huis
<i>English</i>	wide	white	wet	(I) know	house

The Frisian writing system is more in correspondence with the pronunciation than is the case for Dutch and English. This is illustrated by the fact that the grapheme <x> is always replaced by <ks> and initially the graphemes <v> and <z> do not occur in written texts. The graphemes <x> and <q> can only occur in names or obviously foreign words.

Classification of Low German and related languages

Low German is a part of the continental West Germanic dialect continuum. To the West, it blends into the Low Franconian languages and to the South it blends into the High German dialects of Central German that have been affected by the High German consonant shift. The division is usually drawn at the Benrath line that traces the maken — machen isogloss. To the East, it meets the Polish language and to the North and North-West the Danish and the Frisian languages. Note that in Germany, Low German has replaced the Frisian languages in many regions. The Saterland Frisian is the only remnant of the East Frisian language and is surrounded by Low German, as are the few remaining North Frisian varieties. The Low German dialects of those regions have influences from Frisian substrates.

There is a distinction between the German and the Dutch Low Saxon/Low German situation. After mass education in Germany in the 19th and 20th centuries the slow decline which Low German was experiencing since the end of the Hanseatic League turned into a free fall. In the early 20th century, scholars in the Netherlands argued that speaking dialects hindered language acquisition, and it was therefore strongly discouraged. Many parents, however, continued to speak Low Saxon with their children, since they could not speak anything else, nor did they need to; many of the Eastern Dutch towns and villages were largely self-reliant, and located far from the economic heart of the country.

As education improved, and mass communication became more widespread, the Low Saxon dialects declined, but never disappeared. People in the Netherlands born up to the 1980s often have one of the Low Saxon dialects as their first language, although decline has been greater in urban centers of the Low Saxon regions. When in 1975 dialect folk and rock bands became successful with their overt disapproval of what they experienced as “misplaced Dutch snobbery” and the western Dutch contempt for (speakers of) Low Saxon dialects, they quickly gained an enormous following among the more rurally oriented inhabitants of the Netherlands, launching Low Saxon as a vibrant subculture, which has been very lively right up to the present day.

Today efforts are made in Germany and in the Netherlands to protect Low German as a regional language. Various Low German dialects are understood by 10 million people, and native to about 3 million people all around northern Germany. Most of these speakers are located in rural villages and are often elderly. In the Netherlands, Low Saxon is still spoken more widely than in Northern Germany. A 2005 study showed that in the Twente region of the Netherlands 62% of the inhabitants used Low Saxon daily as a spoken language, and up to 75% regularly.

Sound changes related to Low German and orthography

Low German is a West Germanic language of the lowlands and as such did not experience the High German consonant shift. The table below shows the relationship between the English and Low German consonants which were unaffected by this chain shift and gives examples in other modern Germanic languages, which were affected.

Proto-Germanic	High German	Low German	Dutch	English	German	Frisian	Swedish
k	ch	maken	maken	make	machen	meitsje	maka
d	t	Dag	dag	day	Tag	dei	dag
t	ss	eten	eten	eat	essen	ite	äta
t	z (/ts/)	teihn	tien	ten	zehn	tsien	tio
t	tz, z (/ts/)	sitten	zitten	sit	sitzen	sitte	sitta
p	f, ff	Schipp	schip	ship	Schiff	skip	skepp
p	pf	Peper	peper	pepper	Pfeffer	piiper	peppar
β	b	Wief, Wiever	wijf, wijven	wife, wives	Weib, Weiber	wiif, wiven	viv

Generally speaking, the Low German grammar shows similarities with the grammars of Dutch, Frisian, English, and Scots, but the dialects of Northern Germany share some features (especially lexical and syntactic features) with German dialects.

The **Low German orthography** uses the Latin alphabet. There is no true standard orthography, only several locally more or less accepted orthographic guidelines. Those in the Netherlands are mostly based on Dutch orthography and those in Germany on German orthography. One of the mostly used orthographies can be found in modern official publications and internet sites, especially the Low German Wikipedia. This diversity, a result of centuries of official neglect and suppression, has a very fragmenting and thus weakening effect on the language as a whole, since it has created barriers that do not exist on the spoken level. Interregional and international communication is severely hampered by this. Most of these systems aim at representing the phonetic (allophonic) output rather than underlying (phonemic) representations but trying to conserve many etymological spellings. Furthermore, many writers follow guidelines only roughly. This adds numerous idiosyncratic and often inconsistent ways of spelling to the already existing great orthographic diversity.

In 2011, writers of the Dutch Low Saxon Wikipedia developed a spelling that would be suitable and applicable to all varieties of Low Saxon in the Netherlands, although the semi-official dialect institutes have not picked up on this, or indicated that they believed that yet another writing system will only further confuse dialect writers, rather than suit them.

LANGUAGE USE AND LANGUAGE POLICY

The use of Frisian, its dialects and multilingualism

Frisian is spoken in the province of Friesland, and in a few border villages in the neighbouring province of Groningen. The provincial government and the councils of several municipalities have started a language policy that — in principle — gives Frisian equal rights to Dutch. In the last decades the name of the province (Fryslân) and many local place names have officially been converted to Frisian.

Frisian contains a number of different dialects. Speakers from the clay region speak Klaaifrysk with a slightly different accent from speakers

who live in the Wâlden ‘woods’ (Wâldfrysk). In the south-western part of Friesland there is yet another dialect in use (Súdwesthoeks). As a result of the commercial contacts with non-Frisian speakers, a mixed Dutch/Frisian dialect, the so-called ‘Town Frisian’ (Stedsfrysk or Stedsk) developed in the towns of Ljouwert (Leeuwarden), Snits (Sneek), Dokkum, Boalsert (Bolsward), Harns (Harlingen), Frjentsjer (Franeker) and It Hearrenfean (Heerenveen). In the town of Hylpen (Hindeloopen) a very archaic Frisian dialect is spoken, whereas the dialects of the islands Skylge (Terschelling), Skiermuontseach (Schiermonnikoog) also deviate substantially from the standard, which is mainly based on Klaaifrysk. On the other islands and in the areas of It Bildt a mixture of Dutch and Frisian can be heard, whereas in the south-eastern part of the province, the Stellingwerven, people speak Stellingwerfs, a Low-Saxon dialect.

The main dialects Klaaifrysk, Wâldfrysk and Súdwesthoeks are mutually intelligible, whereas the archaic dialect of Hylpen and Skylge differ a lot from the main dialects and are difficult to understand for other speakers of Frisian. A general standard of Frisian has been accepted, which is mainly based on the Klaaifrysk dialect. This is used in official announcements by the local government, in writing, in the media and in schools. Standard Frisian is quite conservative in nature, often resisting the use of Dutch loanwords long after they are firmly entrenched in spoken Frisian. But in view of the ease with which Dutch words are accepted into Frisian, sometimes supplanting very basic vocabulary items, these purist tendencies are certainly understandable. In his grammar Tiersma [Tiersma, 1985] has attempted, where variation exists, to include the most common form found in the literary and spoken language.

In the past the Town Frisian dialects had a higher prestige than Frisian, which was considered a farmer’s language. Currently, however, Town Frisian is being replaced by Dutch and Frisian. At the beginning of the 20th century the Ljouwert dialect, for instance, had a higher prestige than Frisian. During this century it has increasingly lost status to Dutch and Frisian and has become a sociolect that is now only spoken by the lower social classes. In recent years, however, there have been actions to encourage people to use their “Liwwadder” dialect.

Frisian and Dutch are both spoken in the province of Friesland, where Dutch as the official national language has the highest prestige. Frisian presently has got an official status in the Netherlands as the second language of the state. Its spelling has been standardised and Frisian

is used in several domains of Frisian society, thereby breaking through the dominance of Dutch. Apart from domains such as the judiciary, public administration, radio and television, the Frisian language can also be used within the province for education. However, Dutch continues to dominate in economic, political and religious life.

It can be stated that the Frisian language is mainly spoken in the homes of Frisian people, in the countryside and in informal situations. In more formal surroundings, such as shops in town and government offices, many people shift to Dutch even if Frisian is their first language. In larger groups of people the presence of one Dutch speaking-person may suffice to trigger language shift of the whole group from Frisian to Dutch. Because of the fact that most Frisians (in particular the older ones) got their school education only in Dutch, many of them are not able to use the Frisian language in writing and prefer reading in Dutch. This is the main reason that the newspapers contain very little written Frisian.

The provincial government of Friesland and a number of municipalities make frequent use of both written and spoken Frisian. The regional broadcasting company Omrop Fryslân does radio and television broadcasts, where standard Frisian is well represented and accepted by speakers of the dialects. In the interviews on radio and television one can hear the dialects spoken in bilingual conversations, and Dutch also plays an important role. There are Frisian church services (the bible was translated into Frisian only in 1943), and every year Frisian language books are published and theatre plays performed.

The province of Friesland has about 600,000 inhabitants and about half of these can be considered first-language speakers of Frisian. A sociolinguistic study in 1994 revealed that 94 % of the population of Friesland can understand the language, 74 % can speak it, 65 % are able to read Frisian (however, most of them read Dutch more easily) and 17 % write Frisian. Frisian is spoken in 55 % of the homes. Speakers of Frisian form a (great) majority in most rural areas, and a (small) minority in the towns and cities, on the Frisian Isles and in the Stellingwerven (two Low-Saxon municipalities in the southeastern part of the province). Practically all Frisian speakers are bilingual in Dutch. Most mother-tongue speakers of Dutch in Friesland can understand Frisian, but are not able or not willing to speak it.

In the past language use in Friesland could be characterized as a stable diglossic situation (Frisian for the country and informal domains,

Dutch for the town and formal domains). In the last century Dutch has also invaded the old Frisian domains (rural community matters and the family), primarily as a result of migration and mixed marriages. In this way the language use changed into a sort of informal (and receptive) polylingualism. General attitudes to Frisian have become more positive, and it has become acceptable to use it in more and more domains (radio, newspapers, etc).

As stated before, Dutch is still dominant in economic, political and religious spheres. Therefore Frisian is strongly influenced by it, particularly at the lexical level. More and more people say, for example, *sleutel* [“key”] rather than *kaai*, and *boven* [“above”] instead of *boppe*. On the other hand, the influences of Frisian on Standard Dutch are meagre — some of the only words to have found entry into Dutch are those from typical Frisian sport terminology such as *skûtsjesilen* (competitive sailing with traditional sailing boats) and *klunen* (skating overland).

The third language in Friesland is English, which has growing importance in all parts of the Netherlands. As the European Union countries are becoming more united, English is increasingly being used as a means of general communication, in particular in international firms, commercial contacts, science, pop culture, higher education, etc. In many advanced courses in Dutch universities and similar educational institutions, English is used as medium for teaching, in particular with a growing group of students from abroad. This also holds for Friesland.

Language policy

Until recently a national language policy for Frisian has not been formally expressed by law, but in 2011 finally such a law has been prepared by the government. Official Dutch policy started with the ‘Van Ommen Committee’ (1970), which produced a report that recognised the responsibility of the national government with regard to Frisian. An important principle of the report was the recognition of Friesland as a bilingual province. The use of the Frisian language in specified domains is clearly restricted to the province of Friesland. The committee stated that the central government should focus on safeguarding the identity of the Frisian language and culture, in collaboration with provincial and municipal authorities. According to the report, this means that the national government has the function of resolving specific problems caused by bilingualism in the Frisian culture.

In general, Frisian speakers can use their own language in contacts with public authorities, as the provincial administration and a number of other bodies have made this a matter of policy. Documents issued by public authorities generally are only in Dutch; Frisian or bilingual ones are very exceptional. In courts of justice all parties, including the defendant and witnesses, are allowed to speak Frisian. If need be, the court can employ the services of an interpreter. Courts of justice in Friesland accept civil actions brought in Frisian, but this can cause problems in case of an appeal to a higher court. Documents published in Frisian only are not legally binding. Public signs can be in Frisian, in Dutch, or bilingual, depending on the choice of the municipality concerned.

Current language policy regarding the Frisian language is based on the **Frisian Language and Culture Covenant**, an agreement between the provincial and the central government. This was drawn up in 1989, renewed in 1993, and redrafted in 2001 on the basis of the **European Charter for Regional or Minority Languages** [Gorter, 2005, Extra and Gorter, 2008]. This Council of Europe document was signed in 1992 and ratified by the Dutch government in 1996. With respect to Frisian it contains 48 concrete measures (part III), while other regional languages in the Netherlands obtained merely symbolic recognition from the national government (part II). In the covenant it is declared that it is desirable to make it possible for citizens, local authorities, organisations and institutions to express themselves in Frisian. The covenant also states that both provincial and central government are responsible for preserving and reinforcing the Frisian language and culture. Lastly, it states that resources must be provided to create suitable conditions for this purpose.

This means that:

- the national government determines the general education, culture and media policies in Friesland, although, as far as Frisian is concerned, it has to respect the European Charter;
- the province of Friesland determines the policy regarding the Frisian language and ensures the execution of this policy;
- the national government provides the province with the means to execute its policy as regards Frisian;
- the provincial policy concerning Frisian and the national policy concerning general education, culture and media have to reinforce each other where possible.

The question of whether **Low German** should be considered a separate language, rather than a dialect of German or Dutch, has been a point of contention. Linguistics offers no simple, generally accepted criterion to decide this question. Scholarly arguments have been put forward in favour of classifying Low German as a German dialect. As said, these arguments are not linguistic but rather socio-political and build mainly around the fact that Low German has no official standard form or use in sophisticated media.

In contrast, Old Saxon and Middle Low German are generally considered separate languages in their own rights. Since Low German has undergone a strong decline since the 18th century, the perceived similarities with High German or Dutch may often be direct High German/Dutch adaptations due to the growing incapability of speakers to speak correctly what was once Low German proper.

Low German has been recognized by the Netherlands and by Germany (since 1999) as a regional language according to the European Charter for Regional or Minority Languages. Within the official terminology defined in the charter, this status would not be available to a dialect of an official language, and hence not to Low German in Germany if it were considered a dialect of German. Advocates of the promotion of Low German have expressed considerable hope that this political development will at once lend legitimacy to their claim that Low German is a separate language and help mitigate the functional limits of the language that may still be cited as objective criteria for a mere dialect (such as the virtually complete absence from legal and administrative contexts, schools, the media, etc.).

In the following sections we shall consider the position of Frisian within the Netherlands as an example of one of the European minority and regional languages and present information about the work of some organizations involved in the safeguarding and study of these languages.

REFERENCE WORKS RELATED TO FRISIAN AND OTHER MINORITY LANGUAGES

- De Graaf T., Tiersma P. Some phonetic aspects of breaking in West-Frisian. *Phonetica*, 1980, vol. 37, pp. 109–120.
- Epp R. *The Story of Low German and Plautdietsch. Tracing a Language across the Globe*. Hillsboro, Kansas, USA, The Reader's Press, 1993. 210 p.

- European Charter for Regional or Minority Languages (1998) Explanatory Report.* (ETS no. 148) Strasbourg: Council of Europe, 1998. 38 p.
- Extra G., Gorter D. The constellation of languages in Europe: an inclusive approach. *Multilingual Europe: Facts and Policies.* Eds G. Extra, D. Gorter. Berlin, Mouton de Gruyter, 2008, pp. 3–60.
- Gorter D. Three Languages of Instruction in Fryslân. *International Journal of the Sociology of Language*, 2005, vol. 171 (2005), pp. 57–73.
- Gorter D., Van der Meer C., Riemersma A. *Multilingual Europe: Facts and policies.* Eds G. Extra, D. Gorter. Berlin, Mouton de Gruyter, 2008, pp. 185–206.
- Kodama H. *Furizija Bunpo (Frisian Grammar).* Tokyo, Daigakusyorin, 1992. 292 p.
- Nieuweboer N. *The Altai Dialect of Plautdiitsch (West-Siberian Mennonite Low German).* München, Lincom Verlag, 1999. 256 p.
- Sanders Chr. *Sachsensprache, Hansesprache, Plattdeutsch. Sprachgeschicht-liche Grundlagen des Niederdeutschen.* Göttingen, 1982. 278 p.
- Shimizu M. *Nishi Furizija Bunpo (West Frisian Grammar).* Sapporo, Hokkaido University Press, 2006. 120 p.
- Tiersma P.M. *Frisian Reference Grammar.* Dordrecht, Foris Publications, 1985. 147 p.

REFERENCES TO RELATED WEBSITES

Further information can be found in the following websites about Frisian and other minority languages. Part of this report is based on texts from these websites.

www.fa.knaw.nl

Website of the Frisian Academy

www.languages-on-the-web.com/links/link-frisian.htm

General information about Frisian and its relation to other languages

www.tiersma.com.frisian/frisian.htm

Website by the Frisian-American author Peter Tiersma

www.eurolang.net/languages/frisian.htm

Minority Languages Archive

www.mercator-research.eu

Homepage of the Mercator Research Centre. The site contains the series of regional dossiers, the network of schools, a database with organisations and bibliography and many rated links to minority languages.

www.mercator-network.eu/

The Mercator European Network of Language Diversity Centres and portal for the partners of the network

www.aber.ac.uk/~merc/

Homepage of Mercator-Media. It provides information on media and minority languages in the EU.

Тъерд Де Грааф

доктор физических наук (теоретическая физика), магистр гуманитарных наук, лингвистика (славянские языки, компьютерная лингвистика), старший научный сотрудник, Фризская Академия, Европейский исследовательский центр многоязычия и обучения языкам Фризская Академия, Леуварден, Нидерланды

E-mail: tdegraaf@fryske-akademy.nl

Tjeerd de Graaf

PhD in Theoretical Physics, Master of Arts in Linguistics (Slavic Languages, Computer Linguistics), senior research associate at the Frisian Academy and the European Research Centre on Multilingualism and Language Learning Fryske Akademy, Doelestrjitte 8, 8911 DX Ljouwert, The Netherlands

E-mail: tdegraaf@fryske-akademy.nl

Статья поступила в редакцию 18.03.16, принята к публикации 19.05.16

УДК 811.113.4+81'373

Е. А. Гурова

Санкт-Петербургский государственный университет

О ЛИЧНОМ МЕСТОИМЕНИИ *DU* В СОВРЕМЕННОМ ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются основные тенденции в использовании местоимения *du* в современном датском языке. К началу XIX в. складывается система обращений, при которой вежливое, уважительное *De* 'Вы' оказывается противопоставленным неформальному *du* 'ты'. Такая оппозиция сохраняется вплоть до 1960-х годов, когда происходит ломка старой системы обращений. По мнению исследователей, причинами ее разрушения явились процессы демократизации общества, молодежный бунт 1968 г. и формирование общества всеобщего благоденствия. В результате произошедших в обществе изменений *du* становится основной формой обращения независимо от ситуации общения. Хотя в XXI в. *De* окончательно не вышло из употребления, сфера его употребления значительно сузилась. В настоящее время существует, по всей видимости, категория датчан, которые вообще не употребляют данное местоимение. Начиная с 1970-х годов местоимение *du* все чаще используется вместо неопределенно-личного *man*, что связано как с влиянием английского языка, так и с указанными изменениями в системе обращений. Одной из новейших тенденций в разговорной речи является употребление *du* в эмотивной функции. Анализ реплик из популярных телевизионных сериалов показал, что, занимая позицию в конце предложения, *du* приобретает функцию междоменной единицы и используется для усиления сказанного. В основном эмотивное *du* используется при общении между хорошо знакомыми людьми. В официальной обстановке при обращении к незнакомому или малознакомому человеку подобное употребление воспринимается как невежливое, даже хамское.

Ключевые слова: местоимение 2 лица единственного числа, речевой этикет, эмотивные предложения, междометия.

Elena Gurova

St. Petersburg State University

ON THE PERSONAL PRONOUN *DU* IN THE CONTEMPORARY DANISH LANGUAGE

The article is devoted to the analysis of the main trends in the usage of the pronoun *du* in contemporary Danish. By the early 19th century, the form of address had undergone changes and the informal *du* started contrasting with the polite,

reverential *De*. This opposition had held till the 1960s, when the old system of address collapsed. Experts believe that it is the democratization of society, the 1968 youthquake and the formation of a welfare state that accounted for this collapse. As the result of these changes in society, *du* becomes the main form of address, irrespective of the communicative situation. Although in the 21st century *De* is still used, the occasions of its usage have been considerably reduced. Today, there apparently exists a category of Danes who never resort to this pronoun. Since the 1970s the pronoun *du* has been used increasingly frequently instead of the indefinite-personal *man*, which is the result of both the influence of the English language and the afore-mentioned changes in the system of address. One of the novel trends in the conversational language is the use of *du* in the emotive function. The analysis of remarks from popular television series shows that *du* used at the end of the sentence starts performing an interjectional function to emphasize the purport of the message. The final *du* is largely used in conversations between well-acquainted people. In official situations, when addressing a stranger or a virtual stranger, such an address is regarded as impolite, even rude.

Keywords: second-person personal pronoun, speaking etiquette, emotive sentences, interjection.

Несмотря на то что местоимения считаются одной из самых стабильных частей речи, их система также подвержена определенным изменениям. Так, характерная для датской языковой культуры неформальность в общении — достаточно новое явление. Всеобщий переход на «ты» в конце 1960-х оказал огромное влияние на манеру поведения и датский стиль жизни в целом. В современном языке местоимение 2 лица единственного числа *du* все чаще используется в функции неопределенно-личного местоимения, а одной из новейших тенденций в разговорной речи является употребление *du* в качестве эмотива в конце предложения.

В толковом словаре датского языка выделяется одно значение местоимения *du* ‘ты’ с тремя подзначениями: употребляется при обращении (неформальном, доверительном) к собеседнику в прямой речи:

Larus stirrede på hende. **Du** er ikke rigtig klog, sagde han så.

Ларус уставился на нее. «Ты ненормальная», — наконец сказал он;

а) при обозначении человека вообще (частотное употребление с 1970-х, по-видимому, по аналогии с английским местоимением *you*, но встречается гораздо раньше, например у Л. Хольберга¹):

¹ Л. Хольберг (1684–1754) — норвежско-датский писатель, драматург, просветитель.

Når **du** sveder, mister du en masse salt.

Когда потеешь, то теряешь много соли;

б) используется с эпитетом, характеризующим собеседника, например как добавление в постпозиции (высок. или арх.):

Napoli, o Napoli, **du** skønne stad! Skal jeg nu se dig for sidste gang?
Неаполь, о Неаполь, ты прекрасный град! Неужто вижу тебя в последний раз?;

в) иногда используется в качестве эксплицитного подлежащего в предложениях с императивом (часто в качестве предложения или разрешения):

Tag **du** dig et Anders And-blad og lad os voksne snakke i fred.
Возьми уже комиксы о Дональде Даке и дай взрослым спокойно поговорить [<http://ordnet.dk/ddo>].

В древности использовалось исключительно обращение на «ты». Однако начиная с XIV в., когда по немецкому образцу в язык входит вежливое обращение, возникает оппозиция *du* — *I*. В XVII в. из немецкого языка заимствуется новая вежливая форма обращения в 3 лице единственного числа (*han/hun*). В XVIII в. из немецкого приходит еще одна вежливая форма — *De* (нем. *Sie*), которая к началу XIX в. практически полностью вытесняет формы *I* и *han/hun*. Вежливое «Вы» (*I*) продолжает использоваться в некоторых диалектах, а почтительное обращение в 3 лице становится снисходительным и используется при обращении к лицам низших слоев населения. Таким образом, обращение *De* ‘Вы’ к началу XIX в. становится единственной вежливой формой обращения в датской литературной норме [Kisbye, 1985, s. 25–26].

В XIX в. социальная принадлежность собеседников была определяющим фактором при выборе обращений *du* ‘ты’ или *De* ‘Вы’. Представители высших слоев общества общались между собой, используя *De*. Среди низших слоев было принято обращение *du*. В случае неравенства собеседников вышестоящие обращались к нижестоящим на «ты», а нижестоящие к вышестоящим — на «Вы». В армии обращение на «Вы» к рядовым солдатам было введено приказом 1863 г., а к заключенным в тюрьмах — распоряжением 1907 г. [Galberg Jacobsen, 1973, s. 3].

Противопоставленность форм обращения *du* и *De* сохраняется вплоть до 1960-х годов. Дети и молодые люди обращались друг к другу на «ты». Взрослые обращались на «ты» к детям и молодым людям примерно до 18–20 лет. Ко взрослым дети обращались на «Вы», взрослые были также на «Вы» друг с другом. В некоторых семьях до 1940-х годов дети обращались к родителям в 3 лице. Обращение к собеседнику по имени или по фамилии предполагало общение на «ты», а использование обращений *herre* ‘господин’, *fru* ‘фру’, *frøken* ‘фрёкен’ или титулов перед фамилией означало общение на «Вы».

В сельской местности традиционно говорили друг другу *du*. *De* использовали, обращаясь к помещику или владельцу крупной фермы. В провинциальных городах на «Вы» были с городскими чиновниками, начальником железнодорожной станции, почтмейстером, зубным врачом, учителем и священником [Andersen, 2014, s. 63–64].

Шестидесятые годы XX в. ознаменовались значительными изменениями в социально-политической и культурной жизни датчан. Именно в этот период начинается ломка старой системы обращений. По мнению исследователей, причинами ее разрушения явились процессы демократизации общества, формирование общества всеобщего благоденствия, а также молодежный бунт 1968 г., участники которого выступали против социального расслоения и закоснелых моральных норм, за свободу и равенство. Один из пунктов программы бунтующих активистов состоял в отмене обращения *De*. Многие считали, что выказывают солидарность с рабочим классом, копируя принятое в рабочей среде обращение *du*. Однако большинство рабочих отнеслось к изменениям весьма негативно, так как восприняло данные новшества как нечто неестественное и спущенное сверху [Andersen, 2014, s. 101–102].

На протяжении 1960-х годов в средствах массовой информации велись жаркие дебаты об обращениях *du* и *De*. Датчане разделились на два конфронтирующих лагеря. Многие общественные деятели стремились быть в тренде и обращались ко всем только на «ты» независимо от ситуации общения. Бургомистры социал-демократы способствовали тому, чтобы в подчиненных им городах все использовали *du*. Руководители государственных учреждений издавали распоряжения об обращении к гражданам на «ты».

Йенс Отто Краг был первым премьер-министром, обратившимся на пресс-конференции к журналистам на «ты», а пришедший ему на смену Анкер Йоргенсен — первым премьер-министром, сказавшим *du* собеседнику с экранов телевизоров [Andersen, 2014, s. 102–103].

Несмотря на то что в XXI в. *De* окончательно не вышло из употребления, сфера его употребления значительно сузилась. В настоящее время существует, по всей видимости, категория датчан, которые вообще не употребляют это местоимение. По данным Б. Андерсена, в 1993 г. указанная категория составляла 25 %, а в 2009 г. — 55 % [Andersen, 2014, s. 139].

Согласно опросу, проведенному аналитической фирмой *YouGov* для газеты *MetroXpress* в 2012 г., 25 % датчан согласны совсем упразднить форму вежливого обращения *De*. Интересно, что положительно на данный вопрос ответило больше представителей старшего поколения, чем молодого: 27 % среди людей 60–74 лет и 22 % среди людей 18–29 лет. Против упразднения *De* высказалось 33 % опрошенных, а 64 % респондентов считают, что к членам королевской семьи следует по-прежнему обращаться на «Вы»².

В последние годы молодые люди, выросшие уже во времена доминирования *du*, все чаще используют местоимение *De*, обращаясь к людям старшего возраста. По мнению Э. Хансена, использование *De* молодыми людьми, относящимися к высшим социальным слоям столицы, является показателем социального статуса [Hansen, 1998, s. 22]. Б. Андерсен считает, что использование *De* среди молодежи по отношению к старшим не дань моде, проявление снобизма, расчет или преклонение перед авторитетами — это просто признак вежливости [Andersen, 2014, s. 147]. Примечательно, что разрушение старой системы обращений на «ты» и «Вы» не повлекло за собой устранения коммуникативных ситуаций, предполагающих вежливое обращение к собеседнику. И хотя оппозиция *du* — *De* присутствует в речи имплицитно, многие датчане вынуждены прибегать к различного рода безличным конструкциям, избегая прямого обращения *du* или *De* [Hansen, 1998, s. 19; Andersen, 2014, s. 142].

По мнению Э. Хансена, возвращение старой системы вряд ли возможно, так как этому препятствует установившаяся традиция

² <http://www.information.dk/telegram/305366> (дата обращения: 06.03.2016).

обращаться к собеседнику по имени, предполагающая общение на «ты». Полного выхода из употребления *De* ожидать также не стоит, так как в таком случае произойдет разрушение имплицитной оппозиции: интимное *du* — сдержанное *De* [Hansen, 1998, s. 22]. Как считает Б. Андерсен, в настоящее время можно говорить о возникновении так называемого «нового» *De*, которое используется в ситуациях, не предполагающих интимно-доверительных отношений между коммуникантами — в государственных учреждениях, сфере обслуживания, рекламе и официальной корреспонденции [Andersen, 2014, s. 144–145].

Помимо обращений *du* и *De* в датском языке до сих пор сохраняется почтительное обращение в 3 лице, которое достаточно редко используется в нескольких коммуникативных сферах — в датском парламенте, правительстве, министерствах и армии, где действуют свои этикетные правила [Гурова, 2016, с. 146–147].

Начиная с 1970-х годов местоимение *du* все чаще используется вместо неопределенно-личного *man* [<http://dsn.dk/noid/>]. По мнению некоторых исследователей, причины этого явления связаны не столько с влиянием английского языка, сколько с изменениями, произошедшими в системе обращений в 1970-е годы [Bjergum, 1995, s. 13].

Э. Хансен и Л. Хельтофт указывают на обобщенное значение местоимения 2 лица единственного числа, так называемое «включающее» «ты» [Hansen, Heltoft, 2011, s. 553]. Адресат в данном случае выступает в качестве представителя всех остальных людей. Такое использование *du* известно еще по библейским текстам:

Du maa ikke slaa ihjel!

Не убий (досл. *Ты не должен убивать*) (Исход, 20:13).

В современном языке, по мнению авторов, фиксируется еще более обобщенное значение:

Det er det samme hvis du kender en person godt, du kender ikke vedkommende så godt, og der er to mennesker der arbejder sammen, så vil du vælge den du kender godt, ikke? (radiointerview).

То же самое, например, если ты кого-то знаешь хорошо, а этого человека не очень, и они работают вместе, тогда ты выберешь того, кого знаешь, верно? (из радиointервью).

Несмотря на то что эта тенденция более характерна для разговорного языка, данные *KorpusDK*³ свидетельствуют о том, что *du* может употребляться в неопределенно-личном значении и в письменных текстах. Как правило, они носят рекламный характер, ведь именно реклама, создавая иллюзию интимной доверительности, ставит себе целью воздействовать на всех потенциальных покупателей:

Fem minutters sjipling skulle være li'så godt som 30 minutters løb. Mens **du** sjipper, styrker **du** konditionen, gør maven flad, fladere, fladest ...

Проскакать пять минут на скакалке — все равно что пробежать 30 минут. Пока скачешь, ты приходишь в форму, живот становится плоским, еще более плоским, идеально плоским...

Интересны случаи, когда говорящий употребляет в неопределенно-личном значении сначала местоимение *man*, а потом *du* — либо во избежание повтора, либо для создания эффекта доверительности:

Jeg plejer normalt at flyve til København, fordi det er hurtigere. Men med flyvebåden får **man** en mere sammenhængende og bekvem rejse. **Du** slipper for at skulle tjekke ud og ind i lufthavne og tiden går hurtigt.

В Копенгаген я обычно лечу на самолете, потому что так быстрее. Но на метеоре поездка получается (досл. получаешь поездку) без пересадок, она более комфортна. Тебе не нужно регистрироваться на рейс и проходить паспортный контроль в аэропорту, к тому же время идет быстро [http://ordnet.dk/korpusdk].

Одна из новейших тенденций использования местоимения *du* — его употребление в эмотивной функции в конце предложения. Поскольку данное явление характерно для разговорной речи, в качестве материала были проанализированы реплики из популярных датских сериалов *Borgen* («Правительство», сезоны 1 и 2), *Forbrydelsen II* («Убийство II»), *Nikolaj og Julie* («Николай и Юлия»), *Bedrag* («Обман»).

³ <http://www.ordnet/korpusdk> (дата обращения: 06.03.2016).

Интересно, что в толковом словаре датского языка подобное использование местоимения не фиксируется. Указывается, что употребление *du* в сочетании с эпитетом в постпозиции характерно для архаичной и торжественно-возвышенной лексики. Однако в 28-томном толковом словаре, охватывающем лексику с 1700 по 1950 г., похожее использование встречается в примерах к одному из подзначений местоимения *du* [<http://ordnet.dk/ods>]. В пункте 1.4 основного значения «обращение» (*tiltale*) указывается употребление *du* как выражение презрения (*ringeagt*), намеренной грубости (*bevidst uhøflighed*), навязчивой доверительности (*påtrængende fortrolighed*). В качестве примеров приводятся следующие предложения:

Gjør Din Pligt, Du Slyngel!

Исполняй свой долг, негодяй ты эдакий!

Der er Syn for Sagen, Du Løgner, du!

Есть доказательства, лжец ты эдакий!

В современной разговорной речи местоимение *du*, занимая позицию в конце предложения, приобретает функцию междометной единицы. Все отобранные реплики с подобным употреблением *du* представляют собой эмоционально окрашенные предложения, в которых местоимение используется для усиления сказанного. По цели высказывания среди найденных примеров преобладают предложения восклицательные и утвердительные, кроме этого встретилось одно вопросительное. Интересно, что при переводе на русский язык они становятся вопросительно-восклицательными или вопросительно-утвердительными:

Nikolaj til Lars: *Jeg gider ikke høre din mening, **du!***

Николай Ларсу: *Мне твое мнение до лампочки, усек?!*

(*Nikolaj og Julie*, сер. 19, 26:01)

Aleksander til Knud: *Ved du hvad, jeg tager sgu chancen, **du.** Jeg skal ikke i fængsel, Knud.*

Александр Кнуду: *Знаешь что, я все же воспользуюсь шансом, ясно? Я, Кнуд, не собираюсь за решетку.*

(*Bedrag*, сер. 10, 22:02)

Indenrigsministeren til den nye justitsminister: *Hvad er det, der er så skidekompliceret, **du**?*

Министр внутренних дел новому министру юстиции: *Я, черт возьми, не понял, в чем сложность-то?*

(*Forbrydelse II*, сер. 6, 10:46)

Практически во всех коммуникативных ситуациях эмотивное *du* использовалось при общении между хорошо знакомыми людьми — друзьями, коллегами, родственниками. В официальной обстановке при обращении к незнакомому или малознакомому человеку подобное использование местоимения воспринимается как невежливое, даже хамское:

Damen på Statsamtet: *Jeg skal være objektiv.*

Nikolaj: *Det gør du ikke særlig godt, **du**!*

Сотрудница отдела по вопросам семьи: *Я должна быть объективной.*

Николай: *Это как-то у вас не особо получается, ясно?*

(*Nikolaj og Julie*, сер. 19, 1:41)

В большинстве случаев адресант выражал недовольство ситуацией или самим адресатом. Все предложения такого типа являлись восклицательными:

Nikolaj til Lars: *Du har fucked livet op for dine børn, men ødelæg det ikke for Emma, **du**!*

Николай Ларсу: *Ты испоганил жизнь своим детям, но Эммину не тронь, понял?!*

(*Nikolaj og Julie*, сер. 19, 26:20)

В других случаях использование эмотивного *du* было обусловлено желанием продемонстрировать интимную доверительность или дружескую фамильярность (1, 2). Предложения такого типа являлись утвердительными, причем некоторые из них использовались в ироничном смысле (3):

1. Mads (vågner og tager telefonen): *Hallo?*

Preben: *Så kan du godt stå op, **du**.*

Мадс (просыпаясь и поднимая трубку): *Алло?*

Пребен: *Слышь, давай-ка вставай (Bedrag, сер. 8, 46:16).*

2. Claudia til sønnen: *Næste gang så er det mig der skal være Real Madrid, du.*

Bertram (som spiller PlayStation): *Bedst ud af tre.*

Claudia: *Niksen, du. Vi skal pakke.*

Клаудиа сыну: *В следующий раз за «Реал Мадрид» играть буду я, понял?*

Бертрам (играя в PlayStation): *Играем три партии.*

Клаудиа: *Ну нетушки. Нужно собираться (Bedrag, сер. 9, 38:30).*

3. Oppositionslederen til den nye justitsminister: *Tillykke med tjasen. Held og lykke med det, du!*

Лидер оппозиции новому министру юстиции: *Поздравляю с назначением. Ну, и удачи с поручением (Forbrydelsen II, сер. 1, 30:25).*

Экспрессивная и побудительная функция *du* сближает его с междометиями. Интересно, что в качестве подлежащего в таких предложениях может выступать любое существительное, местоимения 1, 2 и 3 лица, безличное *det* и мнимое *der*. Таким образом, синтаксическая факультативность *du* также свидетельствует о функциональной близости с интеръекционными единицами:

Alf: *Det er sgu utroligt, hvad man kan gøre med en rigtig god finansdirektør, hvad.*

Mads: *Ledelsen i Energreen har pyntet på regnskaberne, du.*

Альф: *Чего только ни сотворишь при наличии превосходного финансового директора, просто невероятно, да?*

Мадс: *Руководство «Энергрин» приукрасило отчетность, понимаешь?*

(Bedrag, сер. 4, 51:14)

Mads til Alf (om Mia, som ligger hårdt kvæstet på hospitalet):

Hun er sej, du. Hun skal nok klare det.

Мадс Альфу (о Мии, которая находится в тяжелом состоянии в больнице):

Она молодец, ты же знаешь. Она обязательно справится.

(Bedrag, сер. 6, 04:40)

В целом можно сказать, что в начале XXI в. обращение *du* доминирует во всех коммуникативных сферах, однако имплицитная оппозиция *du* — *De* сохраняется и выражается другими вербальными и невербальными средствами. Кроме этого до сих пор сохраняется почтительное обращение в 3 лице, которое достаточно редко используется в нескольких сферах общения. К новейшим тенденциям в разговорной речи относится употребление местоимения *du* в неопределенно-личном значении, а также в функции эмотивного междометия в конце предложения.

ЛИТЕРАТУРА

- Гурова Е. А. Формы общения на «ты» и на «Вы» в датском языке // Синхрония; Диахрония; Текстология: Сборн. науч. стат. и перев.: К юбилею Е. М. Чекалиной / ред. Э. Б. Крылова. М.: МАКС-пресс, 2016. С. 139–147.
- Andersen B. Høflighed uden grænser — om du & De og den måde vi behandler hinanden på. Forlaget LIVA, 2014. 423 s.
- Bjerrum M. Om brugen af du i stedet for man // Mål og Mæle 3. 1995. S. 12–15. Den danske ordbog. URL: <http://ordnet.dk/ddo> (дата обращения: 02.03.2016).
- Galberg Jacobsen H. Takt, tone og tiltale // Nyt fra Sprognævnet. 1973. Nr. 11. S. 1–3.
- Hansen E. Skulle vi ikke være Des? // Mål og Mæle 1. Maj 1998. S. 19–20.
- Hansen E., Heltoft L. Grammatik over det Danske Sprog. 2011. Bind II. S. 421–1167.
- Kisbye T. DU og DE i nogle europæiske sprog — tiltaleformer i kulturhistorisk belysning // Mål og Mæle 3. 1985. S. 22–31.
- Nye ord i dansk fra 1955 til i dag. URL: <http://dsn.dk/noid/> (дата обращения: 03.03.2016).
- Ordbog over det danske sprog. URL: <http://ordnet.dk/ods> (дата обращения: 03.03.2016).

REFERENCES

- Gurova E. A. Formy obshcheniia na “ty” i na “Vy” v datskom iazyke [The forms of address “du” and “De” in Danish]. *Sinhronia; Diahronia; Tekstologia* [Synchrony; Diachrony; Textology]: A collection of reports and translations: On the anniversary of E. M. Chekalina. Ed. by E. B. Krylova. Moscow, MAKS-Press Publ., 2016, pp. 139–147. (In Russian)
- Andersen B. *Høflighed uden grænser — om du & De og den måde vi behandler hinanden på* [Politeness without limits — about “du & De” and the way we are treating each other]. Forlaget LIVA, 2014. 423 p.
- Bjerrum M. Om brugen af du i stedet for man [The use of “du” instead of “man”]. *Mål og Mæle* 3, november 1995, pp. 12–15.

- Den danske ordbog* [*The Danish Dictionary*]. URL: <http://ordnet.dk/ddo> (accessed: 02.03.2016).
- Galberg Jacobsen H. Takt, tone og tiltale [Etiquette and forms of address]. *Nyt fra Sprognævnet*, Nr. 11, oktober 1973, pp. 1–3.
- Hansen E. Skulle vi ikke være Des? [Should we be on formal terms?]. *Mål og Mæle* 1, maj 1998, pp. 19–20.
- Hansen E., Heltoft L. *Grammatik over det Danske Sprog* [*The grammar of the Danish language*]. Volume II, 2011, pp. 421–1167.
- Kisbye T. DU og DE i nogle europæiske sprog — tiltaleformer i kulturhistorisk belysning [“Du” and “De” in some European languages — forms of address in cultural and historic aspects]. *Mål og Mæle* 3, 1985, pp. 22–31.
- Nye ord i dansk fra 1955 til i dag* [*The new words from 1955 till today*]. URL: <http://dsn.dk/noid/> (accessed: 03.03.2016).
- Ordbog over det danske sprog* [*The Dictionary of the Danish Language*]. URL: <http://ordnet.dk/ods> (accessed: 03.03.2016).

Гурова Елена Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: e.gurova@spbu.ru

Elena Gurova

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: e.gurova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 07.03.16, принята к публикации 30.05.16

УДК 811.11-112

Ю. А. Клейнер

Санкт-Петербургский государственный университет

*WŌÐANAZ/ÓÐINN ЗА ПРЕДЕЛАМИ ГЕРМАНСКОГО ПАНТЕОНА

В качестве негерманских соответствий древнескандинавского Одина (Óðinn/Wōðan/Wōden/Wuotan, герм. *Wōðanaz) приводят обычно только лат. *vātēs* 'пророк' (ирл. *fáith* 'поэт'), возможно, связанное с корнем *wā- 'дуть' и значениями «ярость» и «вдохновение». Соответственно, Один толкуется как «духовное божество», «бог ветра» или «предводитель Дикой охоты», что предполагает его автохтонное германское происхождение. Сведение Одина с римск. Меркурием у Тацита, возможно, отражает позднейшее переосмысление взаимосвязи обоих богов и их функций, в частности сопровождения мертвых в иной мир. То же является функцией Аида, обладающего рядом характеристик, сближающих его с Одином, в их число входит *невидимость* (нарушение видения), что отразилось в имени Αιδης < *α-Fιδης с изменением морфологической структуры и десемантизацией α- после выпадения *F.

Сближение *α-Fιδης и *Wōð- основывается на допущении о развитии последнего из причастия прошедшего времени *vid-t(o)- с ударением на суффиксе, вызвавшим оглушение конечного *d, с последующим *t> *þ и озвончением (*þ *ð) по закону Вернера.

Вокализм может отражать вариативность различных ступеней аблаута корней со значением «видеть» (лат. *vidēre*, гот. *witan*) и «знать» (гр. Γοῖδα, гот. *wait*) и связанную контаминацию типа рус. *свидетель* 'тот, кто видел' < *свьдетель* 'тот, кто знает', что объясняет десемантизацию и утрату отрицательного префикса *η- Wōðanaz.

Такое развитие не исключает контаминации, в том числе с производными *vāt-*, включая форму с носовым инфиксом (*ventus*/**winðaz* 'ветер'), и, таким образом, с «дуть» и «вдохновение», а также «знание», ср. лат. *in-spir-atio* и исл. *spyrja* 'спрашивать, узнавать', что и постулируется в качестве изначальной характеристики Одина, определяющей его статус верховного бога.

Ключевые слова: Один (Óðinn, *Wōðanaz), *vātēs*, *Interpretatio Romana*, Меркурий, Аид, функции, признаки, этимология, народная этимология, Закон Вернера, «видеть» ~ «знать».

Yuri Kleiner

St. Petersburg State University

*WŌÐANAZ/ÓÐINN OUTSIDE THE GERMANIC PANTHEON

Odin's connections outside the Germanic realm (*Wōðanaz: Óðinn/Wōðan/Wōden/Wuotan) are limited to Lat. *vātēs* 'prophet' (Irish *fáith* 'poet'), probably akin to

**wa-* ‘blowing’, conveying the idea of ‘wind’, ‘inspiration’ and ‘fury’. The interpretation of Odin as a ‘spirit-’ or ‘wind god’, and the ‘leader of the Wild Hunt’ presupposes his Germanic autochthony. Tacit’s identification of Odin with Mercury may reflect the later re-interpretation of the two gods’ affinity and functions, particularly that of leading the dead to the Other World, also the function of Ἄιδης. The latter shares with Odin a number of characteristics, including ‘invisibility’ (resp. ‘lack of vision’, cf. Odin’s half-blindness), reflected in Ἄιδης < *α-Fιδης ‘unseen’, with prefix desemantization as a result of reanalysis after **F*-loss.

Comparison of *Fιδη- and Wōð- is possible, admitting that the root-final consonant in the latter belongs to the past participle of **vid-*, with **-d-* devoiced before the stressed suffix **-t(o)-*: **t* > **p* > **ð* (Verner’s Law). The vacillation of the root vocalism may reflect different ablaut grades of the ‘see’ (Lat. *vidēre*, Goth. *witan*) and ‘know’ (Gr. *φοῖδα*, Goth. *wait*), and contamination, similar to Russian *svidetel’* (‘one who saw’) ~ *svedetel’* (‘one who knows’), resulting in the desemantization and loss of the negative prefix in **n*₂-Wōðanaz.

This does not exclude contamination with the /*n*/-infix derivatives of *vāt-*, *ventus*/**windaz* ‘wind’, also connected with ‘blowing’ and ‘knowledge’, cf. Lat. *in-spir-atio* and Icelandic *spyrja* ‘to learn’, postulated as the *Benennungsmotiv* of Odin-*Wōðanaz.

Keywords: Odin (*Óðinn*, **Wōðanaz*), *vātēs*, *Interpretatio Romana*, Mercury, Hades, functions, traits, etymology, folk etymology, Verner’s Law, ‘to see’ ~ ‘to know’

Непреходящий интерес к древнегерманскому верховному богу Одину¹ не в последнюю очередь связан с отсутствием (соотв. поисками) связей его за пределами германского пантеона, в связи с чем возникает, естественно, и проблема изначальности той или иной его функции, этимологии имени и т. п. Это отличает Одина, в частности, от Тюра, который имеет надежные индоевропейские соответствия, по крайней мере в части имени, ср.: др.-исл. *Týr* (мн. *tívar* ‘боги’), др.-англ. *Tīw*, др.-в.-н. *Ziu*, < **dyēu*, др.-инд. *dyauh* ‘небо’, греч. *Ζεῦς*, *Jūpiter* (< *Jū-piter*) и т. д. [De Vries, 1961, S. 603].

Как заметил по поводу «равенства» *Dyauh* = *Zeus* = *Jupiter* = **Tiuz* Ж. Дюмезиль, «[В] различных областях индоевропейской общности одна и та же функция может приписываться... богам с разными именами. И наоборот, боги, носящие сходные или одинаковые имена, могут (вследствие определенной эволюции, не предполагающей серьезных изменений в структуре соответств-

¹ В опубликованной в 2011 г. статье А. С. Либермана об Одине, содержащей исчерпывающую (на момент публикации) библиографию работ по данной проблеме, самая ранняя — Я. Гримма — датируется 1835 г. [Lieberman, 2011, p. 419–430].

ющих религий) наделяться различными функциями» [Dumézil, 1973, p. 37].

Что касается функций и атрибутов верховного божества, полностью утраченных Тюрором, то они довольно причудливым образом распределились между Одним и Тором. В имени Тора отразилась функция Громовержца (ср.: *Þórr* ~ *Þunarr* (арх.), др.-англ. *Þūr* ~ *Þōr* ~ *Þunor*, др.-сканд. *Þunarr*, совр. англ. *thunder* 'гром'; ср. также название «молота Тора» *Mjöllnir* (= лит. *milna* 'молот Перкунаса'), рус. *молния* [De Vries, 1961, p. 619, 390]), никак не проявившаяся в германской традиции.

Лишь в качестве бога войны (одна из возможных функций верховного божества) Тюр однажды фигурирует в «Младшей Эдде», ср.: «Есть еще ас по имени Тюр. Он самый отважный и смелый, и от него зависит победа в бою. Его хорошо призывать храбрым мужам. Смелый, как Тюр, называют того, кто всех одолевает и не ведает страха. Он к тому же умен, так что мудрый, как Тюр, называют того, кто всех умнее» [SE: XXV]². Но упоминаемые здесь черты — «отвага», «мудрость» и «способность даровать успех в бою» — обычно приписываются Одину. Последний, по словам Ж. Дюмезиля, является «индоевропейским по своей функции и положению, но не по имени» [Dumézil, 1973, p. 38].

Действительно, единственным негерманским соответствием **Wōðanaz* (др.-исл. *Óðinn*, др.-англ. *Wōden*, др.-сакс. *Woden* и др.-в.-н. *Wuotan*) считается лат. *vātēs* 'пророк' (др.-ирл. *fāith* 'поэт'), на которое так или иначе опираются все существующие реконструкции.

Значение корня **wōð-* выводится на основании засвидетельствованных и реконструированных форм (см. табл. 1).

Лат. *vāt(ēs)* и его соответствия, **wā-* и **wāt-*, связывают корень **wōð-* с такими понятиями, как (а) «ярость», (б) «дуновение», (с) «ветер», (е) «вдохновение» и (f) «поэзия». Соединить эти смыслы не трудно, сложнее расположить их в виде цепочки, в начале которой находится, например, «вдохновение». Так считал П. Тиме [Thieme, 1971 (1954)].

² *Sá er enn áss, er Týr heitir. Hann er djarfastr ok bezt hugaðr, ok hann ræðr mjök sigri í orrostum. Á hann er gott at heita hreystimönnum. Þat er orðtak, at sá er týhraustr, er um fram er aðra menn ok ekki sést fyrir. Hann var ok vitr, svá at þat er ok mælt, at sá er týspakr, er vitrastr er.*

Таблица 1

	Герм.		Соответствия
I	гот. <i>wods (wops)</i>	‘одержимый’	Vātēs
	др.-в.-н. <i>wuot</i> нем. <i>wuot</i>	‘гнев, ярость’	
‘одухотворенный взволнованный’			
II	<i>wind</i>		*wā-/wāt- ‘дуть’
III	*wōp-an ~ wōp-en	указывает на связь с ветром и вдохновением	*vāt-eu- ~ *vāt-ēu
IV	др.-исл. <i>óðr</i>	‘песнь, поэзия’	

Задолго до Тиме Ш. де ла Соссей возводил к корню *wā- ‘дуть’ имя Одина (соотв. «бога ветра») [Saussaye, 1902, p. 221]. Не отрицая, что понятия «ветер» и «дух» «тесно связаны в языках и сознании многих народов», он тем не менее сомневался, что Один — «духовное божество», поскольку «само это понятие чуждо тевтонскому язычеству», и считал «этимологии, которые связывают это имя с др.-англ. *wood* (т. е. *wōd*. — Ю. К.), др.-в.-н. *wüten* или др.-исл. *odhr* (т. е. *óðr*. — Ю. К.), а также с лат. *vates*, неприемлемыми» [Saussaye, 1902, p. 221].

К этому высказыванию можно отнести замечание А. С. Либермана в связи с гипотезой П. Тиме: «Конечно, расстояние от “дуновения” до “вдохновения” (from ‘blow’ to ‘in-spire’) невелико. Хотя санскритско-греческие соответствия убедительны, а парадигма, которую Тиме предложил для *vātēs*, вполне реалистична, дуновение не вписывается в эту картину, если только мы не причислим “первобытного” Одина к богам ветров или не сделаем покровительство поэзии изначальной функцией Wodan’a-Óðinn’a» [Lieberman, 2011, p. 367]. Как верно замечает А. С. Либерман, «положение можно спасти, только предположив, что “дуновение” и “вдохновение” относятся к позднейшим стадиям» [Lieberman, 2011, p. 367]. По А. С. Либерману, эволюция Одина начинается с «дальнего предка Wodan’a», который «существовал задолго до образования индоевропейского пантеона и не имел человеческого облика. Отдельного бога просто не было, была только страшная толпа “диких охотников”. Со временем Один сделался их предводителем» [Lieberman, 2011, p. 357].

У Одина (**Wōðanaz*) действительно немало общих черт с предводителем «Дикой охоты», ср. у А. С. Либермана [Lieberman, 2011, p. 357–359] (со ссылками на Эндтера, Де Фриса и др.; см. табл. 2).

Таблица 2

Один	Предводитель «Дикой охоты»
Многочисленные животные имена Одина [De Vries, 1937, S. 179]	В легендах он выступает в образе пса, ворона или коня [Endter, 1933, p. 37–43]
Владеет волшебным конем (животное, ассоциирующееся со смертью и похоронами)	Дикий охотник верхом на коне вполне изначально мог быть конем без всадника [Endter, 1933, p. 44]
Тесная связь Одина и его коня указывает на то, что в своем новом качестве он предстает как повелитель мертвых [De Vries, 1931, S. 26]	Это существо не столько предводитель толпы, сколько преследователь. Позже к такому же выводу пришел Х. Кун, но он подчеркивал значение копья как атрибута бога смерти» [Lieberman, 2011, p. 358]

При таком сравнении каждый персонаж по необходимости предстает в виде своего рода «пучка различительных признаков». То же имело место в случае, известном как *Interpretatio Romana*, подходе, основывающемся на описании германцев у Тацита («*Germania*»), который, в свою очередь, опирался на свидетельства неизвестных информантов³. Здесь Один отождествляется с Меркурием: оба носят шляпы, ходят с посохом, оба — странники, обоих сопровождают птицы, оба — покровители поэзии, способны летать, оба обладают мудростью и склонны к обману, оба сопровождают мертвых в иной мир.

В каком-то смысле это отождествление сходно с «перераспределением функций», о котором писал Ж. Дюмезиль (см. выше). Необходимо, однако, учесть, что при межкультурном отождествлении за «различительные признаки» могли приниматься поверхностные характеристики («интегральные признаки») персонажа. Превращение их в различительные может произойти при смене культуры, о чем, вероятно, свидетельствует принятие германцами «дня Меркурия» (*dies Mercurii, Mercredi*), интерпретированного как «день Одина» (*Wednesday* и т. п.). Но это произошло позже, чем

³ Ср.: Кто бы ни были информанты Тацита, у нас нет оснований считать, что они собирали сведения от купцов (или солдат) [Lieberman, 2011, p. 360].

был создан пантеон древних германцев, а также греков, у которых «проводником мертвых» был Аид.

Интересно, что сравнение Одина и Аида никогда не проводилось. Между тем общих признаков у них по крайней мере не меньше, чем у Одина с Меркурием (или предводителем «Дикой охоты»). Так, одним из атрибутов Аида служил посох, который вполне может рассматриваться как аналог копья, являющегося (по Куну) главным атрибутом бога смерти (см. выше), ср.:

οὐδ' Αἴδας ἀκινήταν ἔχε ῥάβδον,
βρότεια σώμαθ' ἧ κατὰγει κοίλαν πρὸς ἀγνίαν
35 θνασκόκωντων (Ol. 9.33–35)

‘И не празден был посох Аида;
Которым гонимы смертные тела
К полым перепутьям
Умирающих’.

«Посох — копье» — не единственная черта, общая для Одина и Аида, ср.:

Таблица 3

Ἄιδης	Óðinn
Атрибуты: посох = копье (см. выше)	
Шлем	Шляпа с широкими полями
Ἄιδος κυνέν ‘маскировочный плащ’ (букв. ‘плащ Аида’), ср.: «Выражение Ἄιδος κυνέν ‘маскировочный плащ’ ... вряд ли отделимо от бога Подземного мира. Уже в эпические времена Аида ассоциировали с “невидимостью» [Frisk, 1960, S. 34]	Плащ, ср. <i>Sá var í feldi blám ok nefndist Grímnir</i> ‘Пришелец был в синем плаще и назвался Гримнир (= Один)’ [Grm, проза]
Эпитеты	
Ζεὺς καταχθόνος ‘подземный Зевс’	<i>Hróptatýr</i> ‘Скрытый (?) Тюр’
κλυτόπῳλος ‘славный конями’	Ездит на <i>Sleipnir</i> ’e
ἀ-ἰδής ‘невидимый’	<i>Grimnir</i> ‘скрытый под маской (шлема)’ <i>Hróptr</i> возм. ‘скрытый’ (?) возм. родств. κρυπτός [De Vries, 1961, S. 260] Одноглазый (полуслепой)
Ужасный	<i>Ýggr</i> ‘то же’

Άϊδης	Óðinn
Функции	
Повелитель иного мира	<i>Hofðingi myrkranna</i> букв. 'Повелитель тьмы' (ср. <i>Myrkheimr</i> 'мир тьмы = иной мир': <i>Eldi gaf hon þá alla, / er inni váru / ok ... kom-nir váru ór Myrkheimir</i> 'Всех предала огню, кто вернулся из Мюркхейма' <i>Akv</i> 42) Ср.: <i>Fór ek nú niðr í undirdjúp ... Fann ek þá hofðingja myrkranna. ... Þótti mér sem þat mundi Óðinn vera, því at hann var einsýnn</i> 'И вот, я спустился в Бездну... Увидел повелителя тьмы. Показалось мне, что это — Один, потому что был он одноглазый' [<i>Esa</i> 13]

Добавим к этому некоторые косвенные данные:

Таблица 4

	Άϊδης	Óðinn
Отец	Κρόνος (оскопил Урана, своего отца)	<i>Borr</i> (убил <i>Buri</i> , своего отца)
Жена	Персефона (Περσεφόνη) дочь Деметры (Δημήτηρ) 'Матери-земли'	Фригг (<i>Frigg</i>) дочь <i>Fjörgynn</i> ~ ж. р. <i>fjörgyn</i> 'земля' <i>Fjörgyn</i> 'Мать Тора', ср.: гот. <i>fairguni</i> 'гора' Ст.-сл. <i>Perunŭ</i> , лит. <i>Perkúnas</i>

Нельзя, конечно, исключить, что такие сходжения, не подкрепленные соответствием друг другу, имен все же могут быть типологическими или даже просто случайными. Чрезвычайно привлекательной в этом отношении выглядит пара **Wóðanaz* — *vātēs*, которая могла бы служить иллюстрацией законов Раска-Гримма и Вернера. Эта линия, предполагающая автохтонность Одина, неизбежно наталкивается на трудности, связанные с превращением признака в мифологический персонаж (см. выше).

Иное, не столь прямолинейное развитие можно предположить исходя из общего для Аида и Одина свойства, связанного с *невидимостью*, проявляющейся в атрибутах того и другого (шлем, шляпа), и *незрячестью*, или «нарушением видения», — активном в случае Одина, лишившегося глаза, и пассивном у Аида, невидимого для других, — "*unsichtbar*, или *nicht anzusehen*" [Frisk, 1960, S. 34].

Для обоих имен можно постулировать пракорень **vid-*, представленный в изначальной форме имени Аида: **ǎ-Fīδης* (> *Αιδης*). В **Wōð-anaz* звонкий спирант в исходе корня указывает на возможное действие закона Вернера, что, в свою очередь, предполагает ударение на суффиксе, а значит, на причастную форму **vid-t(o)-* с оглушением конечного **d* перед **t(o)-* (с последующим **t > *p > *ð*). В качестве исходной формы здесь выступает корень причастия **vit-(t)-* до изменения *tt > ss*, регулярного в германских языках, ср. гот. *wissa* < *wid-tam*, (а также в итальянском и кельтском; при *st* в иранском, славянском и греческом, η-*wid-to-* < *ǎ-ιστος* ‘незнакомый’) [Prokosch, 1939, p. 85]. Характер изменения зависел от структуры слога (места слоговой границы) [Бернштейн, 1961, с. 188–189] и, соответственно, количества корневого гласного, ср. *s < ss* после долгого *s*: **weid-to*, гот. *un-weis*, др.-сканд. *vís-* (им. ед. ч. м.р. *viss*) [Prokosch, loc. cit]; ср. также: греч. *μέτρον* ‘мера’ (< **mettro-* < **medtro*) вследствие *ē*, а не *ě* в корне [Hilmarsson, 1993, p. 212–214] (со ссылкой на К. Бугманна).

Поведение гласных в этой ситуации описал А. Мейе: «Один и тот же корневой элемент мог... иметь, например, формы *pet, pēt, pot, pōt, pt* <...> Отсюда следует, что в индоевропейском языке гласные никогда не характеризовали ни корень, ни суффикс: во всех морфологических элементах, собственно говоря, был один и тот же гласный, который фигурировал в виде *ě, ē, ō, o* или нуля в зависимости от типа словообразования и грамматических форм» [Meillet, 2009, p. 101–102]. «Зависимость от типа словообразования и грамматических форм» отражает два вида парадигм, соответственно, аблаутных чередований гласных, что и проявилось, по-видимому, при субстантивации причастия. К этому можно добавить возможность контаминации и, соответственно, переосмысления форм, как в случае с рус. *свидетель* ‘тот, кто видел’ < *свьѣдѣтель* ‘тот, кто знает’, с /i/ (лат. *vidēre*) / ~ /ei/ (греч. *Feiδῆσω*) и т.д., а также авест. *vista* ‘известный’ и арм. *gitem* ‘я знаю’ vs /oi/ (греч. *Foīδα*) ~ /é/ (авест. *vēda*) и т.д., а также лит. *vėizdmi* ‘я вижу’ [Фасмер, 1971, с. 377; 1964, с. 312, 283], т.е. в *видеть* и *ведать* представлены две ступени аблаута [Фасмер, 1964, с. 283, 312].

В германских языках глаголы со значением «видеть» и «знать» и их производные также демонстрируют разную огласовку, /i/: гот. *witan* ‘знать «иметь увиденным» (have seen)’, др.-исл. *vita*, др.-

англ., др.-сканд. *witan*, др.-в.-н. *wizzan*; /ai/: гот. *wait* ‘я знаю’ ~ *witan* ‘наблюдать’, /i:/ ~ /o:/: **weitwops* ‘свидетель’ (см.: [Lehmann, 1986, p. 407]).

Что касается эволюции значения, то, как замечает У. П. Леманн, «*wait* и его производные превосходно демонстрируют, как праиндоевропейские перфектные формы, обозначающие состояние, в готском языке превратились в претерито-презентные глаголы, то есть в претеритные формы со значением презенса. Этот сдвиг произошел, когда время сменило вид как одну из составляющих глагольного значения... Законченное действие, выраженное “перфектными” формами типа праиндоевропейск. *woyd-* ‘иметь увиденным’ (*have seen*) стали обозначать современное состояние “знать”» [Lehmann, 1986, p. 407].

В нашем случае можно предположить сходное развитие от «(не-)увиденный» к «узнанный», что среди прочего объясняет десемантизацию отрицательного префикса (**un/*n/*ǎ*) и его утрату. (В **ǎ-Fīdης* имел место обратный процесс: десемантизация префикса, вызванная изменением морфологической структуры вследствие выпадения *F: **ǎ-Fīdης* > *ʼAīdης*.)

Схождения на разных этапах родственных или близких по форме или значению слов позволяют свести воедино (и в каком-то смысле примирить) различные подходы к происхождению и этимологии имени Одина. Конечно, «никто не смог представить неоспоримых доказательств того, что **Wōðanaz* родственно *vātēs* и *faith*» [Lieberman, 2011, p. 376]. Но это относится к изначальному, этимологическому родству. В данном случае речь идет о более сложном взаимодействии многих факторов, относящихся к разным областям — лингвистике, поэтике, фольклору и т. п. В каком-то смысле сводятся воедино собственно этимология и народная этимология.

В этой ситуации не столь важно, восходят ли *видеть* и *ведать* к одному этимону или «сошлись» в процессе эволюции видовременных отношений в том или ином языке. Точно так же на каком-то этапе в том же ряду могут оказаться слова с корнем *vat-* и его модификации, такие как *ventus*/**winðaz* ‘ветер’ ~ лит. *vandau* ‘вода’, откуда для этого корня и выводятся значения «дуть» и «вдохновение» [Thieme 1971], что, впрочем не исключает и коннотации в нем «познания», ср.: лат. *spiro* ‘дуть’, *in-spir-atio* ‘вдохновение’ и исл. *spyrja* ‘узнавать’.

Этот элемент, по-видимому, еще отсутствовал в значении имени Аида, но, очевидно, появился в имени Одина, мудрость которого не ограничивалась знанием или даже изобретением рунических букв, но включала «тайное знание» (*rún*). Его Один получил, пройдя «девять миров» (= девять циклов творения), в число которых входит, естественно, и *Hel*, иной мир, Царство мертвых⁴. Очевидно, что у германцев знание, в том числе судеб, стояло выше могущества и успеха в бою⁵, что и определило верховное положение Одина в древнегерманском пантеоне.

ЛИТЕРАТУРА

Памятники, переводы

Младшая Эдда / изд. подгот. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Наука, 1970. 144 с. (Литературные памятники).

Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / пер., ст. и коммент. М. Л. Гаспарова; отв. ред. Ф. А. Петровский. М.: Наука, 1980. 503 с. (Литературные памятники).

Старшая Эдда / пер. А. И. Корсуна; ред., вст. ст. и ком. М. И. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 2006. 259 с. (Литературные памятники).

Akv — *Atlakviða in Groenlenzka (Sæmundar Edda)*. Цит. по: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/anord/edda/edda.htm> (по изд.: *Edda, Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern* / Hrsg. v. Gustav Neckel). Пер.: Старшая Эдда, 2006.

Esa — *Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana*. Цит. по: <https://www.snerpa.is/net/forn/asberser.htm>

Grm — *Grímnisál (Sæmundar Edda)*. Цит. по: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/anord/edda/edda.htm> (по изд.: *Edda, Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern*, hrsg. v. Gustav Neckel). Пер. см.: Старшая Эдда, 2006.

Ol — Pindar. *Olympian Odes. Pythian Odes* / ed. and translated by William H. Race. Cambridge, Mass.; London, England: President and Fellows of Harvard College, 1997. 416 p. (Loeb Classical Library). Пер. см.: Пиндар. Вакхилид, 1980.

SE — Snorra Edda. *Gylfaginning*. Цит. по: *Die Prosaische Edda im Auszuge nebst Volsunga-saga und Nornagests-thaatr* / Ed. by E. Wilken. Paderborn: Verlag von Ferdinand Schöningh, 1877. CVIII, 230 p. Пер. см.: Младшая Эдда, 1970.

⁴ Примечательно, что, подобно Аиду, Хель — хранительница Царства мертвых, также называемого Хель.

⁵ Не случайно, по-видимому, бог-воитель Тор отождествляется у Тацита не с богом типа Ареса/Марса, а с Геркулесом.

Словари

- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, Т. I. 1964. 563 с.; Т. III. 1971. 827 с.
- De Vries J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: E. J. Brill, 1961. 689 с.
- Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1960. 2428 с.
- Lehmann W. P. *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden: E. J. Brill, 1986. 712 с.

Исследования

- Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 150 с.
- Dumézil G. *Gods of the Ancient Northmen*. Berkeley; Los Angeles, 1973. 157 с.
- Hilmarsson J. The Fate of TTR/RTT in Indo-European // *Indogermanica et Italica* / Ed. by Gerhard Meiner. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. 1993. P. 209–222.
- Lieberman A. A short history of the god Óðinn // *North-Western European Language Evolution (NOWELE)*. 2011. Vol. 62–63. P. 351–430.
- Meillet A. *Caractères généraux des langues germaniques*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 220 p.
- Prokosch E. *A comparative Germanic grammar*. Baltimore: Linguistic Society of America, 1939. 353 p.
- Saussure Ch. *de la*. *The Religion of the Teutons*. Boston; London: Ginn, 1902. 528 p.
- Thieme P. Die wurzel *Vat* // Thieme P. *Kleine Schriften*. Teil I. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1971. S. 139–149 (первая публикация — 1954).

REFERENCES

Texts

- Akv* — *Atlakviða in Grœnlenzka* (Sæmundar Edda). Quoted from:
<http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/anord/edda/edda.htm> (on the basis of the edition *Edda, Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern*, hrsg. v. Gustav Neckel).
- Esa* — *Egils saga einhenda ok Ásmundar berserkjabana*. Quoted from:
<https://www.snerpa.is/net/forn/asberser.htm>
- Grm* — *Grímnisál* (Sæmundar Edda) Quoted from:
<http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/germ/anord/edda/edda.htm> (on the basis of the edition *Edda, Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern*, hrsg. v. Gustav Neckel).
- Ol* — Pindar. *Olympian Odes*. Pythian Odes. Ed. and translated by William H. Race. Loeb Classical Library. Cambridge, Mass.; London, England, Presi-

- dent and Fellows of Harvard College, 1997. 416 p. Translation: see Petrovskij, 1980.
- Petrovskij F. A. Pindar. Bacchilides. *Ody. Fragmenty* [*Odes. Fragments*]. Translation, introduction and comments by M. L. Gasparov. (Literary Monuments). Moscow, Nauka Publ., 1980. 503 p. (In Russian)
- Steblin-Kamenskij M. I. *Mladshaia Edda* [*The Younger Edda*]. Eds. O. A. Smirnitkaia and M. I. Steblin-Kamenskii. (Literary Monuments). Leningrad, Nauka Publ., 1970. 144 p. (In Russian)
- Steblin-Kamenskij M. I. *Starshaia Edda* [*The Elder Edda*]. Translated by A. I. Korsun. Edited with an introduction and comments by M. I. Steblin-Kamenskij. (Literary Monuments). Moscow, Nauka Publ., 2006. 259 p.
- SE — *Snorra Edda. Gylfaginning*. Quoted from: *Die Prosaische Edda im Auszuge nebst Volsunga-saga und Nornagests-thaatr*. Ed. by E. Wilken. Paderborn, Verlag von Ferdinand Schöningh, 1877. Translation: see Steblin-Kamenskij, 1970. CVIII, 230 p.

Dictionaries

- Vasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [*Russian etymological dictionary*]. Moscow, Progress Publ., vol. I, 1964. 563 p.; vol. III, 1971. 827 p. (In Russian)
- De Vries J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden, E. J. Brill, 1961. 689 p.
- Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1960. 2428 p.
- Lehmann W. P. *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden, E. J. Brill, 1986. 712 p.

Studies

- Bernshtein S. B. *Ocherk sravnitel'noi grammatiki slav'anskikh iazykov* [*Survey of comparative grammar of the Slavic languages*]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Press, 1961. 150 p. (In Russian)
- Dumézil G. *Gods of the Ancient Northmen*. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1973. 157 p.
- Hilmarsson J. The Fate of TTR/RTT in Indo-European. *Indogermanica et Italica*. Ed. by Gerhard Meiner. Festschrift für Helmut Rix zum 65. Geburtstag. Innsbruck, Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, 1993, pp. 209–222.
- Lieberman A. A short history of the god Óðinn. *North-Western European Language Evolution (NOWELE)*. 2011, vol. 62–63, pp. 351–430.
- Meillet A. *Caractères généraux des langues germaniques*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 220 p.
- Prokosch E. *A Comparative Germanic Grammar*. Baltimore, Linguistic Society of America, 1939. 353 p.
- Saussure Ch., de la. *The Religion of the Teutons*. Boston, London, 1902. 528 p.
- Thieme P. Die wurzel *Vat*. Paul Thieme. *Kleine Schriften*. Teil I. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1971, pp. 139–149. (First published — 1954).

Юрий Александрович Клейнер

профессор, доктор филологических наук,
кафедра общего языкознания,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: yurikleiner@hotmail.com; y.kleyner@spbu.ru

Yuri Kleiner

Professor, Doctor, Doctor (habil.)
Department of General Linguistics,
St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: yurikleiner@hotmail.com; y.kleyner@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 07.03.16, принята к публикации 30.05.16

УДК 811.11-112

Ю. К. Кузьменко

Институт лингвистических исследований РАН

ЕЩЕ РАЗ О ВОЗМОЖНОСТИ СААМСКОГО ВЛИЯНИЯ НА СКАНДИНАВСКИЕ ЯЗЫКИ*

В статье приводятся дополнительные аргументы, свидетельствующие о возможности саамского влияния на скандинавские языки. Возможность распространения черт саамской интерференции в собственно скандинавские ареалы подтверждается не только данными древнескандинавской литературы об отсутствии стигматизации саамов, но и данными популяционной генетики, свидетельствующими о распространении у шведов и норвежцев характерных для саамов хромосомной гаплогруппы N1c и митохондриальных гаплогрупп U 5 и V. Изменения в структуре населения Скандинавии, вызванные двумя пандемиями чумы (юстинианской чумой в VI–VIII вв. и «черной смертью» в XIV–XV вв.), которые в гораздо меньшей степени затронули центральные и северные районы Скандинавского полуострова, также могли способствовать распространению черт саамской интерференции.

Ключевые слова: саамо-скандинавский контакт, история скандинавских языков, гаплогруппы саамов и скандинавов, пандемии чумы в Скандинавии.

Yury Kuzmenko

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

ON THE POSSIBILITY OF A SÁMI INFLUENCE ON THE SCANDINAVIAN LANGUAGES ONCE AGAIN

New arguments concerning Sámi influence on the Scandinavian languages have been offered. The possibility of the spreading of Sámi interference into the predominantly Scandinavian areas is confirmed not only by the Old Scandinavian sources in favor of the absence of Sámi stigmatization in the Scandinavian society, but also by the data of population genetics about the distribution of the “Sámish” Y-DNA-haplogroup N1c and mtDNA-haplogroups U5 and V among Swedes and Norwegians. Changes in the population structure due to two pest pandemics in the 6th–8th centuries (‘Justinian Pest’) and the 14th–15th centuries (‘Black Death’) in Scandinavia, which affected the central and northern parts of the Scandinavian peninsula to a much lesser extent, may have contributed to the spreading of Sámi interference, as well.

Keywords: Sámi-Scandinavian contact, history of the Scandinavian languages, haplogroups of the Sámi and Scandinavians, pest pandemics in Scandinavia.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-04-00580.

В ряде работ я высказал предположение о том, что многие скандинавские инновации, отличающие скандинавские языки от других германских языков, могли быть предопределены финно-угорским и прежде всего саамским влиянием (см., напр.: [Kusmenko, 2007; 2008 (2010)]). Можно выделить две группы скандинавских инноваций, связанных с саамо-скандинавскими контактами. Одни инновации, имеющие общескандинавский характер, начали распространяться в VI–XI вв. К таким инновациям относятся отпадение общегерманских приставок (см., напр., др.-англ. прич. II *gefylled*, но др.-исл. *fyllt*), преаспирация (см. сев. саам. *dahkat* — исл. *drekka* /*drehka*/), которая сохраняется в шведском, норвежском, исландском и фарерском языках и которая стала кратковокалическим (западноютландским) толчком в датском (/dreʔg/ < /*driʰkka/), ассимиляция носового согласного (типа шв. *dricka* < **drinkan*, ср. сев. саам. *roggat* < **ranGe*), суффиксация местоимения *-inn*, превратившегося впоследствии в суффиксированный артикль (см. др.-исл. *hann hefir brotit bein hit* > *hann hefir brotit beinit* ‘он сломал ногу (опр.)’ < саам. *son lea doadján juolggis* ‘он сломал свою ногу’), суффиксация возвратного местоимения в медиальном значении (см. др.-шв. *opna* ‘открывать’ — *opnas* < *opna sig* ‘открываться’, ср. сев. саам. *rahpat* — *rahpasit* ‘открывать — открываться’), ставшего впоследствии показателем пассива. Возможно, и некоторые другие инновации также связаны с саамской интерференцией, в частности древнескандинавские суффиксированные отрицания *-at*, *-ki/-gi* или сегментация (*jj*, *ll*, *nn* > *dj*, *dl*, *dn*). Все эти инновации распространились в VI–XI вв. и захватили в разной степени всю Скандинавию, включая Исландию и Фарерские острова.

Другая группа инноваций характерна только для северо-восточного скандинавского ареала (северо-восточные шведские и норвежские диалекты). Эти инновации только частично затронули шведскую и обе норвежские литературные нормы. К таким инновациям относится появление сложных предлогов (ср. шв. предлоги *inåt* ‘внутри’, *inifrån* ‘изнутри’, *inom* ‘внутри’ и южносаам. послелого *sijste*, *sistie*, *sisnie*), удлинение согласного в исконных краткосложных словах (ср. др.-исл. /vika/ > /vi:ka/, но шв. *veck*, наиболее сильно в Трёнделаге, см. формы типа /vuk:u/ < /viku/, /våt:å/ < /vita/), баланс гласных (*kasta* — *ba'kå* < *kasta* — *baka* и полмаксаам. *rihtta* — *riðā*) и качественное выравнивание гласных (метафония)

в краткосложных двусложных словах (см. особенно трэндские формы типа *vukku* < *viku*, *våttå* < *vita* и северошв. *firi* < *farit*, *lædu* < *ladu* и южносаамскую метафонию см. *bissij* — сев. саам. *bassii*, *kæsuk* сев. саам. *gassut* и т. п.) и отпадение *-t* в безударном слоге (/landə/, /lan: ə/ < *landet*, ср. сев. саам. *borrat* > *borra*). Возможно, к инновациям этого же типа относится и генерализация препозиции генитива в сочетании двух существительных, которая не затронула островные скандинавские языки (ср. подобную модель в финно-угорских языках). Эти инновации появились и распространились в северо-восточном скандинавском ареале в XIII–XV вв.

Предполагалось, что все эти скандинавские инновации появились вначале в скандинавском языке саамов и затем распространились в собственно северогерманский ареал [Kusmenko, 2008 (2010), s. 33]. И если теоретическая возможность интерференции такого типа в скандинавском языке саамов не могла вызвать возражений, то предположение о распространении их в собственно северогерманские диалекты могло показаться невероятным. Несмотря на то что в обширных рецензиях на мою книгу (см., напр.: [Schulte, 2009; Bull, 2010]) рецензенты скорее благосклонно отнеслись к моим идеям (см., особенно: [Bull, 2010]), во многих частных беседах мои скандинавские коллеги высказывали сомнение в их правомерности, причем возражения вызывали не конкретные лингвистические модели взаимодействия, а социолингвистические обстоятельства. Трудно было поверить, что интерферентные черты скандинавского языка саамов, небольшого народа, живущего на самом севере Скандинавии, который к тому же был подвержен стигматизации и, как считалось еще в начале XX в., всегда был только «объектом презрения»¹ со стороны скандинавов, могли распространиться в собственно скандинавские ареалы.

¹ Норвежский историк А. Хансен отказывался идентифицировать саамов с *finnar* древнеисландских и древненорвежских источников на том основании, что *finnar* описывались в сагах с уважением, в то время как саамы «так же как сегодня, были только объектом презрения норвежцев» [Hansen, 1907, s. 134]. А знаменитый шведский филолог Адольф Нурен отказывался видеть в древнеисландских и древненорвежских *finnar* саамов, поскольку имя *Finnr* и его производные были очень распространены среди скандинавов. Он недоумевал: «Непонятно, почему питающим отвращение и презрение саамам и финнам должна была быть оказана даже большая честь при имянаречении, чем данам и свеям» [Noreen, 1911, s. 151].

Предвидя такие возражения, я значительную часть своей книги посвятил доказательству того, что в общескандинавскую эпоху не только не было никакой стигматизации саамов, но они, прежде всего южные саамы, были важным элементом скандинавского общества и во многих областях, таких как колдовство и врачевание, стрельба из лука и зимняя охота, были несомненными авторитетами для скандинавов. Об отсутствии стигматизации саамов в эпоху викингов свидетельствует представление скандинавов еще в XIII в. (см. Снорри Стурлусон и Саксон Грамматик) о том, что скандинавские конунги могли иметь саамских жен. Об этом же свидетельствует и влияние саамской охотничьей и колдовской культуры на соответствующую скандинавскую традицию, и распространение собственного имени *Finnr* (букв. «саам») и производных от него (см., напр.: [Kusmenko, 2008 (2010), s. 316–399; 2009; 2010]). О принятии (*acceptance*) саамов в скандинавском обществе эпохи викингов пишет и Эльсе Мундал [Mundal, 1996; 2000; 2004; 2010]. В своей работе я опирался также на данные археологов, которые показали и то, что южная граница расселения саамов около 1000 г. проходила гораздо южнее южной границы современного расселения южных саамов (см., напр.: [Zachrisson, 1997, карта на с. 139]), и то, что для области саамо-скандинавских контактов был характерен «культурный симбиоз» [Kusmenko, 2008 (2010), s. 218] (см. также: [Zachrisson, 2004; 2010]) и «относительно незначительная степень культурной креолизации» [Hansen, Olsen, 2004, s. 107]. Таким образом, и древнезападноскандинавская литература, и археологические данные, говорящие о культурном симбиозе саамов и скандинавов в областях Центральной Норвегии и Швеции, свидетельствуют о том, что не было никаких социолингвистических препятствий для проникновения продуктов саамской интерференции в собственно скандинавские ареалы.

Однако в книге остались незатронутыми два вопроса: вопрос о малочисленности саамов и вопрос о том, насколько современные генетические исследования могут подтвердить идею о саамо-скандинавских контактах. В статье я хотел бы остановиться именно на этих вопросах.

В современной Норвегии сейчас только 1 % населения составляют саамы (50 000 из 5 000 000), а в Швеции их процент еще меньше (0,4 %) (20 000 из 10 000 000). Причем только примерно половина

всех шведских и норвежских саамов знает саамский язык. Поэтому вопрос о том, каким образом язык такой малочисленной группы населения мог повлиять на язык пассионарных викингов и их потомков кажется вполне правомерным. Рассмотрим вначале данные популяционной генетики. Как известно, различают хромосомные гаплогруппы (Y-DNA), которые передаются по мужской линии (от отца к сыну) и митохондриальные гаплогруппы (mtDNA), которые наследуются по женской линии (от матери к дочери). Для современных саамов характерны три основные хромосомные гаплогруппы — это самая частотная гаплогруппа N1c (45–50 %), которая характерна и для других народов, говорящих на финно-угорских языках (80 % у удмуртов, 70,9 % у финнов в Восточной Финляндии и 41,3 % у финнов в Западной Финляндии, 40 % у эстонцев), и для народов, находившихся в контакте с финно-угорскими народами (у литовцев и латышей около 40 %, в Северной России более 30 %) [Tambets et al., 2004; Lappalainen et al., 2008; 2009]. Вторая по частотности гаплогруппа саамов — это I1 (31,4 %), характерная для германоязычных народов (процент этой гаплогруппы у шведов — 41,9 %, у норвежцев — 37,9 %, у датчан — 32,5 %, у немцев в Северной Германии — 27,7 %, у фризов — 29,0 %, у голландцев — 22,6 %) [Tambets et al., 2004; Rootsi et al., 2005; Karlsson et al., 2006; Dupuy et al., 2006]. Третья по частотности саамская хромосомная гаплогруппа — это R1a (13–20 %), которая характерна для восточных индоевропейцев (балтов и славян: 56,6 % у поляков, 41 % у латышей и 38 % у литовцев) и для части германоязычных народов (около 25 % у шведов, норвежцев и восточных немцев) [Dupuy et al., 2006; Semino et al., 2000].

Считается, что основу генетического пула саамов составляет «исконная» финно-угорская гаплогруппа N1c, которую предки саамов и финнов принесли из района финно-угорской прародины в Восточной Европе или Западной Азии. Наличие у саамов значительной доли гаплогруппы I1 определяется саамо-скандинавскими контактами, а наличие гаплогруппы R1a — балто-, славо- или скандинаво-саамскими контактами. Соответственно, именно распространение хромосомной гаплогруппы N1c у скандинавоязычных народов должно свидетельствовать о саамо- и финно-скандинавских контактах. Процент носителей этой гаплогруппы в скандинавских провинциях не идет ни в какое сравнение с процентом

саамского и финского (квенского) населения в Швеции и Норвегии. В Швеции в целом доля N1c составляет 11 %. Причем наибольший процент носителей N1c характерен для шведской провинции Вестерботтен (37 %), значителен он и в более южных провинциях Швеции (в Сёдерманланде — 15,4 %, в Упланде и Вестманланде он превышает 12 %) [Lappalainen et al., 2008; 2009]. В Норвегии в целом всего 4 % мужского населения имеют гаплогруппу N1c. В юго-западных областях Норвегии ее вообще не обнаруживают, тогда как в норвежском Финмаркене доля носителей гаплогруппы N1c составляет 18,6 %, сравнительно высока она и во внутренних областях Центральной Норвегии — 10–15 % (прежде всего во внутреннем Трёнделаге) [Dupuy et al., 2006]. Напомним, что речь в данном случае идет о проценте хромосомной гаплогруппы, т. е. о тех случаях, когда мы устанавливаем скандинавских потомков саамских мужчин, а не саамских женщин.

Древнеисландская литература и саамские источники гораздо чаще рассказывают нам о том, что скандинавские мужчины брали в жены саамских женщин (ср., в частности, рассказ о саамской жене Харальда Прекрасноволосого). Об этом же свидетельствует и большой процент характерной для скандинавов хромосомной гаплогруппы I1 у саамов (см. выше). Что касается гаплогрупп потомков саамских женщин, то, несмотря на то что в Европе различия в митохондриальных гаплогруппах в гораздо меньшей степени, чем различия в хромосомных гаплогруппах, могут быть связаны с этническими различиями (см., напр., равномерное распространение самой частотной в Европе гаплогруппы H [Achilli et al., 2004]), можно увидеть, что скандинавские саамы значительно отличаются от остального населения Европы. Это отличие в первую очередь связано с высокой частотностью гаплогрупп U5 и V. У норвежских саамов частотность U5 (в первую очередь U5b1) составляет 56,8 %, а частотность V — 33,1 %. У шведских северных саамов частотность U5 — 33,5 %, а частотность V — 58,6 %, у шведских южных саамов U5 — 23,95 %, V — 37 % [Ingman, Gyllensten, 2006; Weinstock, 2010]. Считается, что именно саамы сохранили лучше всех в Европе митохондриальные гаплогруппы охотников и собирателей верхнего палеолита и мезолита U5 и V [Torroni et al., 1998]. Генетическое исследование останков показало, что у носителей ямочно-гребенчатой керамики, которую часто связывают

с финно-уграми, довольно частотны гаплогруппы U5 и V [Malmström et al., 2010].

Если мы обратимся к митохондриальным гаплогруппам скандинавоязычного населения, то обнаружим и здесь значительный процент гаплогруппы U5. Доля гаплогруппы U5 в северной и центральной Скандинавии доходит до 30 % и соответствует проценту U5 в Северо-Западной России и Прибалтике, т. е. в областях со значительным процентом «финно-угорской» хромосомной гаплогруппы N1c. Что касается саамской митохондриальной гаплогруппы V, то, несмотря на то что ее процент у шведов и норвежцев не превышает 7 %, в некоторых районах Южной (!) Швеции Киттлес с соавторами отмечают ее необычайно высокий процент (до 40 %) [Kittles et al., 1999] (см. также: [Erlingsson, 2005]). В Южной Швеции отмечают и большой процент U5 (36 %), причем доля U5b1, одной из двух наиболее характерной для саамов гаплогрупп, составляет в Сконе 29 %. Однако даже если мы оставим южно-шведскую генетическую загадку неразрешенной, мы можем отметить, что сравнение процентного соотношения митохондриальных гаплогрупп, характерных для саамов, с процентным соотношением скандинавских (в первую очередь шведских и норвежских гаплогрупп) говорит о значительном влиянии саамского митохондриального генетического пула на скандинавский. Конечно, абсолютное преобладание исследований по современной популяционной генетике над очень малочисленными исследованиями по археогенетике (см., напр.: [Malmström et al., 2010]) и статистическая недостоверность последних не позволяют нам определить, к какому именно времени относятся генетические связи саамов (и квенов) со скандинавами. Обращение к гаплогруппам современного населения Скандинавии, которое очевидно свидетельствует о саамо-скандинавских и квенно-скандинавских контактах и о масштабах этих контактов, не говорит нам о том, имеем ли мы дело с контактами эпохи появления в Скандинавии ямочно-гребенчатой керамики (4000–2000 гг. до н. э.), или с контактами общескандинавской эпохи (VI–XII вв.), или с более поздними контактами. Очевидно, что контакты, начавшись в эпоху ямочно-гребенчатой керамики, продолжались и в более позднее время. О связях в общескандинавскую эпоху у нас уже есть сведения из древнезападноскандинавской литературы, и именно они наиболее полно отразились в общескандинавском языке.

Рассмотрим теперь абсолютные цифры соотношения саамского и скандинавского населения в тот период, когда можно более или менее достоверно установить численность населения Швеции и Норвегии. Норвежские демографы полагают, что население Норвегии в начале XIV в. составляло около 350 000 человек, причем основная часть населения была в Юго-Западной и Южной Норвегии. В Северной и Центральной Норвегии, т. е. в тех районах, где можно предположить саамо-скандинавский контакт и культурный симбиоз, жило всего 70 000 человек (т. е. около 20 %, 15 % — в Центральной Норвегии и 5 % — в Северной Норвегии) [Benedictow, 2003, s. 174]. Считается, что население тогдашней Швеции без ставших только в XVII в. шведскими провинций (Бухюслэн, Емтланд, Хэрьедален, Сконе, Блекинге и Халланд) составляло около 700 000 человек [Myrdal, 2010, s. 40], а считая и эти провинции, оно составляло 1,1 млн человек [Harrison, 2013].

В середине 1349–1350 г. до Скандинавии дошла эпидемия чумы (норв. *svartedauden* ‘черная смерть’, шв. *digerdöden* ‘большая смерть’, букв. «толстая смерть»), которая привела к значительному сокращению населения. Обращение к новым данным, прежде всего к местным архивам, и учет самых разнообразных источников показали, что потери населения в Скандинавии были гораздо более значительными, чем это представлялось раньше (см. название статьи известного шведского демографа профессора Харрисона в популярном шведском журнале «Наука и прогресс» (*Forskning & Framsteg*, 2013 № 1) «Хуже, чем ожидали исследователи. Черная смерть» [Harrison, 2013])². Сопоставив все типы данных, демографы пришли к выводу, что более половины населения Скандинавии стала жертвой «черной смерти». По подсчетам норвежского историка Бенедиктова, в Норвегии около 220 000 человек умерли от чумы. Таким образом, чума сократила население Норвегии до 130 000 человек. Устведт считает даже, что 2/3 населения Норвегии стали жертвой «черной смерти» [Ustvedt, 1985, s. 129].

Чума продвигалась прежде всего по морю, захватывая в первую очередь города. Именно наиболее густо населенные Юго-Западная

² Почти так же (*Svartedauden. Enda verre enn antatt* — «Черная смерть. Еще хуже, чем предполагали») называется обзор Х. Осторпа нового издания книги Бенедиктова (см. выше) в норвежском интернет-журнале *forskning.no* [Aastorp, 2008].

и Южная Норвегия больше всего пострадали от чумы. Считается, что население Северной и Центральной Норвегии было затронуто чумой в гораздо меньшей степени (см. карту в: [Carpentier, 1962]). Граница чумы в Норвегии проходила по Трёнделагу. Северный Трёнделаг и Внутренний Трёнделаг (где как раз и можно предположить норвежско-южносаамский контакт) были затронуты чумой гораздо в меньшей степени, чем остальная Норвегия [Ustvedt, 1985; Benediktow, 2003]. Отмечается, что многие области Северного Трёнделага, Тронхеймский фьорд, Бейстадский фьорд и Сносаватнет и Внутренний Трёнделаг вообще не были затронуты чумой [Ustvedt, 1985, Benediktow, 2003, s. 85]. Напомним, что именно эти области считаются центром распространения баланса гласных, метафонии и удлинения согласных, которые объясняются саамской интерференцией.

Что касается смертности в результате чумы в Швеции, то шведские демографы полагают, что несколько следующих друг за другом эпидемий чумы (самые страшные в 1350, 1359–1360 и в 1368–1369 гг.) сократили население Швеции за 20 лет наполовину [Myrdal, 2003, s. 243; Harrison, 2002, s. 71–73, 129–130, 420]. В некоторых областях, судя и по прямым (записи о смерти в церковных книгах, количество могил), и по косвенным свидетельствам (уменьшение количества писем, сокращение количества хозяйств, сокращение налоговых сборов, увеличение количества завещаний и дарственных), и по данным письменных свидетельств, потери были гораздо большими (см., например, процент брошенных хозяйств в Вэрmlandе (74 %) и в Нэрке (68 %) в середине XIV в. [Myrdal, 2003, s. 170]). В Швеции прослеживается продвижение чумы и с запада на восток (из Норвегии) и с юга на север (из Дании и из ганзейских портов). Так же как и в Норвегии, в Швеции северные и центральные провинции в гораздо меньшей степени испытали опустошающее воздействие чумы. Уже в Уппланде наблюдают меньшее влияние чумы, чем в более южных областях (в частности, здесь процент брошенных хозяйств меньше, чем в более южных областях [Myrdal, 2003, s. 187]). Наоборот, на Севере Швеции можно наблюдать увеличение населения (см., например, увеличение населения в шведском Норрланде [Myrdal, 2003, s. 197]), что, возможно, связано с тем, что люди бежали от чумы в более безопасные области.

Число саамов в Средние века в Норвегии определяется норвежским историком и демографом Бенедиктовым в одной из работ в несколько тысяч [Benedictow, 1996, p. 155], а в другой работе он называет цифру 3000 [Benedictow, 2003, s. 89]. Мне не удалось найти соответствующую цифру для Швеции, но, судя по всему, число шведских саамов было сопоставимо, а судя по генетическим данным, даже превышало число норвежских саамов. После эпидемии чумы процентное соотношение населения между различными районами Норвегии и Швеции изменилось. Юго-Западная Норвегия и Южная Швеция (примерно до Стокгольма, включая Стокгольм) потеряли в процентном отношении гораздо больше населения, чем северные и центральные районы. В Юго-Западной Норвегии осталось всего 60 000 населения, а в Центральной и Северной Норвегии, которая была в гораздо в меньшей степени затронута чумой, можно предположить сохранение населения (60 000–70 000). Таким образом, саамское население и население, которое контактировало с саамами, составляло после чумы половину населения Норвегии. Соответственно, такая же картина была характерна и для Швеции. Причем саамо-шведский языковой контакт выражался не только в том, что многие саамы становились двуязычными и в конечном счете меняли язык (см. генетические данные), но и скандинавы становились двуязычными. Хёгстрём пишет в XVIII в. о том, что в районе Лулео не только большая часть саамов знала шведский язык, но и «большая часть шведов знала саамский язык» [Högström, 1747 (1980), s. 77]. В Северной Швеции еще в начале XX в. были шведы, знающие саамский язык [Wallström, 1943, s. 21].

Таким образом, данные популяционной генетики и демографические данные, свидетельствующие об изменении соотношения численности населения в Норвегии и Швеции после «черной смерти», подтверждают предположение о возможности распространения продуктов саамской интерференции, таких как появление сложных предлогов, удлинение кратких согласных, баланс гласных, метафония и отпадение *-t* в безударном слоге, в северо-восточном скандинавском ареале в XIV–XV вв. Что касается соответствующих предпосылок для распространения продуктов саамской интерференции в общескандинавский период (суффиксация *-inn*, *-s(t)*, *-at*, *-ki/-gi*, отпадение приставок, преаспирация, назальная

ассимиляция, «затверждение» согласных), то в данном случае, кроме сведений об отсутствии стигматизации саамов, у нас остаются фактически только данные популяционной генетики. Однако не исключено, что в период VI–VIII вв. происходило перераспределение населения Скандинавии, вызванное эпидемией чумы, предшествовавшей «черной смерти».

Пандемия чумы, предшествовавшая «черной смерти», так называемая юстинианская чума³, распространившаяся из Константинополя по всей Европе, разразилась в 541–545 гг. За первой волной пандемии последовали следующие, и считается, что в результате 18 волн эпидемий юстинианской чумы за двести лет (с 541 по 750 г.) Европа потеряла от 25 до 50 % населения [Stathakopoulos, 2007, p. 105, 114–117]. Причем в Константинополе только за первую волну юстинианской чумы умерло 244 000 человек из 508 000 [Stathakopoulos, 2007, p. 114]. Юстинианская чума затронула не только Византию. Она быстро достигла Испании, Италии и Галлии, распространилась вниз по Рейну и перебралась на Британские острова, сначала в Ирландию, а потом и в Англию, где особенно опустошительными считаются волны чумы 664–666 и 684–687 гг. [Maddicott, 2007, p. 176]. Поскольку сведения о юстинианской чуме в Центральной Европе и в Англии мы получаем только от христианских авторов (Григорий Турский, Павел Дьякон, Беда и др.), то, естественно, у нас нет никаких данных о распространении юстинианской чумы в Скандинавии, остававшейся языческой и лежавшей на европейской периферии. Однако, зная о продолжавшихся контактах англосаксов и ютов со своей континентальной прародиной и о контактах нижних франков, саксов и англосаксов со скандинавами в этот период⁴, мы можем предположить, что Скандинавия вряд ли осталась незатронутой пандемией. Чума

³ Название «юстинианская чума» пандемия получила по имени византийского императора Юстиниана (482–565), во время правления которого и разразилась эпидемия и который сам переболел чумой.

⁴ Во многих исландских сагах и в «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона рассказывается о конунге Иваре Широкие Объятия, который подчинил себе не только всю Швецию и Данию, но и страну саксов и пятую часть Англии (ср.: *Ynglingasaga* 41). Биргер Нерман считал, что Ивар жил в VII в. [Nerman, 1948, s. 90]. Именно к этому периоду относится время наиболее тесных контактов скандинавов с англосаксами и саксами [Nerman, 1948; Åberg, 1948] и пик пандемии юстинианской чумы в Северной Европе.

могла распространиться в VI–VIII вв. тем же путем, что и «черная смерть» XIV в., т. е. с запада из Англии и с юга из Германии.

Можно предположить, что и эта пандемия в меньшей степени затронула редконаселенные центральные и северные районы Скандинавии и, соответственно, сокращение населения в большей степени произошло в южных и юго-западных районах Скандинавии. В результате этого после юстинианской чумы соотношение саамского и находящегося с саамами в контакте скандинавского населения и остального населения Скандинавии резко изменилось. Конечно, трудно сказать, насколько юстинианская чума предопределила изменения в структуре населения Скандинавии, что могло способствовать распространению черт саамской интерференции, поскольку у нас нет прямых указаний на распространение юстинианской чумы в Скандинавии. Однако контакты скандинавов с англами, саксами и франками в VI–VIII вв. и сравнение юстинианской чумы VI–VIII вв. с «черной смертью» XIV–XV вв. свидетельствуют о том, что вряд ли продуктивно вообще не учитывать эту возможность.

Таким образом, вероятность распространения продуктов саамского влияния и интерференции в скандинавских языках подтверждается не только отсутствием стигматизации саамов, но и генетическими исследованиями норвежцев и шведов, свидетельствующими о распространении саамской хромосомной гаплогруппы N1c и особенно митохондриальной гаплогруппы U5 среди скандинавов. Изменение соотношения численности населения Скандинавии, связанное с эпидемиями чумы, которые в гораздо большей степени затронули Южную и Юго-Западную, чем Центральную и Северную Скандинавию, также может говорить о возможности распространения продуктов скандинавской интерференции с севера на юг. Причем вряд ли случайно, что две волны распространения саамской интерференции в скандинавских языках (общескандинавские инновации VI–XI вв. и северо-восточные шведско-норвежские инновации XIV–XV вв.) совпадают по времени с двумя волнами пандемии чумы — с юстинианской чумой VI–VIII вв. и «черной смертью» XIV–XV вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Achilli A. et al. The Molecular Dissection of mtDNA Haplogroup H Confirms that the Franco-Cantabrian Glacial Refuge Was a Major Source for the European Gene Pool. *American Journal of Genetics*, 2004, vol. 75, pp. 910–918.
- Aastorp H. *Svartedauden. Enda verre enn antatt*. Available at: <http://forskning.no/bakterier-pest-historie-stub/2008/02/svartedauden-enda-verre-enn-antatt>
- Benedictow O. J. The demography of the Viking Age and the High Middle Ages in the Nordic countries. *Scandinavian Journal of History*, 1996, vol. 21, no. 1, pp. 151–182.
- Benediktow O. J. *Svarte dauen og senere pestepidemier i Norge*. Oslo, Universitetsforlaget, 2003. 368 p.
- Bull T., Kusmenko Ju. Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. *Mål og minne*, 2010, no. 2, pp. 156–186.
- Carpentier E. *Une ville devant la peste*. Paris, S. E. V. P. E. N., 1962. 284 p.
- Dupuy B. M. et al. Geographical heterogeneity of Y-Chromosomal lineages in Norway. *Forensic Science International*, 2006, vol. 164, issue 1. Available at: <http://vetinary.sitesled.com/norway.pdf>
- Erlingsson U. *Européernas DNA från en geografisk perspektiv i 40.000 år omblandning*. 2005. Available at: http://Europeernas_DNA.php
- Hansen A. M. *Oldtidens nordmænd. Ophav og bosætning*. Kristiania, Cammermeyer, 1907. 140 p.
- Hansen L., Olsen B. *Samenes historie fram til 1750*. 2. opl. Oslo, Cappelen, 2004.
- Harrison D. *Stora döden: den värsta katastrof som drabbat Europa*. Stockholm, Ordfront, 2002. 480 p.
- Harrison D. Värre än forskarna anat: Digerdöden. *Forskning & Framsteg*, 2013, no. 1. Available at: fof.se/tidning/2013/1/artikel/varre-forskarna-anat-digerdoden
- Högström P. *Beskrifning öfwer de til Sweriges Krona lydande Lapmarker, innehollande kort underrättelse så wäl om landets belägenhet och beskaffenhet i gemen, som dess invånares tilstånd och husholdning, deras seder, maner och lefnadsart, samt laster och widskepelse, m. m.* Stockholm. 1747 (Reprint, Umeå, Två bokförläggare bokförlag, 1980. Utg. I. Ruong. 271 p.)
- Ingman M., Gyllensten U. A recent genetic link between Sami and the Volga-Ural region of Russia. *European Journal of Human Genetics*, 2007, vol. 15, pp. 115–120.
- Karlsson A. O. et al. Y-chromosome diversity in Sweden — a long time perspective. *European Journal of Human Genetics*, 2006, vol. 14, pp. 963–970.
- Kittles R. A. et al. Autosomal, mitochondrial and Y-chromosome DNA variation in Finland: evidence for male-specific bottenleck. *American Journal of Physical Anthropology*, 1999, vol. 108, issue 4, pp. 381–399.
- Kusmenko Ju. Samische Interferenzmerkmale in den skandinavischen Sprachen. *Studies in Eurolinguistics*. Vol. 5. Language Contact and Minority Languages on

- the Littorals of Europe. Eds Sture Ureland, Anthonz Lodge and Stefan Pugh. Berlin, Logos, 2007, pp. 303–328.
- Kusmenko Ju. *Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. Ein Beitrag zur skandinavischen Sprachgeschichte*. Berlin, 2008. Berliner Beiträge zur Skandinavistik 10. Nordeuropa-Institut der Humboldt-Universität. 462 p.
- Kusmenko Ju. The Sámi and Scandinavians in the Viking Age. *Approaching the Viking Age*. Eds E. Sausverde, I. Steponaviciute. Vilnius, Vilnius University Press, 2009, pp. 65–93.
- Kusmenko Ju. Har ett samiskt inflytande på nordiska språk varit möjligt? *Samer som "de andra", samer om de andra: identitet och etnicitet i nordiska kulturmöten*. Eds E. Mundal, H. Rydving. Umeå, Umeå Universitet, 2010. (Samiska studier 6), pp. 48–67.
- Lappalainen P. et al. Migration waves to the Baltic Sea region. *Annals of Human Genetics*, 2008, vol. 72, no. 3, pp. 337–348.
- Lappalainen P. et al. Population structure in contemporary Sweden. A Y-chromosomal and mitochondrial DNA analysis. *Annals of Human Genetics*, 2009, vol. 73, issue 1, pp. 61–73.
- Maddicott J. Plague in Seventh-Century England. *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750*. Ed. by L. K. Little. New York et al., Cambridge University Press, 2007, pp. 171–214.
- Malmström H. et al. Ancient DNA reveals lack of continuity between Neolithic hunter-gatherers and contemporary Scandinavians. *Current Biology*, 2009, doi:10.1016/j.cub.209.09.017.
- Mundal E. The perception of the Samis and their religion in Old Norse sources. *Shamanism and Northern Ecology*. (= Religion and society; 36). Ed. by J. Pentikäinen. Berlin, New York, De Gruyter, 1996, pp. 97–116.
- Mundal E. Coexistence of Sami and Norse culture — reflected in and interpreted by Old Norse myths. *Old Norse Myths, Literature and Society*. Eds G. Barnes, M. Clunies-Ross. Sydney, University of Sydney, 2000, pp. 346–355.
- Mundal E. Kontakt mellom nordisk og samisk kultur reflektert i norrøne mytar og religion. *The Sámi and the Scandinavians. Aspects of 2000 years of contact*. (= Schriften zur Kulturwissenschaft 55). Ed. by Ju. Kusmenko. Hamburg, Dr. Kovač, 2004, pp. 41–53.
- Mundal E. Forholdet mellom samer og nordmenn i norrøne kjelder. *Samer som "de andra", samer om "de andra". Identitet och etnicitet i nordiska kulturmöten*. Eds E. Mundal, H. Rydving. Umeå, Umeå Universitet, 2010 (Samiska studier 6), pp. 135–144.
- Myrdal J. *Digerdöden, pestvågor och ödeläggelse. Ett perspektiv på senmedeltidens Sverige*. Stockholm, Runica et Mediaevalia, Cetrum för medeltidsstudier vid Stockholms universitet, 2003. 269 p.
- Nerman B. Sutton Hoo — en svensk kunga- eller hövdingagrav. *Fornvännen*, 1948, Bd 43, pp. 65–93.

- Noreen A. De nordiska fäderneslandens namn. *A. Noreen, Spridda studier. 2.* Uppl. Stockholm, Ljus Förlag, 1911, pp. 142–154.
- Roots S. et al. Phylogeography of Y-chromosome Haplogroup I reveals distinct domains of prehistoric gene flow in Europe. *American Journal of Human Genetics*, 2005, vol. 75 (issue 1), pp. 128–137.
- Roots S. et al. A counter-clockwise northern route of the Y-Chromosome haplogroup N from Southeast Asia towards Europe. *European Journal of Human Genetics*, 2007, vol. 15, pp. 204–211.
- Schulte M., Kusmenko Ju. Der samische Einfluss auf die skandinavischen Sprachen. *NOWELE*, 2009, vol. 37, pp. 163–176.
- Semino O. et al. The genetic legacy of palaeolithic Homo Sapiens in extant Europeans: A Y-chromosome perspective. *Science*, 2000, vol. 290, pp. 1155–1159.
- Stathakopoulos D. Crime and Punishment. The Plague in the Byzantine Empire 541–749. *Plague and the End of Antiquity. The Pandemic of 541–750.* Ed. by L. K. Little. New York et al., Cambridge University Press, 2007, pp. 99–118.
- Tambets K. et al. Western and eastern roots of the Saami — the story of genetic outliers told by mitochondrial DNA and Y-chromosomes. *American Journal of Human Genetics*, vol. 2004, no. 4, pp. 661–682.
- Torroni A. et al. mtDNA analysis reveals a major late paleolithic population expansion from south-western to north-eastern Europe. *American Journal of Human Genetics*, 1998, vol. 62, issue 5, pp. 1137–1152.
- Ustvedt Y. *Svartedauen: en litterær-historisk beretning om massedød og overlevelse.* Oslo, Gyldendal Norsk Forlag, 1985. 236 p.
- Wallström S. *Studier i Övre Norrlands språkgeografi med utgångspunkt från Arjeplogmålet.* Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1943. 162 p.
- Weinstock J. Thoughts about Saami Prehistory. *Samer som "de andra", samer om "de andra". Identitet och etnicitet I nordiska kulturmöten.* Eds E. Mundal, H. Rydving. (Samiska studier 6). Umeå, Umeå Universitet, 2010, pp. 31–46.
- Zachrisson I. *Möten i gränsland. Samer och germaner i Mellanskandinavien.* Stockholm, Statens Historiska Museum, 1997. 271 p.
- Zachrisson I. Samisk-nordiska kulturkontakter i Mellanskandinavien under 600–700-talen e. Kr. (vendeltid) — utifrån det arkeologiska materialet. *The Sámi and the Scandinavians. Aspect of 2000 years of contact.* Ed. by Ju. Kusmenko. Hamburg, Dr. Kovač, 2004, pp. 9–16.
- Zachrisson I. Samisk-nordiska kontakter under järnåldern — i dräkt och personliga tillhörigheter. *Samer som "de andra", samer om "de andra". Identitet och etnicitet i nordiska kulturmöten.* Eds E. Mundal, H. Rydving. (Samiska studier 6). Umeå, Umeå Universitet, 2010, pp. 107–122.
- Åberg N. Vendeltida förbindelser med festlandgermanska och insulära kretsar. *Fornvännen*, bd 43, 1948, pp. 111–122.

Кузьменко Юрий Константинович

доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН.
Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург,
Тучков переулок, 9
E-mail: jk7559873@gmail.com

Yury Kuzmenko (Jurij Kusmenko)

Doctor in Philology, Professor,
Chief Researcher of the Institute for
Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.
9, Tuchkov pereulok, St. Petersburg, 199053, Russia
E-mail: jk7559873@gmail.com

Статья поступила в редакцию 05.04.16, принята к публикации 30.05.16

УДК 811.113.5+81'28+81'374

А. Н. Ливанова

Санкт-Петербургский государственный университет

Н. В. Сафонова

Брянский государственный университет

им. академика И. Г. Петровского

ПОСЛЕ ИВАРА ОСЕНА:

СТАНОВЛЕНИЕ НОРВЕЖСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЙ

Положение диалектов в Норвегии своеобразно: диалектная речь широко распространена, в том числе в СМИ, и престижна. Изучение диалектов традиционно является одной из наиболее популярных лингвистических дисциплин, имена наиболее значительных диалектологов у всех на слуху. Такой интерес к диалектологии объясняется целым рядом причин, как собственно лингвистических, так и экстралингвистических (особенности норвежской истории, в частности относительно недавнее обретение страной независимости). Пробуждение интереса к диалектам как проявление национальной идентичности можно считать за слугой лингвиста-самоучки Ивара Осена, собравшего и сделавшего достоянием общности в виде как грамматических, так и лексикографических трудов обширный диалектный материал. Однако подлинно научное изучение диалектного материала, когда его сбор и анализ постепенно перешли в руки профессионалов, началось уже после Осена. Но если вкладу Осена в изучение норвежских диалектов посвящена обширная литература, о целом ряде профессиональных норвежских диалектологов написано мало, а в нашей стране они практически неизвестны. Именно периоду становления научной диалектологии в Норвегии в конце XIX — начале XX в. и основным диалектологам этого периода посвящена статья. Дается характеристика деятельности исследователей, стоявших у истоков научной диалектологии, — Ханса Росса, Юхана Сторма и Амюнна Б. Ларсена. Рассматривается вопрос о состоянии изучения фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса норвежских диалектов в исследуемый период. Дается анализ наиболее часто использовавшихся в то время методов исследования норвежских диалектов.

Ключевые слова: диалект, диалектная лексикография, диалектная география, история диалектологии, диалектолог.

Aleksandra Livanova
St. Petersburg State University

Natalia Safonova
Ivan Petrovsky Bryansk State University

**AFTER IVAR AASEN:
FORMATION OF NORWEGIAN DIALECTOLOGY
IN THE END OF 19th — BEGINNING OF 20th CENTURY**

Dialects in Norway are widely used, and attitude towards dialect speech is rather positive. Dialects are spoken in public contexts and in the media. This situation should be seen in connection with the peculiarities of Norwegian history (late independence acquisition, among other causes). In this situation it is not surprising that dialect research is highly appreciated, and names of the prominent dialectologists are known to average Norwegians. This is certainly true as for Ivar Aasen, the amateur linguist and lexicographer who devoted all his life to preserving dialects and who assembled on the base of dialect patterns one of the two official written versions of the Norwegian language. He was one of the key figures in the formation of Norwegian national identity, and his life and work have been described in a lot of books and articles. It is though during the next period, in the end of the 19th — beginning of the 20th century, that really scientific research in Norwegian dialects starts. Regretfully, the prominent Norwegian dialectologists of this time and their achievements are not as well-known as I. Aasen, and Russian researches are practically unfamiliar with them. The article is devoted to this interesting period in the evolution of Norwegian dialectology. It contains characteristics of the three leading researchers of this time, Hans Ross, Johan Storm and Amund B. Larsen. The issue of progress in studying phonetics, morphology and syntax of Norwegian dialects is touched upon, too. Some consideration is given to the matter of the most usual methods of dialect studies of the time.

Keywords: dialect, dialect lexicography, dialect geography, history of dialectology, dialectologist.

Датское владычество (1537–1814) не способствовало изучению диалектов в Норвегии. Не только диалекты, но и городские говоры, развившиеся на базе языка датских чиновников и служителей церкви, но сохранявшие особенности норвежского произношения, считались провинциальными и вызывали в лучшем случае снисходительное отношение. Подъем национального самосознания, наблюдавшийся в стране с конца XVIII в. и приведший к отделению от Дании и созданию собственной конституции, означал коренной переворот и в отношении к родному языку. Особенно важной в деле изучения народных говоров оказалась деятельность любителя-самоучки Ивара Осена (Ivar Andreas Aasen, 1813–1896), пришедшая на середину XIX в. Главной заслугой И. Осена в диалектологии можно считать проделанную им колоссальную работу

по сбору диалектного материала и его популяризации в публикациях. Можно с уверенностью сказать, что во многом благодаря именно И. Осену в Норвегии до сих пор наблюдается огромный интерес как к диалектной речи, так и к диалектологии. Однако если фигуре И. Осена и его заслугам посвящена обширная литература, то деятельность его преемников в период конца XIX — начала XX столетия незаслуженно остается в тени, хотя именно в это время были заложены основы подлинно научного исследования норвежских диалектов.

Систематическое изучение диалектов в Норвегии началось с 80-х годов XIX в. Теперь родные говоры вызывают интерес не только как часть поисков национальной идентичности и как аргумент в языковой политике, но и как объект лингвистических штудий. На начало этого периода приходится деятельность многих крупных норвежских диалектологов, таких как Х. Росс (1833–1914), Ю. Сторм (1836–1920), А. Б. Ларсен (1849–1928) и некоторых других. Ими были созданы выдающиеся диалектологические труды, составляющие и по сей день гордость норвежской диалектологии. Они продолжили работу, основные направления которой были намечены И. Осеном в его трудах, и способствовали дальнейшему росту интереса к изучению диалектов как среди языковедов, так и у широкой публики.

Непосредственным преемником дела И. Осена был Ханс Матиас Элисеус Росс (Hans Matthias Elisæus Ross), родившийся в Мандале (Западная Норвегия), дальний потомок переселенцев из Шотландии. В отличие от И. Осена Х. Росс получил хорошее богословское образование, знал немецкий и английский языки, иврит, а в Великобритании изучал фонетику [https://nbl.snl.no/Hans_Ross]. Еще обучаясь в кафедральном училище в Кристиансанне, Х. Росс от преподавателя услышал о том, что, по мнению И. Осена, древний норвежский язык все еще существует в Норвегии в форме диалектов. Это произвело на Х. Росса колоссальное впечатление, и он навсегда сохранил глубочайшее уважение к Ивару Осену и его деятельности. В 1857 г. Ханс Росс познакомился с Осеном лично, с тех пор их встречи носили регулярный характер. Х. Росс стал помогать И. Осену собирать диалектную лексику для словаря, а после выхода второго издания словаря И. Осена (1873) приступил к работе над своим словарем. В 1877 г. Х. Росс получил стипендию на из-

учение диалектов и с этого времени полностью посвятил себя лексикографии. Словарь был опубликован им в 1895 г. под названием *Norsk Ordbog. Tillæg til "Norsk Ordbog" af Ivar Aasen*. Подзаголовок издания — «Приложение к словарю И. Осена» — свидетельствует о том, что Росс, с одной стороны, считал себя последователем Осена, а с другой — весьма скромно оценивал собственный вклад в изучение диалектов. Однако Х. Росс на этом не остановился. Он продолжил сбор и публикацию диалектной лексики в виде приложений к словарю, публиковавшихся в период 1902–1913 гг. Работа Х. Росса включала около 40 000 диалектных слов — это больше, чем в словаре И. Осена. К тому же Х. Росс включал в словарь и сложные слова, они составили значительную часть лексикона, в словаре же И. Осена их было немного. Важно и то, что в словаре Х. Росса хорошо представлены восточные диалекты Норвегии, что свидетельствует о научной непредвзятости автора, ведь Осен описал их в своем словаре весьма схематично, руководствуясь собственным национально-романтическим представлением об их меньшей исконности по сравнению с западными, сильнее отличавшимися от датского языка и сохранившими больше архаичных черт.

Еще одним крупным произведением Х. Росса явился обзор норвежских диалектов, представленный им в работе *Norske bygdemaal* (1905–1909). Этот обширный труд, состоящий из 18 разделов, представляет собой ряд более или менее подробных описаний практически всех диалектов Норвегии. В этой работе, как и в своем словаре, Х. Росс больше внимания уделил тем районам страны, которые были мало исследованы И. Осеном. Подробнейшее описание диалектов Западного Телемарка, сделанное Х. Россом, до сих пор считается никем не превзойденным [Veito, 1973, s. 15]. Поскольку по образованию Х. Росс был фонетистом, основное место в его работе занимает описание фонетических систем норвежских говоров. При записи диалектного материала он пользовался новой тогда (и очень сложной) фонетической транскрипцией, разработанной профессором Ю. Стормом. Вопросам же морфологии Х. Росс уделял меньше внимания, что было, впрочем, характерно для того времени. Х. Росс фиксировал также идиоматические выражения, пословицы и поговорки. Эта работа, фактически труд всей жизни Х. Росса, по праву считается необходимой основой для изучения норвежских диалектов.

Титанический труд Х. Росса не остался без внимания. В 80-е годы XIX в. возникла идея дать Х. Россу должность «профессора норвежской народной речи» (*professor i norsk folkemål*), за что проголосовало большинство в стортинге. Однако университетские профессора, в том числе языковед и фольклорист Софус Бугге и фонетист и диалектолог Юхан Сторм, транскрипцией которого добросовестно пользовался Х. Росс, воспротивились этому, поскольку Х. Росс поддерживал и использовал лансмол и был одним из основателей в 1868 г. союза в его поддержку (*Det norske Samlaget*) [https://nbl.snl.no/Hans_Ross]. В наши дни, очевидно, это говорило бы только в пользу Х. Росса!

При том что по уровню и широте образованности Х. Росс намного превосходил Ивара Осена, теоретическую базу его научных воззрений составлял младограмматизм с его романтическими представлениями о «духе» языка и его исторических корнях, которые и следовало обнаруживать при изучении диалектного материала.

Тем не менее именно И. Осеном, Х. Россом, а также практически забытым лексикографом Стейнаром Шёттом (Steinar Schjøtt, 1844–1920) (его работа, как и работа диалектолога-любителя Кристиана Видстена (Christian Vidsteen, 1832–1915), заслуживает отдельного изложения и анализа) была создана та лексикографическая база и те принципы, на которых построено гигантское здание так называемого «Норвежского словаря» — *Norsk Ordbok* [Norsk Ordbok], вышедшего с подзаголовком «Словарь норвежской народной речи и новонорвежского письменного языка» — *Ordbok over det norske folkemålet og det nynorske skriftmålet*. Работа над ним шла с перерывами с 1950 г., последний том вышел 9 марта 2016 г. В этот словарь включены все зафиксированные норвежскими лексикографами диалектные варианты слов, всего 330 000 лемм [Norsk Ordbok].

Как уже было сказано, основной задачей и основным достижением данного периода была организация систематического изучения родных говоров. Сформулировал же и всесторонне обосновал эту задачу Юхан Фредрик Бреда Сторм (Johan Storm, 1836–1920), профессор английской и романской филологии университета в Осло. Он был чрезвычайно талантливым фонетистом (современники называли его «норвежским профессором Хиггинсом» [Juul, 1999, s. 49]), и именно занятия фонетикой привели его к изучению

диалектов. Он же первым из норвежских ученых применил новейший на тот момент в диалектологии метод немецкого исследователя Георга Венкера (Georg Wenker, 1852–1911)¹. Ю. Сторм разработал в 1882 г. два списка слов для изучения исторической фонетики: один, более краткий — из 300 слов, который Сторм разослал по всей стране, и другой, состоявший из 4000 слов, напечатанный под названием *Norsk Ordliste til Lydlaeren*. Позже Сторм переработал эти списки, в результате появился знаменитый «краткий список слов» Ю. Сторма (*Kortere Ordliste med Forklaring af Lydskriften*, 1884), который содержал 2000 слов, предназначенных для изучения не только фонетики, но и морфологии норвежских диалектов. Продуманность списка позволила ему стать рабочим инструментом не для одного поколения диалектологов в Норвегии.

Используя в качестве образца шведскую транскрипцию Юхана Августа Лунделя (Johan August Lundell, 1851–1940) и описав звуки почти всех норвежских диалектов, Ю. Сторм в работе *Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken*, опубликованной частями в основном при его же участии журнале *Norvegia*, в 1884 г. (основная часть — описание диалектов, s. 19–132) и 1908 г. (собственно система транскрипции, s. 10–179) [Storm, 1908], представил систему фонетической транскрипции *Norvegia*, как нельзя более точно описывающую звуки норвежских диалектов. О подробности системы Ю. Сторма может говорить тот факт, что в ней, например, предлагается 11 знаков для описания *Fremre runde Vokaler* и 12 — для описания *Bagre runde Vokaler* (передних и задних огубленных гласных соответственно) [Storm, 1908, s. 178–179]. Этой транскрипцией до сих пор пользуются в практике преподавания скандинавистики в норвежских университетах и при записи норвежских диалектных текстов.

Высоко оценивается последующими поколениями норвежских диалектологов организаторская деятельность Ю. Сторма. При его участии начал издаваться журнал *Norvegia*, задуманный как орган

¹ Сам Венкер впервые применил его в 1876 г. Анкетирование по Г. Венкеру было совершенно новым словом в диалектологической науке того времени, о том, насколько новым, может свидетельствовать тот факт, что исследователи диалектов немецкого языка с конца прошлого века вновь взяли на вооружение его метод и материалы. См. об этом: [Кахро, 2006, с. 3]. Подробнее о методе Г. Венкера и его последователей см. также: [Строева, 1985, с. 37–43].

«Объединения по изучению норвежских диалектов и народных обычаев» (*Foreningen for norske dialekter og traditioner*), созданного в 1881 г. ведущими норвежскими диалектологами. Во введении к 1-му тому *Norvegia* Сторм предложил программу будущих исследований народных говоров. Он ратовал за строго систематическое изучение говоров: должны изучаться все особенности диалектов, следует также изучать отдельные диалекты и диалектные группы, взаимоотношение диалектов и их историческое развитие. Исследование должно вестись не одиночками-любителями, а профессиональными диалектологами по единой программе, причем изучаться должны все без исключения диалекты, как сельские, так и городские [Hansen, 2010, s.43]. Последний тезис очень важен. Как указывалось выше, адепты младограмматизма отдавали предпочтение сельским говорам как «более исконным», и это, собственно, совпадало с социолингвистической позицией сторонников лансмола еще долгие годы. Характерна следующая цитата из работы, вышедшей на три четверти столетия позже опубликования программы Ю.Сторма: “Språkleg var byen aldri norsk. <...> Det dansk-norske målet var overklassemålet. <...> Det er bygda som er berar av den norske målarven som ho er berar av det aller meste av vår norske kulturarv” — «В языковом отношении город никогда не был норвежским. <...> Датско-норвежский служил языком высших слоев общества. <...> Именно сельские говоры являются носителями норвежского языкового наследия, как и большей части нашего норвежского культурного наследия» [Hovdhaugen, 1956, s. 3]. Сторонники риксмола, напротив, выступали за постепенную норвегизацию языка образованных слоев городского населения.

Сторм в этом отношении занимал сугубо научную, неподвинутую позицию, выступив в ряде статей с критикой как лансмолистов, так и риксмолистов [https://snl.no/Johan_Storm]. Еще до создания журнала *Norvegia* неутомимый Ю.Сторм, после принятия стортингом 12 мая 1885 г. 78 голосами против 31 решения о придании лансмолу статуса официального языка наравне с общепринятым на тот момент датско-норвежским, т. е. риксмолом, опубликовал в мае-июне 1886 г. ряд статей в газете *Morgenbladet*, которые позже были им собраны и выпущены отдельной книгой [Storm, 1888]. В предисловии к работе Сторм пишет: “Det forekom mig, at det førtes saa megen løs og usikker Tale om ‘Landsmaalet’, som om det

var ét eneste Sprog med én bestemt Form, uden nærmere Undersøgelse af, hvorledes det egentlig forholdt sig med denne Enhed” — «Мне представилось, что ведется очень много несвязных и неточных речей о “лансмоле”, как если бы это был единый язык с одной определенной формой, и при этом не проводится тщательных исследований того, как же именно обстоят дела с этой единицей» [Storm, 1888]. Он приходит к выводу: “et Sprog med saa store indbyrdes Afvigelser er intet Landsprog, men blot en Samling Dialekter” — «Язык со столь значительными расхождениями <между своими формами> является не языком страны, но всего лишь собранием диалектов» [Storm, 1888].

Среди многочисленных учеников профессора Сторма самым талантливым и известным, а также следовавшим линии учителя — изучать диалекты беспристрастно, с научной точки зрения — был Амюнн Б. Ларсен (Amund Bredesen Larsen, 1849–1928). Его первая работа *Oplysninger om Dialekter i Selbu og Guldalen* (1881) была охарактеризована Ю. Стормом как «первая соответствующая требованиям нового времени научная работа об одном норвежском диалекте» (цит. по: [Hoff, 1968, s. 423]).

В то время, когда в европейских странах только начинали заниматься вопросами лингвгеографии, А. Б. Ларсен уже применил разработанный им метод изучения диалектов с географической точки зрения при описании тронхеймских диалектов (*Oversigt over de trondhjemske Dialekters Slægtskabsforhold*, 1886) и пользовался им во всех своих последующих работах. Будучи в первую очередь фонетистом, Ларсен учитывал языковые явления в их взаимосвязях. Это проявилось и в его первой работе, и в докторской диссертации *Lydlæren i den solørske Dialekt især i dens Forhold til Oldsproget* (1894), посвященной описанию родного диалекта А. Б. Ларсена (она вплоть до наших дней является образцом исследования для норвежских диалектологов (см. об этом: [Hansen, 2010, s. 43])), и в труде *Sognemålene* (1926).

В фонетике А. Б. Ларсен стремился обобщить характеристики отдельных звуков в систематическое описание языковых законов и тенденций, таких как слоговое равновесие, выравнивание гласных, палатализация дентальных согласных и другие. Системные описания фонетических особенностей норвежских диалектов, выполненные Ларсеном, приближались к современному фоноло-

гическому методу. Ряд работ ученый посвятил проблемам пограничных диалектов, подчеркивая трудность проведения разграничительной линии при описании постепенности перехода одних диалектов в другие (*Om de norske dialekters forhold til nabosprogene*, 1896, *Overgangsmaalene mellem østnorsk og vestnorsk*, 1915 и др.). Диалекты он изучал на местах, объездив почти всю страну. В 1892 г. он опубликовал первую норвежскую диалектную карту *Oversigtskart over visse dialektfænomeners udbredelse i Kristiansands stift*, а в 1897 г. выпустил работу *Oversigt over de norske bygdemaal* («Обзор норвежских сельских говоров»), в которой рассматриваются не только фонетика, но и морфология диалектов, что было для своего времени новым.

Занимался Амюнн Ларсен и городскими говорами, с целью изучения которых в 1903 г. было создано общество *Vymaalslaget*. По инициативе этого общества Ларсен изучал говор столицы (*Kristiania bymål*, 1907, с характерным подзаголовком *Vulgærsproget med henblik på den utvungne dagligtale* — «Вульгарный язык с учетом непринужденной повседневной речи»), затем исследовал диалекты Бергена (*Bergens bymål*, 1912, совместно с Г. Штольцем, G. Stoltz) и Ставангера (*Stavangers bymål*, 1925, совместно с М. Бернтсеном, M. Berntsen). Эти работы являются пионерскими не только для Норвегии, но и для всей Скандинавии. Основное место в них занимает описание современного на тот момент состояния языка (словарный состав и идиоматика), а также социальных отношений в той среде, где пользовались соответствующим говором. Эти книги послужили образцами для будущих исследований такого рода. Последней большой работой Ларсена стало описание диалектов местности Согн, представленное в виде таблиц (*Sognemålene*, 1922–1926). В этой работе он вплотную подошел к тем идеям, которые чуть позже сформулировала и обосновала фонология. Так, он придавал основополагающее значение понятию оппозиции, а также пытался собрать воедино под общим знаком варианты звука.

К сожалению, хотя Юхан Сторм широко использовал в своей работе новейшие доказательные методы, а Амюнном Ларсеном был успешно применен новый принцип исследования диалектов с учетом их географического распространения, для последующих исследований в области норвежской диалектологии вплоть до середины прошлого века, на который пришлась деятельность

выдающегося норвежского диалектолога Халлфрид Кристиансен (Hallfrid Christiansen, 1886–1964), поставившей изучение диалектов на современную научную основу, и даже позже более свойственна приверженность младограмматическим принципам. Это можно объяснить целым рядом причин: неготовностью современников Сторма и Ларсена принять столь радикально новые методы и взгляды, влиянием шведской диалектологической школы (упомянутый выше Ю. Лундель, а также А. Нурен), авторитетом, которым пользовался Мариус Хэгстад (Marius Hægstad, 1850–1927)². В современных говорах его интересовали лишь реликты древне-норвежского состояния. Его взгляды и научная плодовитость на многие годы предопределили развитие преимущественно исторического направления в норвежской диалектологии (см.: [Beito, 1973, s. 16]). К тому же в Норвегии, пребывавшей в поиске собственной национальной идентичности, наука о языке всегда составляла часть языковой политики, направленной на утверждение преемственности с предшествовавшим датскому периодом.

Тем не менее усилия как Х. Росса, так и Ю. Сторма и А. Б. Ларсена оказались не напрасными. Именно эти три имени упоминаются в обобщающем современном труде, посвященном истории скандинавского языкознания [Hovdhaugen et al., 2000, s. 151 et seq.]. С уверенностью можно сказать, что вся норвежская диалектология после Ивара Осена покоится на трех китах — лексикографии Ханса Росса, фонетической транскрипции Юхана Сторма и системных описаниях Амюнна Б. Ларсена, составивших прочную лексикографическую и научную базу для последующего всестороннего изучения норвежских диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

- Кахро Н. М. Синтаксические особенности алеманнских диалектов Швейцарии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 3.
- Строева Т. В. Немецкая диалектология. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 37–43.
- Beito O. T. Utsyn over målføregransking // Frå norsk målføregransking. Oslo: Universitetsforlaget, 1973. S. 11–23.
- Hanssen E. Dialekter i Norge. Bergen: Fagbokforlaget, 2010. 211 s.

² Мариус Хэгстад — общественный деятель, сторонник лансмолы, с 1899 г. и до конца жизни профессор норвежского языка и диалектов в университете Осло.

- Hoff I. *Norwegische Mundartforschung // Germanische Dialektologie. Festschrift für W. Mitzka zum 80. Geburtstag.* Wiesbaden: Steiner, 1968. S. 398–458.
- Hovdhaugen E. *Målreising og bondereising.* S.l.: Noregs mållag, 1956. 3 s.
- Hovdhaugen E. et al. *The History of Linguistics in Northern Countries.* Helsinki: Societas Scientiarum Fennica, 2000. 418 s.
- Juul A. *Nordmændenes Professor Higgins // Uddannelseshistorie.* Odense: Syddansk Universitetsforlag, 1999. S. 49–74.
- Norsk Ordbok. URL: http://www.nob-ordbok.uio.no/info/NOB_1_Innleiing.html (дата обращения: 18.01.2016).
- Simonsen H. G. Johan Storm. URL: https://snl.no/Johan_Storm (дата обращения: 11.11.2015).
- Storm J. *Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken // Norvegia.* Bind I. Kristiania, 1908. S. 10–179.
- Storm J. *Det nynorske Landsmaal.* København: Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn), 1888. 116 s.
- Venås Kj. Hans Ross. URL: https://nbl.snl.no/Hans_Ross (дата обращения: 14.12.2015).

REFERENCES

- Kakhro N. M. *Sintaksicheskie osobennosti alemannskikh dialektov Shveysarii.* Avtoref. dis. kand. filol. nauk [*Syntactic features of Alemannic dialects in Switzerland.* Thesis of PhD diss.]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2006, p. 3. (In Russian)
- Stroeva T. V. *Nemetskaia dialektologija [German dialectology].* Leningrad, Leningrad Univ. Press, 1985, pp. 37–43. (In Russian)
- Beito O. T. *Utsyn over målføregransking [Survey of Dialect Research].* *Frå norsk målføregransking [Some aspects of Norwegian research in Dialectology].* Oslo, Universitetsforlaget, 1973, pp. 11–23.
- Hanssen E. *Dialekter i Norge [Dialects in Norway].* Bergen, Fagbokforlaget, 2010. 211 p.
- Hoff I. *Norwegische Mundartforschung [Norwegian research in Dialectology].* *Germanische Dialektologie. Festschrift für W. Mitzka zum 80. Geburtstag [Germanic Dialectology.* Festschrift for W. Mitzka on the Occasion of his 80th Birthday]. Wiesbaden, Steiner, 1968, pp. 398–458.
- Hovdhaugen E. *Målreising og bondereising [Language movement and farmer movement].* S.l., 1956, p. 3.
- Hovdhaugen et al. *The History of Linguistics in Northern Countries.* Helsinki, Societas Scientiarum Fennica, 2000. 418 p.
- Juul A. *Nordmændenes Professor Higgins [Norwegians' Professor Higgins].* *Uddannelseshistorie [History of Education].* Odense, Syddansk Universitetsforlag 1999, pp. 49–74.
- Norsk Ordbok [*Norwegian Dictionary*]. Available at: https://www.nob-ordbok.uio.no/info/NOB_1_Innleiing.html (accessed: 18.01.2016).

- Simonsen H. G. *Johan Storm*. Available at: https://snl.no/Johan_Storm (accessed: 11.11.2015).
- Storm J. Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken [Norwegian Sound Notation with the Outline of Phonetics]. *Norvegia*. Bind I. Kristiania, 1908, pp. 10–179.
- Storm J. *Det nynorske Landsmaal* [*The New-Norwegian landsmaal* (“country language”)]. København, Gyldendalske Boghandels Forlag (F. Hegel & Søn), 1888. 116 p.
- Venås Kj. *Hans Ross*. Available at: https://nbl.snl.no/Hans_Ross (accessed: 14.12.2015).

Ливанова Александра Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
E-mail: a.livanova@spbu.ru

Aleksandra Livanova

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.livanova@spbu.ru

Сафонова Наталья Васильевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого языка,
факультет иностранных языков,
Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского.
Российская Федерация, 241036, Брянск, ул. Бежицкая, д. 14
E-mail: saphonchik@mail.ru

Natalia Safonova

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the German language,
Faculty of Foreign languages,
Ivan Petrovsky Bryansk State University.
14, Bezhitskaya Street, Bryansk, 241036, Russia
E-mail: saphonchik@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.16, принята к публикации 30.05.16

УДК 811.113.6+81'374

А. В. Савицкая

Санкт-Петербургский государственный университет

SAOL 14 — НОВЫЙ ЭТАП В ЭВОЛЮЦИИ НОРМАТИВНОГО СЛОВАРЯ ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ

Шведская академия выпустила первое издание нормативного словаря-справочника (SAOL) в 1874 г. В дальнейшем почти в каждое новое издание словаря вносились те или иные лексикографические изменения, а также видоизменялся его словник: исключались вышедшая из активного употребления лексика и добавлялась новая. Со временем в словарь стали включать также часть сленговой лексики и снабжать считавшиеся недостаточно широко известными слова краткими толкованиями. Словники последних изданий SAOL вырабатывались с использованием компьютерных банков данных, что существенно облегчило работу составителям словаря и позволило сделать его более точно отражающим современное состояние шведского языка. Выпущенный в 2015 г. SAOL 14 имеет целый ряд преимуществ по сравнению со своими предшественниками. К наиболее существенным нововведениям можно отнести следующие: изменения в подаче композитов (указание словоизменительных показателей и отсылки к соответствующим «простым» словам), включение в словник глаголов с поствербями, указание тонического акцента, значительное увеличение количества толкований, включение в словарь названий государств и наименований их жителей, более нюансированные стилистические пометы. Благодаря отмеченным достоинствам словарь, безусловно, поднялся на новый лексикографический уровень и стал еще более привлекательным не только для шведских пользователей, но и для людей, изучающих шведский язык.

Ключевые слова: лексикография, Шведская академия, история SAOL, SAOL 14, новая лексика.

Anna Savitskaja

St. Petersburg State University

SAOL 14 — ANOTHER EVOLUTION STAGE OF SWEDISH ACADEMY DICTIONARY

The Swedish Academy published the first edition of the prescriptive dictionary (SAOL) in 1874. Later almost each new edition contained certain lexicographical amendments, besides its selection of words was changed: extinct words were excluded and new-coined ones were added. With the lapse of time a part of slang vocabulary got included into the dictionary and some words considered not enough widely known got their glosses. The latest SAOL Dictionaries have been developed using computer

data bases, which has facilitated the work of the authors significantly and let them make it more relevant to the contemporary Swedish Language. SAOL 14 published in 2015 have a number of advantages in comparison with the previous ones. The most essential innovations are the following: another way of complex words presenting (providing inflection indices and references to the relevant simplexes), including postpositive verbs into the dictionary, indication of the tonic accent, a great increase of the interpretation number, including names of states and their citizens, more detailed stylistic marks. Due to the advantages mentioned above the dictionary without any doubts has risen to a new lexicographical level and become even more attractive not only for Swedish users, but also for Swedish language learners.

Keywords: lexicography, The Swedish Academy, history of SAOL, SAOL 14, new words.

В апреле 2015 г. вышло 14-е издание «Svenska Akademiens ordlista över svenska språket» — «Словника Шведской академии» (далее SAOL). Каждое новое издание этого нормативного словаря-справочника неизменно вызывает большой интерес как у носителей шведского языка, так и у изучающих его иностранцев, поскольку этот словарь всегда сообщает новейшую информацию о правописании, произношении и словоизменении шведской лексики. Кроме того, благодаря достаточной регулярности издания (в последнее время словарь переиздается примерно раз в десять лет), SAOL позволяет следить за эволюцией активного словарного состава шведского языка, поскольку из словника каждый раз удаляется устаревшая лексика и ее место занимает новая. Вместе с тем очередное издание SAOL во все времена привлекало внимание лексикографов, поскольку словарь неоднократно видоизменял свою структуру и принципы формирования и оформления словника. Целью статьи является проследить некоторые особенности и преимущества SAOL 14 на фоне его предшественников, что требует прежде всего обратиться к краткой истории вопроса.

В уставе созданной королем Густавом III в 1786 г. Шведской академии важнейшей изначально называлась задача всемерно способствовать «чистоте, силе и великолепию шведского языка» [Allén, Loman, Sigurd, 1986, s. 5]. Поэтому неудивительно, что на протяжении всей своей долгой истории академия всегда уделяла особое внимание созданию грамматик и словарей шведского языка. Почти сразу после основания академия, в частности, начала подготовительную работу для создания большого толкового словаря *Svenska Akademiens Ordbok*, в котором предстояло дать описа-

ние шведской лексики с 20-х годов XVI в. до современности. Однако уже первый коллектив авторов представлял себе масштабность задачи и сознавал, что ее решение растянется на долгие годы. (Заметим, что они не ошиблись в своем предположении — первый том словаря вышел в 1893 г., но работа над словарем продолжается по сей день, и завершить ее предполагают к 2020 г.) Принимая во внимание долгосрочность «проекта», Ю.Э.Рюдквист в 1869 г. предложил параллельно с созданием большого словаря издать словник — *ordlista*, чтобы зафиксировать установленные на тот момент академией нормы орфографии и словоизменения [Allén, Loman, Sigurd, 1986, s. 104]. В предисловии к вышедшему в 1874 г. первому изданию SAOL Ю.Э.Рюдквист объяснял, что этот словарь представляет собой «своего рода основу для большого словаря, которой общественности предстоит ждать еще долгое время» [Allén, Loman, Sigurd, 1986, s. 104]. Идея создания Словника (будущего SAOL) полностью оправдалась. Первое издание, включавшее 33 000 слов и выпущенное тиражом 2000 экземпляров, было распродано всего за несколько недель. На протяжении 1870–1880-х годов SAOL выдержал четыре переиздания с тем же количеством слов и лишь незначительными изменениями.

Существенной переработке SAOL начал подвергаться только с 6-го издания, вышедшего в 1889 г. В нем количество слов увеличилось примерно на треть, были зафиксированы некоторые нововведения в области орфографии и впервые во многих случаях предлагались альтернативные формы. Это издание, согласно королевскому указу, стало начиная с 1890 г. основополагающим при обучении в школах [Johannisson, Mattsson, 1974]. С каждым дальнейшим изданием словарь увеличивался в объеме, и в него вносились коррективы, обусловленные изменениями в орфографии, словоизменении и актуальном словарном составе шведского языка. Рекордным по количеству заголовочных слов оказалось 9-е издание (1950 г.), включавшее 155 000 единиц. (В последующих изданиях эта цифра сократилась и колеблется между 115 000 и 135 000.) Такое разительное увеличение словника — почти вдвое по сравнению с предыдущим изданием — объяснялось, с одной стороны, увеличением словарного состава языка, вызванным научно-техническим прогрессом и нарастающим интересом общества к социальным проблемам и культуре. С другой стороны, авторы сло-

варя пошли на включение в него большего числа заимствований, а также впервые добавили слова из разговорной и даже сленговой лексики [Allén, Loman, Sigurd, 1986, s. 207, 209].

В 10-м издании (1973 г.) словник оказался меньше, зато увеличилось количество толкований, крайне скупо представленных в предыдущих версиях. Это издание вызвало оживленные дебаты в шведской прессе, связанные с такими моментами, как новые предложения по орфографии и словоизменению ряда заимствований и включение / не включение в словарь некоторых сленговых слов и выражений. Возможно, именно дискуссии вокруг SAOL 10 привлекли к нему внимание широких слоев населения, поскольку он даже попал в бестселлеры, заняв девятое место в списке наиболее читаемых в августе 1973 г. книг [Allén, Loman, Sigurd, 1986, s. 214].

Особого упоминания заслуживает также SAOL 12, вышедший в 1998 г., поскольку в этом издании авторы отошли от принятой ранее алфавитно-гнездовой структуры. Все композиты и дериваты были расписаны в этом издании по алфавиту с указанием границ морфем. Для шведского языка, в котором самым продуктивным способом словообразования является основосложение и хорошо развита аффиксация, такое изменение носило принципиальный характер и влекло за собой как плюсы, так и минусы. С одной стороны, пользоваться словарем стало легче, поскольку все слова в нем были расписаны по алфавиту и даны в полной форме, но вместе с тем словарь нередко критиковали за отрыв компонентов композитов от соответствующих гнезд. Классическим примером служили композиты с первым компонентом *val-*, поскольку считалось, что непросто догадаться, что слово *valjakt* ‘охота на китов’ восходит к слову *en val* ‘кит’, а *valkamp* ‘предвыборная борьба’ — к *ett val* ‘выборы’. Кроме того, алфавитный принцип повлек за собой значительное увеличение объема словаря. Если в предыдущих трех изданиях, соотносимых с рассматриваемым по размеру словника, было около 600–650 страниц, то в SAOL 12 их количество увеличилось до 1066. Еще одной отличительной чертой этого издания стало включение в него 350 слов из шведского языка Финляндии.

SAOL 13, выпущенный в 2006 г., отличали прежде всего существенные изменения словника: было добавлено 10 500 единиц (больше было только в SAOL 9) и удалено 5500 единиц — больше,

чем когда-либо. Это стало возможным благодаря доступу к более качественным электронным базам данных, позволявшим лучше определять частотность употребления лексики. Особое внимание авторы этого издания уделили написанию, словоизменению и словообразованию английских заимствований, а также впервые отдельно выделили слова, начинающиеся с буквы W.

И вот в 2015 г. вышло следующее издание — SAOL 14. Первое, что бросается в глаза, — это существенное увеличение объема словаря: он включает 1596 страниц. Однако количество заголовочных слов в нем не столь разительно отличается от предыдущих изданий — их 126 000. Следовательно, легко предположить, что увеличение объема связано с изменением наполнения словарных статей. Рассмотрим, какие принципиальные нововведения предлагает пользователям SAOL 14.

Важнейшим изменением главный редактор словаря С.-Й. Мальмгрен считает указание словоизменительных показателей при всех существительных, глаголах и прилагательных, включая композиты. В прежних изданиях данными показателями снабжались только «простые» слова, что, по его мнению, усложняло пользование словарем [Hadenius, 2015].

При подаче в словаре композитов появилось еще одно очень существенное нововведение. Здесь сохраняется предложенный в SAOL 12 алфавитный принцип, но в случае многозначности первого или второго компонента дается отсылка к соответствующему исходному слову, т. е. восстанавливается связь компонентов композита с «гнездом». Так, композит *dammlucka* ‘водоспуск’ имеет отсылку к ¹*dam* ‘запруда’ и *lucka* 2 ‘дверца, затвор’, а *dammoln* ‘облако пыли’ — к ²*dam* ‘пыль’. В тех же случаях, когда только одно из значений простого слова является продуктивным компонентом для образования композитов, в конце его словарной статьи присутствует указание на то, что все композиты с этим корнем относятся к соответствующему значению. Например, *polis* может означать, с одной стороны, «полицию» и «полицейского», а с другой — «страховой полис», и в конце статьи указано, что все композиты с компонентом *polis*- относятся к первому значению.

По-новому подошли авторы и к проблеме глаголов с частицами, способными функционировать в шведском языке как приставки и как ударные поствербы. В прежних изданиях присутствова-

ли, как правило, только слитные варианты (*avtorka* ‘вытирать’), а отдельные (*torka av*) рассматривались как фразы и не включались. В результате могло создаваться впечатление, что слитная форма является предпочтительной, что не соответствует действительности. В новом словаре глаголы с поствербными и возвратными глаголами даны непосредственно после исходного глагола, тоже как заголовочные слова, только с маленьким отступом и чуть менее крупным шрифтом. В общей сложности в SAOL 14 присутствует около 2000 таких глаголов, что, несомненно, можно отнести к достоинствам словаря.

Еще одним достоинством по сравнению с более ранними изданиями является появление у всех заголовочных слов тонического акцента, что чрезвычайно важно для шведского языка, где тонический акцент имеет два типа (*akut* — акутный и *grav* — грависный). Акцент не указывается только в тех случаях, когда он совершенно ясен, например у односложных слов или у глаголов с суффиксом *-era*.

Изначально SAOL задумывался как нормативный словарь-справочник, и его первые издания почти не содержали толковых лексик. В дальнейшем количество информации о значении слов постепенно увеличивалось, но в 14-м издании ее существенно больше, чем в предыдущих — здесь насчитывается около 20 000 пояснений. Во вступительной статье к SAOL 14 говорится, что именно в силу специфики словаря значения нередко объясняются через синонимы или при помощи кратких толкований, а к словам, которые относятся к числу наиболее «обычных», никаких пояснений не дается [SAOL 14, 2015, s. XXX]. В целом ряде случаев информация о значении дается путем отсылки: у композитов — к соответствующим гнездам, а у дериватов — к исходным словам. Говоря об отсылках, нельзя не отметить еще одно нововведение SAOL 14 — некоторые из них направлены на то, чтобы помочь пользователю в создании собственного текста. Такие отсылки присутствуют, например, в тех случаях, когда однокоренные глагол и существительное имеют отличия за рамками традиционных словоизменительных показателей: *kämpa* ‘бороться’ *jfr kämp*, *digerera* ‘переваривать (пищу)’ *jfr digestion*. Названия стран снабжены указанием на то, как именуются их жители: *Polen* ‘Польша’ *jfr polack, polska*. Кроме того, в 14-м издании значительно увеличено количество примеров

на употребление заголовочных слов, включая идиомы. Подобная информация делает SAOL еще более привлекательным для пользователей, у которых шведский язык не является родным.

Однако наибольший интерес у пользователей и исследователей при выходе очередного издания SAOL всегда вызывает состав его словника: какая лексика, присутствовавшая в предыдущем издании, была исключена и какая добавлена. В SAOL 14 было добавлено более 13 000 слов и исключено, по сравнению с SAOL 13, более 9000. Столь крупные цифры объясняются прежде всего возможностью использовать при составлении словника различные электронные базы данных и точнее определять степень употребительности лексики.

Анализируя 14-е издание, П. Хадениус справедливо отмечает, что новая лексика, с одной стороны, позволяет говорить об определенных тенденциях в развитии шведского языка, а с другой — отражает наиболее актуальные для шведского общества процессы [Hadenius, 2015]. Так, широко известно, что в последние десятилетия в Швеции уделяется большое внимание вопросам гендерного равноправия и правам ЛГБТ-сообщества, и в SAOL 14 можно обнаружить ряд соответствующих неологизмов. Прежде всего обращает на себя внимание включение в словарь широко обсуждавшегося в шведских СМИ нового, нейтрального в гендерном отношении личного местоимения третьего лица *hen* [Савицкая, 2015]. Уже сам факт появления этого местоимения в SAOL закрепил его статус в языке. Присутствуют в 14-м издании и слова, отражающие новый тип семейных отношений: *regnbågsfamilj* ‘семья, в которой родители являются однополыми или представителями ЛГБТ’, *regnbågsbarn* ‘ребенок, растущий в такой семье’. Можно также отметить, что если раньше словари включали только слово *förfader* ‘предок’, то теперь появился и его женский аналог — *förmoder*; наряду с традиционно включаемым в словари словом «хоккей», в новом издании присутствуют «мужской хоккей» (*herrhockey*) и «женский хоккей» (*damhockey*); наименование *justeringsman* ‘человек, заверяющий протокол, содержащее считающийся недостаточно нейтральным компонент *-man*, дополнилось более нейтральным *justeringsperson*, и этот перечень можно продолжить.

Определенные политические проблемы и тенденции отражают такие слова, как *afrosvensk* ‘афрошвед’, *islamofobi* ‘исламофобия’,

antiglobalist 'антиглобалист' *brexit* и *grexit* (о возможном выходе, соответственно, Великобритании и Греции из ЕС) и т. д. Помимо «политики» новой лексикой вполне ожидаемо пополнились такие семантические группы, как «компьютерная терминология и информационные технологии», «экология и охрана окружающей среды», «СМИ», «спорт и здоровый образ жизни», «еда и напитки» и некоторые другие. К числу принципиальных новшеств можно отнести существенное увеличение группы имен собственных. Если предыдущие издания SAOL включали преимущественно названия шведских провинций, то в SAOL 14 присутствуют названия всех стран, что представляется оправданным, поскольку за последние десятилетия появилось много новых государств, а некоторые государства поменяли свои названия.

При подготовке нового издания SAOL из словника предшественника всегда удаляется какая-то часть лексики. Это в первую очередь слова, которые признают устаревшими или даже вышедшими из употребления. Так, в 14-е издание не вошли, например, *feodaladel* феодальное 'дворянство', *muskötkula* 'мушкетная пуля' и *tingsfrid* 'запрет на преступления на время проведения тинга'. Удалено было и ставшее некорректным название пирожного *negerboll*, которое теперь следует называть *chokladboll*. Поскольку в шведском языке чрезвычайно развито основосложение, подавляющее большинство лексических единиц, вычеркиваемых при пересмотре словника, является композитами. Не стал исключением и SAOL 14 — в него не вошел целый ряд композитов, значения которых легко выводятся из значений компонентов. Заметим, что в этом издании и так присутствует порядка 90 000 сложных слов.

Вопрос о том, какую лексику сохранять, а какую нет, всегда был непростым и вызывал оживленные дискуссии. Однако можно предположить, что теперь авторам SAOL стало легче решать эту проблему, поскольку все «вычеркнутые» слова сохраняются в масштабной базе данных и с ними можно ознакомиться на новом сайте www.saolhist.se. На этом сайте присутствует информация о заголовочных словах всех изданий SAOL, с 1-го по 13-е. В общей сложности там есть сведения о более чем 200 000 лексических единиц. Заметим, что этот сайт предоставляет богатейший материал для исследования эволюции словарного состава шведского языка.

Еще одной замечательной особенностью SAOL 14 является более детальная проработка стилистических помет. Так, дифференцированными стали пометы «устаревшее» (*ngt åld./åld.*), «разговорное» (*ngt vard./vard./starkt vard.*) и «оскорбительное» (*ngt nedsätt./nedsätt./starkt nedsätt.*). Увеличилось количество отсылок к предпочтительным для употребления словам, конструкциям или формам. Например, в статье слова *zigenare* ‘цыган’ можно увидеть помету «оскорбительное» и указание, что лучше употреблять слово *rom*, а в статье глагола *avtorka* ‘вытирать’ — указание на то, что более обычным является отдельный вариант *torka av*.

Рецензируя новый словарь, Б. Лёвендаль отмечает, что главное отличие SAOL 14 от предыдущих изданий заключается в том, что словарь стал «более практичным и педагогичным». Б. Лёвендаль считает, что SAOL «никогда не был столь наглядно построенным и легким в использовании», и заключает, что «это хорошо для всех пользователей, но особенно ценно для тех, у кого шведский язык не является родным» [Löfvendahl, 2015]. С данным утверждением невозможно не согласиться. Под последней категорией пользователей здесь, вероятно, имеются в виду прежде всего живущие в Швеции многочисленные иммигранты. Однако в нее, безусловно, входят и люди, изучающие шведский язык за пределами Швеции. Если предыдущие издания SAOL не пользовались у студентов особой популярностью — во многом в силу недостаточности орфоэпической информации и толкований, то думается, что благодаря целому ряду отмеченных выше нововведений SAOL 14 может стать одним из самых востребованных словарей. Данное издание можно, безусловно, считать новым и важным этапом в эволюции «Словника Шведской академии».

ЛИТЕРАТУРА

- Савицкая А. В. Новое местоимение в шведском языке: история и перспективы // Скандинавская филология XIII. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 188–199.
- Allén S., Loman B., Sigurd B. Svenska Akademien och svenska språket. Stockholm: Norstedts, 1986. 275 s.
- Hadenius P. Stora ord // Språktidningen nr 3, 2015. URL: <http://spraktidningen.se/artiklar/2015/03/stora-ord> (дата обращения: 20.01.2016).
- Johannisson T., Mattsson G. Svenska Akademiens ordlista under 100 år. Stockholm: Esselte studium, 1974. 116 s.

Löfvendahl B. Nya ord för vår sköna nya värld // Svenska Dagbladet 10.04.2015.
URL: <http://www.svd.se/nya-ord-for-var-skona-nya-varld> (дата обращения: 25.01.2016).
SAOL 14. Stockholm: Svenska Akademien, 2015. 1596 s.

REFERENCES

- Savitskaia A. V. Novoe mestoimenie v shvedskom iazyke: istoriia i perspektivy [New Swedish Pronoun: History and Prospects]. *Skandinavskaiia filologiia XIII* [*Scandinavian Philology XIII*]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2015, pp. 188–199. (In Russian)
- Allén S., Loman B., Sigurd B. *Svenska Akademien och svenska språket* [*Swedish Academy and the Swedish language*]. Stockholm, Norstedts, 1986. 275 p.
- Hadenius P. Stora ord [Big words]. *Språktidningen*, 3, 2015. Available at: <http://spraktidningen.se/artiklar/2015/03/stora-ord> (accessed: 20.01.2016).
- Johannisson T., Mattsson G. *Svenska Akademiens ordlista under 100 år*. [*Swedish Academy during 100 years*]. Stockholm, Esselte studium, 1974, p. 6.
- Löfvendahl B. Nya ord för vår sköna nya värld [New words for our fine world]. *Svenska Dagbladet* 10.04.2015. Available at: <http://www.svd.se/nya-ord-for-var-skona-nya-varld> (accessed: 25.01.2016).
SAOL 14. Stockholm, Svenska Akademien, 2015, p. XXX.

Савицкая Анна Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии,
Санкт-Петербургский государственный университет.
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
E-mail: a.v.savitskaya@spbu.ru

Anna Savitskaja

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Scandinavian and Dutch Philology,
St. Petersburg State University.
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.v.savitskaya@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 30.03.16, принята к публикации 24.05.16

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.112.5+821.161.1

М. Ю. Коренева

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

И. М. Михайлова

Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О ЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

«ЗРЕЛИЩА ЖИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» (1674)

Проанализированы сходства и различия между текстами памятника древнерусской литературы «Зрелище жития человеческого» (Москва, 1674), созданного обрусевшим голландцем на русской службе А. А. Виниусом (1641–1716), и его двух вероятных европейских источников: «Театр нравов» Эгидия Саделера (Прага, 1608) и «Княжеский сад зверей» Йоста ван ден Вондела (Амстердам, 1617). Рассмотрены последовательность басен во всех трех сборниках и названия басен. Детально сопоставлены три текста: басня № 1 в сборнике Саделера, № 47 в сборнике Вондела и № 47 у Виниуса («О Древосечце»). Выявлено значительно большее содержательное сходство текста Виниуса с текстом Вондела, чем Саделера. Сделан вывод о том, что русский переводчик А. А. Виниус опирался не на один, а на оба указанных иноязычных источника.

Ключевые слова: басни о животных, эмблематические басни, «Зрелище жития человеческого», А. А. Виниус, Э. Саделер, Й. ван ден Вондел.

Marina Koreneva

Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Science

Irina Michajlova

St. Petersburg State University

ON EUROPEAN SOURCES OF “THE MIRROR OF HUMAN LIFE” (MOSCOW, 1674)

The article analyses similarities and differences between the texts of the monument of ancient Russian literature “The Mirror of Human Life” (Moscow 1674) which is written by Russified Dutchman in Russian service A. A. Vinius (1641–1716), and its two possible European sources: “Theatrum morum” by Aegidius Sadeler (Prague, 1608) and “Vorstellijke warande der dieren” by Joost van den Vondel (Amsterdam, 1617). The

authors consider the sequence of fables in the three collections and the titles of fables in each of them. Three texts are compared in detail: the fable number 1 in Sadeler's book, number 47 in Vondel's book and number 47 in Vinius' book (*On the woodcutter*). The comparison revealed significantly more similarity between the text by Vinius and the text by Vondel than the text by Sadeler. The conclusion is made that the Russian translator A. A. Vinius used not only one of these source texts but both of them.

Keywords: animal fables, Emblematic Fables, "The Mirror of Human Life", A. A. Vinius, E. Saedeler, J. van den Vondel.

«Зрелище жития человеческого»¹ (далее «Зрелище») — один из самых значительных русских литературных текстов XVII в., который давно привлекает внимание исследователей [Быкова, 1955; Тарковский, 1967 и др.]. Заслуга научного издания этого памятника принадлежит Р. Б. Тарковскому, который ввел его в научный оборот и дал его развернутый анализ в широком историко-культурном контексте, что позволило ему сделать выводы об источниках данного переводного текста [Тарковский, Тарковская, 2005]. Недавние публикации нидерландских литературоведов [Smith, 2006; Voterbloem, 2013], однако, заставляют вновь обратиться к вопросу о возможных источниках «Зрелища» и одновременно дополнить общую картину бытования басенных сборников в европейском культурном пространстве XVI–XVII вв., из которых русские тексты до сих пор оставались исключенными.

«Зрелище» представляет собой сборник прозаических басен, восходящих преимущественно к Эзопу, но не только. После каждой басни дана «прилога» — изложение исторического или библейского сюжета, иллюстрирующего мораль соответствующей басни. В пространном названии русского сборника содержатся сведения о времени и месте создания перевода (1674, Москва), о языке, с которого был осуществлен перевод (немецкий), а также даны инициалы переводчика Андрея Андреевича Вiniusа (1641–1717)².

¹ Полное название: Зрелище жития человеческого, в нем же изъявлены суть дивные беседы животных соистинными, к тому приличными, повестями в научение всякого чина и сана человеком, ныне новопереведено с немецкого языка всем в общую пользу трудолюбием А. А. с. В. в царствующем великом граде Москве в лето от воплощения бога слова 1674.

² А. А. Вinius — сын голландского купца А. Д. Вiniusа (1602–1662), поселившегося в России при царе Михаиле Федоровиче, служил некоторое время в Посольском приказе и занимался кроме всего прочего переводом французских книг по механике, фортификации, артиллерии и пр. См. о нем подробнее: [Юркин, 2007].

При этом в традиции эпохи ни имя автора оригинала, ни название самого источника не приводятся.

Отечественные исследователи «Зрелища» делятся на тех, кто видит в нем переложение изданного в 1617 г. на нидерландском языке стихотворного сборника басен «Княжеский сад зверей»³ (далее «Княжеский сад») нидерландского поэта Йоста ван ден Вондела (Vondel, 1587–1679) [Лихачев, 1998, с. 155; Боброва, 1978, с. 12], и тех, кто считает его переводом немецкоязычного сборника стихотворных басен «Театр нравов»⁴, составленного и выпущенного в Праге в 1608 г. фламандским художником и гравером Эгидием (Эгидиусом) Саделером (Sadeler, 1570–1629) [Тарковский, 1996; Юркин, 2007]. У сторонников и противников каждой из двух этих версий есть свои «за» и «против». Аргументы, приводимые в пользу первой точки зрения: 1) последовательность и названия почти 90 % басен в «Зрелище» и в «Княжеском саде» полностью совпадают; 2) переводчик «Зрелища» А. Виниус был голландцем, при этом его отец был лично знаком с Вонделом, книги которого имелись в библиотеке Виниусов [Каталог, 2008; Савельева, 2000; Боброва, 1978]. Аргументы, приводимые в пользу второй точки зрения: 1) Виниус указал в качестве исходного языка «Зрелища» немецкий, т. е. тот же язык, на котором написаны басни «Театра нравов»; 2) полное название «Зрелища» и его предисловие перекликаются с полным названием и предисловием «Театра нравов»; 3) все без исключения басни и прилоги «Зрелища» имеются в «Театре нравов», хотя они и расположены в другой последовательности. Возражения, выдвигаемые против первой точки зрения: 1) название «Зрелища» никак не соотносится с названием сборника Вондела; 2) в корпус басен «Зрелища» добавлены тексты (№ 117–129), не находящие соответствия у Вондела; 3) упрощенность русского прозаического текста по сравнению с вонделовским барочным александрийским стихом. Возражения, выдвигаемые против второй точки зрения: 1) расхождение в последовательности басен и несоответствие ряда названий; 2) изменение

³ *Vondel J. van den. Vorsteliicke Warande der dieren.* Amsterdam: Pers, 1617.

⁴ Полное оригинальное название: *Theatrum morum. Artliche gespach der thier mit wahren historien den menschen zur lehr.* Praga, 1608.

общей тональности и стилового рисунка повествования русского текста в сравнении с текстом Саделера⁵.

Следует отметить при этом, что позиции некоторых исследователей с течением времени менялись. Так, Р.Б. Тарковский, справедливо считающийся самым авторитетным знатоком «Зрелища», в статьях 1960–1970-х годов определенно указывал в качестве его источника «Театр нравов» Саделера, но уже в статьях конца 1990-х годов и в монографии 2005 г. широко привлекает к рассмотрению и «Княжеский сад» Вондела, обнаруживая по ряду параметров значительное сходство между русским и нидерландским текстом [Тарковский, 1969; 1996; 2005], что не помешало ему, впрочем, в конечном счете прийти к заключению, что в основе «Зрелища» лежит все же текст Саделера, но не в известном издании 1608 г., а в другом, которое еще предстоит найти в европейских библиотеках и из которого, как предполагает исследователь, исходили и Вондел, и Виниус [Тарковский, 1996, с. 202; Тарковский, Тарковская, 2005].

Обращает на себя внимание то, что для сторонников «саделеровской версии» происхождения «Зрелища» ключевым аргументом является «авторская» отсылка к немецкому языку. Этот аргумент, однако, едва ли может считаться решающим, если учесть, что, как известно, в России XVII–XVIII вв. «немцами» называли не только выходцев из германских земель, но и вообще иностранцев, язык которых совокупно мог обозначаться как «немецкий» [Белобродова, 2000]. Еще более важным обстоятельством представляется то, что сами голландцы на протяжении всего Средневековья вплоть до XVIII в. называли свой родной язык «Diets» (=Duits), иногда «Neder-duits» и противопоставляли его латыни, а не языку своих ближайших соседей. Соответственно, можно по крайней мере допустить, что Виниус, голландец по происхождению, переводя с нидерландского, «перевел» и название языка оригинала, который он, в соответствии с родной традицией и традицией русского окружения, обозначил как «немецкий».

Если снять вопрос о языке оригинала, то далее необходимо было бы обратиться к сопоставлению русского текста с двумя предполагаемыми источниками, т. е. повторить путь предыдущих

⁵ На это обстоятельство особо обратил внимание Р.Б. Тарковский, который писал: «...там, где у Саделера гнома, у Виниуса — филиппика» [Тарковский, 1969, с. 150–151].

исследователей. Этому, однако, должно предшествовать, как представляется, сопоставление нидерландского и немецкого сборников с учетом последних работ нидерландских ученых, в первую очередь П. Й. Смита [Smith, 2006].

П. Й. Смит произвел фундаментальное обследование текстов и иллюстраций десятка важнейших сборников конца XVI — начала XVII в. на нидерландском, немецком, французском и латинском языках, проследив историю их создания, что дало ему возможность выстроить схему генетического родства между ними. Оказалось, что все они восходят к одному источнику — к сборнику «Правдивые истории о животных» (1567)⁶, представляющему собой обработку басен Эзопа, выполненную Эдуардом Де Дене (De Dene, 1505–1578).

В своей работе П. Й. Смит показывает, что каждое последующее издание сборника Де Дене, будь то на языке оригинала или на другом языке, неизменно становилось *новой* версией, более обширной или более краткой, более цветистой или более сдержанной, в зависимости от требований издателя. Книга Саделера была переводом-обработкой непосредственно текстов Де Дене (фабульной части и морали), но Саделер добавил к ним «прилоги» собственного сочинения. «Княжеский сад» Вондела представляет собой вольный перевод изданной в Антверпене французской версии сборника Де Дене «Поучительная комедия о животных»⁷. Все басни в «Поучительной комедии» имеют форму сонета, что, вероятно, и привлекло молодого поэта, решившего испытать возможности нидерландского языка для передачи изящного французского стиха. Примечательно, что Вондел переводил только стихи, а прозаическими «прилогами» занимался, по-видимому, сам издатель, и переводил их непосредственно из книги Саделера. Таким образом, если воспользоваться лексикой семейного родства, стихотворная часть «Княжеского сада» оказывается как бы «двоюродным братом» обработки Саделера, а «прилоги» — его прямым «родственником». Иными словами, «Княжеский сад» Вондела не только связан с «Театром нравов» Саделера через общий первоисточник, но и содержит в себе прямые заимствования из сборника

⁶ Оригинальное название: De warachtighe Fabulen der Dieren. Brugghe, 1567.

⁷ Esbatement moral des animaux. Anwers: Philippe Galle, 1578.

Саделера. Это важное обстоятельство необходимо учитывать при обращении к «Зрелищу» Виниуса, поскольку узнаваемые в нем «саделеровские элементы» могут восходить не к оригинальному немецкоязычному изданию, а к их вариациям, представленным в сборнике Вондела.

Сопоставление переводов Виниуса с текстами Вондела и Саделера показывает, что Виниус, в распоряжении которого могли быть оба сборника, избегал барочных «красивостей», характерных для версии Вондела, но чаще всего вкратце пересказывал басенные сюжеты с моралью. При этом пересказы тех басен, которые есть и у Вондела, и у Саделера, в своей фабульной части во всех случаях оказываются ближе к Вонделу по своему повествовательному объему и отдельным предметным деталям, они всегда более пространны, чем лаконичные стихи Саделера, лишённые каких бы то ни было стилистических «украшений». В качестве примера сравним подстрочные переводы одной и той же басни у Саделера и Вондела с текстом Виниуса.

О ДРОВОСЕКЕ (Саделер)

Один дровосек попросил Лес,
Чтобы тот дал ему
Дерева на рукоять для топора.
Лес не стал ему отказывать.
После того как он дал ему сделать рукоять,
Дровосек направляется с умыслом
В лес и срубает в большом количестве
Множество прекрасных прямых деревьев.
Кто помогает своему врагу оружием
И не ведает, что он им собирается делать,
Тот в конце концов в скором времени
Сам будет побит своим врагом.

Не давай своему врагу твоего оружия,
Дабы не оказаться в опасности.
[Theatrum morum, s. 1–2]

№ 47. ДРОВОСЕК И ЛЕС (Вондел)

Один *Селянин*, отправившийся в *Лес* гулять и отдыхать,
Нашел топор без топорща на зеленой опушке:

Чтобы он был бы ему пригоден и полезен,
Селянин попросил богатый деревьями Лес, верхушки которого
Возносились до небес, позволить ему вырезать палку,
Чтобы насадить на нее железо найденного топора.
Лес дал Крестьянину разрешение: тот вставил круглую ветку
В качестве топорщица в отверстие железного топора,
И срубил тотчас же дуб, вяз и липу,
Так что в скором времени от леса ничего не осталось.
Ты, кто слишком легковверен и тому, кто подстерегает,
Даешь оружие, которое ты носишь ради обороны,
Подумай, что с тобой будет, если ты отдашь свой меч в руки
того, кто тебя уничтожит и опозорит.
[Vorstellung warande, p. 611]

№ 47. О ДРЕВОСЕЧЦЕ (Виниус)

Некий поселянин иде путем и видя секиру едину, обаче кроме рукояти.
И прииде в лесъ, моли всехъ древесъ, да соизволятъ ему рукояти от
леса своего изсеци. Они же не возбраниша ему о том.

Егда же сие сотвори и топор свой уготови, иде и ссече овогда дубъ,
овогда вязъ, овогда же сосну. И по мнозех днех и все древеса ссече
и всю дубраву искорени.

Научая тем, яко не достоин кийждому веры яти и оружия своя иному
вручати, зане иже ныне друг, завтра врагъ бываетъ и твоим оружиемъ
тя убиеть [Зрелище жития человеческого, с. 323].

В тексте Вондела и Виниуса содержится указание на следующие сюжетные детали, отсутствующие у Саделера: а) главное действующее лицо — селянин; б) секиру он находит во время прогулки по лесу; в) рукоять он именно «вырезает», а не просто «делает»; г) дровосек рубит три конкретные породы деревьев, д) дровосек уничтожает лес полностью. С текстом Саделера текст Виниуса имеет лишь одну общую деталь: если у Вондела Лес «дал разрешение» селянину, то у Саделера (как и у Виниуса) он «не отказал» дровосеку в его просьбе. И наконец, в тексте Виниуса есть одна мысль, отсутствующая в обоих европейских источниках: мысль о том, что сегодняшний друг завтра может стать врагом.

Приведенный пример показывает, что фабульная часть «Зрелища» принципиально ближе к «Княжескому саду»⁸. Совпаде-

⁸ Недостаток места не позволяет привести другие примеры. Отметим лишь,

ния в части «прилогов» всех трех сборников не являются релевантными для определения источника «Зрелища», поскольку, как было указано выше, «прилоги» в сборнике Вондела переводились из сборника Саделера.

Не менее важным, чем выявленные совпадения фабульной части басен «Княжеского сада» и «Зрелища», представляется совпадение общей композиции обоих сборников: последовательность первых 116 из 134 басен в сборнике Виниуса полностью совпадает с последовательностью басен в сборнике Вондела, однако ближе к концу Виниус добавил 13 басен из Саделера и закончил снова пять вонделевскими, но не теми, которыми Вондел закончил свой сборник.

Таким образом, совокупность рассмотренных факторов (наличие элементов сборника Саделера в сборнике Вондела, совпадение смысловых элементов и отдельных деталей в фабульной части «Зрелища» и «Княжеского сада», совпадение композиции обоих сборников) свидетельствует о том, что Виниус, работая над «Зрелищем», опираясь в основном на «Княжеский сад», но действовал по тому же принципу, что и европейские авторы басенных сборников, ориентируясь не на один, а как минимум на два источника. Его «перевод» представляет собой упрощенный прозаический пересказ басен и «прилог» как из вонделевского «Княжеского сада», так и саделеровского «Театра нравов», что позволяет в любом случае включить эту русскую версию в схему родства западноевропейских сборников басен XVI–XVII вв., среди которых «Зрелище» может занять свое достойное место.

ИСТОЧНИКИ

De warachtighe Fabulen der Dieren (E. De Dene). Brugghe, 1567.

Esbatement moral des animaux (P. Heyns). Anwers, 1578.

Theatrum morum. Artliche gespach der thier mit wahren historien den menschen zur lehr (E. Sadeler). Praga, 1608.

Vondel J. van den. Vorsteliicke Warande der dieren. Amsterdam, 1617.

Зрелище жития человеческого... (А. А. Виниус) // Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 301–364.

что та же тенденция обнаруживается и при сопоставлении прочих басен, представленных во всех трех сборниках.

ЛИТЕРАТУРА

- Белобродова И. Н. Этноним «немец» в России: культурно-политологический аспект // *Общественные науки и современность*. 2000. № 2. С. 96–102.
- Боброва Е. И. От составителя // Библиотека Петра I: Указатель-справочник / сост. Е. И. Боброва. Л.: Изд-во БАН, 1978. С. 5–13.
- Быкова Т. А. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого» // Описание изданий гражданской печати. 1708 — январь 1725 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 504–514.
- Каталог книг из собрания Андрея Андреевича Виниуса / сост. Е. А. Савельева. СПб.: БАН; Альфарет, 2008. 400 с.; 44 л. ил.
- Лихачев Д. С. Поэзия садов. М.: Согласие, 1998. 471 с.
- Савельева Е. А. Андрей Андреевич Виниус, его библиотека и альбом // Россия — Голландия. Книжные связи XV–XX вв. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 103–123.
- Тарковский Р. Б., Тарковская Л. Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 548 с.
- Тарковский Р. Б. «Зрелище жития человеческого» // Литература и общественная мысль Древней Руси. Л., 1969. С. 248–253. (Труды отдела древнерусской литературы. Т. XXIV).
- Тарковский Р. Б. Три древнерусских перевода Эзопа (Идеологический очерк). СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 187–224. (Труды отдела древнерусской литературы. Т. XLIX).
- Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. М.: Наука, 2007. 558 с.
- Boterbloem K. Moderniser of Russia. Andrei Vinius, 1641–1716. London: Palgrave Macmillan, 2013. 272 p.
- Smith P. J. Het schouwtoneel der dieren. Embleemfabels in de Nederlanden (1567 — ca. 1670). Hilversum: Uitgeverij Verloren, 2006. 124 p.

SOURCES

- De warachtighe Fabulen der Dieren* (E. De Dene). Brugge, 1567.
- Esbatement moral des animaux* (P. Heyns). Anwers, 1578.
- Theatrum morum. Artliche gepoch der thier mit wahren historien den menschen zur lehr* (E. Sadeler). Praga, 1608.
- Vondel J., van den. *Vorsteliicke Warande der dieren*. Amsterdam, 1617.
- Zrelishe zhitija chelovecheskogo... [The Mirror of Human Life...] (A. A. Vinius). Tarkovskiy R. B., Tarkovskaya L. R. *Ezop na Rusi. Vek XVII [Aesop in Russia. 17th Century]*. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005, pp. 301–364. (In Russian)

REFERENCES

- Belobrodova I. N. Etnonim “nemets” v Rossii: kul’turno-politologicheskii aspekt [Ethnonym “nemets” in Russia: cultural and political aspect]. *Obshchestven-*

- nye nauki i sovremennost'* [Social studies and the present], 2000, no. 2, pp. 96–102. (In Russian)
- Bobrova E. I. Ot sostavitelia [Editor's Note]. *Biblioteka Petra I: Ukazatel'-spravochnik*. Comp. E. I. Bobrova. Leningrad, BAN Publ., 1978, pp. 5–13. (In Russian)
- Bykova T. A. Zateriannoe izdanie "Zrelishcha zhitiiia chelovecheskogo" [Lost edition of "The Mirror of Human Life"]. *Opisanie izdaniia grazhdanskoi pečati. 1708 — ianvar' 1725 g.* [Description of publications in civil fonts. 1708 — January 1725]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1955, pp. 504–514. (In Russian)
- Katalog knig iz sobraniia Andreia Andreevicha Viniusa* [Catalog of books from the collection of Andrei Andreevich Vinius]. Comp. E. A. Saveleva. St. Petersburg, BAN, Al'faret, 2008. 400 p. (In Russian)
- Likhachev D. S. *Poeziia sadov* [Poetry of Gardens]. Moscow, Soglasie Publ., 1998. 471 p. (In Russian)
- Saveleva E. A. Andrei Andreevich Vinius, ego biblioteka i al'bom [Andrei Vinius, his library and album]. *Rossiiia — Gollandiia. Knizhnye sviazi XV–XX vv.* [Russia — Netherlands. Book Contacts. 15th–20th centuries]. St. Petersburg, Evropeiskii dom, 2000, pp. 103–123. (In Russian)
- Tarkovskii R. B., Tarkovskaia L. R. *Ezop na Rusi. Vek XVII* [Aesop in Russia. 17th Century]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 548 p. (In Russian)
- Tarkovskii R. B. Zrelishche zhitiiia chelovecheskogo [The Mirror of Human Life...]. *Literatura i obshchestvennaia mysl' Drevnei Rusi* [Literature and Social Thought of Ancient Russia: Proceedings of the Department of Old Russian literature]. Leningrad, 1969, pp. 248–253. (Trudy otdela drevnerusskoi literatury. Vol. XXIV). (In Russian)
- Tarkovskii R. B. *Tri drevnerusskikh perevoda Ezopa (Ideologicheskii ocherk)* [Three ancient translation of Aesop (ideological essay)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996, pp. 187–224. (Trudy otdela drevnerusskoi literatury. Vol. XLIX). (In Russian)
- Yurkin I. N. *Andrei Andreevich Vinius*. Moscow, Nauka Publ., 2007. 558 p. (In Russian)
- Boterbloem K. *Moderniser of Russia. Andrei Vinius, 1641–1716*. London, Palgrave Macmillan, 2013. 272 p.
- Smith P. J. *Het schouwtoneel der dieren. Emblemfabels in de Nederlanden (1567–ca. 1670)* [The Theater of Animals. Emblematic Fables in the Netherlands]. Hilversum, Uitgeverij Verloren, 2006. 124 p.

Коренева Марина Юрьевна

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела взаимосвязей
русской и зарубежных литератур,
Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом).
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
E-mail: marinakoreneva7@gmail.com

Marina Koreneva

PhD in Philology

Leading Researcher, Department of Comparative Literature,
Institute of Russian Literature (the Pushkin House),

Russian Academy of Science.

Nab. Makarova 4, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: marinakoreneva7@gmail.com

Михайлова Ирина Михайловна

доктор филологических наук, доцент,

профессор кафедры скандинавской и нидерландской филологии,

филологический факультет,

Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,

Университетская наб., д. 7–9

Irina Michajlova

Doctor in Philology, Associate Professor,

Department of Scandinavian and Dutch Philology, Faculty of Philology,

St. Petersburg State University.

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: i.mikhailova@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.16, принята к публикации 30.05.16

УДК 821.113.6

Polina Lisovskaya

St. Petersburg State University

**CHILDREN AND «PRODIGAL SONS»:
ON IMAGES OF CHILDREN IN STRINDBERG'S WRITING**

The theme of childhood and images of children in Strindberg's writing have been largely overlooked by the scholars with the few exceptions. As a rule, focal attention in the studies of Strindberg's work is given to the way the roles of the sexes and conjugal tensions function in his drama and prose. However, such problems as child upbringing, parental responsibility and 'fathers and sons' conflicts concerned Strindberg throughout his entire life, following his own evolution as writer and playwright. The development of child imagery in Strindberg's work aligns him with the great authors of the nineteenth century, primarily with Dickens, Hugo, Zola, Ibsen, and Dostoyevsky. This study shows that several types of child images can be distinguished in Strindberg's writing both during the pre-*Inferno* and the post-*Inferno* periods. These are 'Child as Victim', 'Perfect Child', 'Child as Angelic Creature', 'Child as Savior', as well as 'Evil Children' and *enfants terribles* of various kinds. The imagery of children in Strindberg's writings of the 1900s are of special interest, because they represent the most mature stage of his life and literary activity, and were created after he had lived through significant psychological, philosophical, and spiritual crises, including his religious conversion to Christianity. The latter part of the article is devoted to a motif, which proved to be productive in Strindberg's later oeuvre, namely 'the return of the long lost son', which form a natural juxtaposition to the evangelic parable of the prodigal son. Apart from the above it was found interesting to point out to some evident typological similarities between Strindberg's *Black Banners* (1904) and Dostoyevsky's *Demons* (1872) echoing each other in their treatment of 'fathers and sons' theme and in the sharp critique of the nineteenth century liberalism.

Keywords: Strindberg, Dostoyevsky, "Demons", Dickens, images of children, the prodigal son motif, Enlightenment rationalism, nineteenth century liberalism.

П. А. Лисовская

Санкт-Петербургский государственный университет

ДЕТИ И «БЛУДНЫЕ СЫНОВЬЯ»:

К ВОПРОСУ О ДЕТСКИХ ОБРАЗАХ У СТРИНДБЕРГА

Тема детства и детских образов не относится к хорошо изученным областям в исследованиях, посвященных творчеству Августа Стриндберга. Как правило, акцент делается на теме отношений между полами и проблемах супружества в драматургии и прозе великого шведа. Однако ответ на вопрос о том, как имен-

но функционирует в творчестве Стриндберга образ ребенка и тема детства как таковая, включая аспекты как нравственного, так и физического воспитания, мог бы способствовать полноте анализа и в целом лучшему пониманию художественного, философского и духовного мира этого писателя. В статье предлагается обзор типов и стратегий изображения детства и детей в творчестве Стриндберга как в ранний натуралистический, так и в поздний период его творчества, а также анализируется их символическое значение и функция в структуре «стриндберговской семьи». Делается вывод о том, что в позднем творчестве Стриндберг отходит и от руссоистской, и от диккенсовской модели изображения ребенка, характерных для его творчества в 1880-е, и постепенно начинает включать в свои тексты имманентно злых и испорченных порочным воспитанием детей, тем самым уравнивая ребенка с воспитавшим его взрослым. В конце статьи говорится о ранее не замечавшихся исследователями типологических сходствах между последним большим социально-критическим романом Стриндберга «Черные знамёна» и романом Достоевского «Бесы», проходящих как раз по линии отношений «отцов и детей». Оба автора в определенный момент в равной мере критически относятся к завоеваниям Просвещения и ценностям либерализма девятнадцатого века.

Ключевые слова: Стриндберг, Достоевский, «Бесы», Диккенс, детские образы, мотив блудного сына, рационализм эпохи Просвещения, либерализм девятнадцатого века.

Although marriage and gender represent the core subjects in Strindberg's writing, one other theme that is particularly worthy of reassessment is the phenomenon that I call the 'Strindbergian family' [Лисовская, 2002]. Given this background, the necessity to refocus Strindberg studies and to give more attention to less studied themes in his work has been emphasized by some scholars [e. g., Olsson, 1999; Robinson, 2000]. The theme of childhood and children, the forms and functions of child imagery within this 'Strindbergian family', and their evolution have been largely overlooked by Strindberg studies with very few exceptions [Szalczar, 2008]. However, the themes of parental responsibility and child upbringing concerned Strindberg a great deal both in the pre-*Inferno* and post-*Inferno* periods of his life as if following the stages of his artistic, philosophical, and religious transformations. In this study, we will touch upon a selection of Strindberg's works. Namely, *The Father* (1886), *The Son of Servant* (1887), and some stories from *Married I-II* (1884, 1886) from the pre-*Inferno* period; and *Alone* (1903), *The Gothic Rooms* (1904), *Black Banners* (1904, publ. 1907), *Chamber plays* (1907) all belonging to his post-*Inferno* writing.

On the one hand, the development of childhood theme aligns Strindberg with Dickens, who paid exceptional attention to it throughout his

career; to summarize Dickens' vision, the child is a lonely victim of the cruel world of adults, but being good and pure by nature the young soul detests and resists corruption. This stance is more or less true for Strindberg of the 1880-s. Within French literature of the first half of the nineteenth century, extensively read by Strindberg, "the child rejected by family or peers, comes to represent the sense of alienation in a world whose parameters seem to have altered" [Lloyd, p.241]. Moreover, the child imagery evolved over time. Lloyd states that closer to the end of the century, "while the child is frequently depicted as a prey to both physical and metaphysical suffering, there is nevertheless the beginning of that urge to happiness..." [Lloyd, p.244]. Strindberg was influenced by the French writers (e.g. Hugo, Balzac), who paid close attention to the theme of the child role in the changing world. Speaking of Strindberg's contemporaries, in Ibsen's dramas, whom the Swede considered one of his primary competitors, children are both angels and victims [Ruff, 1991]. And in this sense Strindberg is closer to Ibsen than he probably wished to be. Nevertheless, he goes further than both Dickens and Ibsen, as he assumes that adults, which can turn a child into a predator, and make an adult a prey, can successfully corrupt a child's soul.

Strindberg is concerned and compassionate about children, but his general suspiciousness and skepticism are valid for children as well. In *The Gothic Rooms* Strindberg argues with Ellen Key, a renowned educator of the early 1900s, famous for proclaiming the nineteenth century "the child's age", and states that especially the end of the nineteenth century had become "children's hell" [barnens helvete] [Strindberg, 2010, s. 140]. In *The Blue Book* Strindberg wrote: "I have said that the child is a little criminal, incapable of self-guidance, but I love children all the same" [Strindberg, 1997, s. 156]. Strindberg created a rich repertoire of images of children, employing the ones that were similar to his predecessors and those extremely innovative for his time, which makes the author a precursor of the turn-of-the-century modernism.

My interpretation is that the primary function of child images is to uncover the adults' attitudes towards children, and to provide a moral commentary on the ways of their upbringing. This function is well represented by Dickens' child characters. Lloyd suggests that images of children reflect the adults' perception and beliefs in those characteristics [Lloyd, p. 243]. Speaking at a higher level of generality, child imagery reveals the adults' social and religious belief systems. The images of

children may also be interpreted as representations of the adults' inner worlds on a deeper level, i. e., as reflections of their search for identity and examination of one's conscience. It is supported by Jung's theory of archetypes, where the child image is a symbol, and one of the main archetypes of collective unconsciousness that acts as an organizing principle on the things we see or do, and that can be found in mythology and art [Jung, 1958, p. 124]. Thus, I suggest reading the following child image-types and their symbolic meanings in Strindberg's work:

- 'Child as Victim' of parental abuse. Its symbolic meaning is in condemnation of the corrupt bourgeois family with its physically and mentally destructive child-rearing practices.
- 'Perfect Child,' 'Child as Angelic Creature,' and 'Child as Savior' are the symbols of faith in the inner goodness of a child. 'Evil Children' would be the opposite type here. These are *enfants terribles* of various kinds. Symbolically, these images challenge the belief in the good nature of children (and human beings in general), and reflect the deep pessimism of the author regarding the betterment of human race and its social institutions.
- 'The return of the long lost son' is a prominent motif and image-type in the post-*Inferno* period. In political terms, its occasions reflect Strindberg's critique of modern liberalism and its political consequences of breeding nihilism and radicalism. My vision is that the 'fathers and sons' theme in Strindberg's later oeuvre corresponds to and has typological coherence with some of Dostoyevsky's interpretation of the same subject, especially in his *Demons* (*Бесы*, 1872).

The image of the child as victim is not unique for Strindberg. It was a common theme for the literature representative of the ideas of the Enlightenment. In his early years, Strindberg ardently condemned the family as a social institution that was hell for children and he even supported state parenthood. However, he soon "disavowed" this radical socialist agenda [Heller, p.83]. His critique of the family shifted from its condemnation as such to examination of the child-rearing practices within the bourgeois family of the era of modern liberalism. It seems that around 1886–1887, Strindberg was still a believer in Rousseau's concept of the child as *tabula rasa*, whose fulfillment depends on the influences from the outside world, either uplifting and/or harmful. Therefore, his images of childhood in those years are represented in the con-

text of child-rearing experimentation by the adults with unpredictable outcomes. For example, in *The Father* Bertha's future is ambiguous while her parents are arguing about how she is to be educated and who she is to become, an artist or a teacher. Another example is Fritiof in *The Child (Barnet)* from *Getting Married II* (1886) brought up by overprotecting women, which lead to unhappy marriage and alcoholism.

In *The Son of a Servant*, we encounter a portrayal of the child's life given as a succession of events and sufferings caused by the injustices of its family, school, church, and other social institutions. To increase the impression that this type of upbringing is anomalous and conducive to the alienation from the true self, '[i]n a clinical third person discourse, Johan, the main character, is portrayed as if he were just as foreign as a French peasant. An ordinary Swedish childhood is defamiliarized into a piece of ethnographica...' [Stounbjerg, 2009, p. 49].

The corruptive impact of family socialization is rendered in full scale much later in a chamber play *The Pelican*, in which the son told his sister about the scenes he had happened to witness when he was little, but was punished as a liar after having repeated the same story to the mother. This episode is analogous to the one with the finished wine bottle from *The Son of a Servant*.¹ This imagery conveys Strindberg's accusation of parents for teaching their own children to lie, and, thus, corrupting them morally, and then physically.

In the *Gothic Rooms*, the theme of physical and moral deformity, lack of will and mental retardation as the outcomes of ruined marriages, unwanted pregnancies, and feeding by wet nurses reaches its height. Especially in the later prose, Strindberg's visions of harmonious and loving relationships within the family bear mythological and surrealistic features, suggesting considerable skepticism in their existence and the sorrow of witnessing none of those. The happiness of fatherhood is revealed through reminiscences, hallucinations, and observations of other people's happiness (*Inferno*, *Stormy Weather*, *Alone*).

A child as a path to salvation was generally a popular theme in literature of the nineteenth century, when redemption was often reached through a child's death. Strindberg, however, rarely uses this trope, in contrast to Ibsen, who depicts infanticide and child-death in a number

¹ Johan was falsely accused of and punished for drinking up the rest of the wine from a bottle.

of his plays [Ruff, p. 124–130].² In the post-*Inferno* prose, the child imagery increasingly acquires sinister and demonic features. We encounter more child characters, which are physically and morally repulsive. From the early ages they look and act like little predators and rascals, often as victimizers of their parents and strangers (in *Black Banners* professor Stenkåhl's step-daughter Sally, referred to as 'the little demon', and Zachris' sons called 'the fox-terrier couple').

Apparently after having explored and practiced the possibilities of a traditional *Bildungsroman* in the 1880s, in the 1900s Strindberg abandoned the theme of a stolen childhood, and took departure from the child as a *tabula rasa* concept. His focus shifts to the search for hereditary deficiencies in children thus supporting Nietzsche's view that 'the race had deteriorated in consequence of its sentimentality, namely, through the systematic production of physical and mental inferiority and unchecked procreation of weaklings' [Heller, 1918, p. 96].

Another theme that gains strength in the post-*Inferno* writing is the impact of modern education built on lofty liberal values as a factor in children's physical and moral decay. It is not clear which factor Strindberg considers of primary importance in shaping the child's personality. For example in *Black Banners* heredity is clearly a factor since both of the boys' parents are depicted as degenerate and repulsive types, while modern liberal values and education is another factor of decay considering the character Hanna Paj, a grim caricature of Ellen Key in this novel.

The second type of 'evil children' imagery goes far beyond the conceptions of heredity and education. This type promotes a very gloomy perspective of human nature. An example of the 'evil child' as a scary stranger appears in *Stormy Weather*. A little girl in the park suddenly bites the Gentleman's granddaughter on the cheek [Strindberg, 1973, p. 117]. Strindberg gives this image a symbolic meaning of the first meeting with the human evil and of presence of evil in the child as such. Deviating from Dickens' paradigm that even the most evil adults cannot turn children into monsters, Strindberg shows children who will never become good adults. If, according to Jung, child images represent possibility, future, and craving for a new and better self, the little bikers,

² The theme of infanticide is rendered in *There are Crimes and Crimes* (1899), and *The Crown Bride* (1901).

whom the protagonist in the novel *Alone* meets during his promenade, symbolize the deepest level of Strindberg's despair and disbelief in these options for himself and for the outside world. It is remarkable, that these prophets of alienation and death are children. The post-Inferno imagery of evil children is in line with the child-image perspectives in drama closer to the end of the nineteenth century, when '...the children become more bizarre. [...] ... purity has become a strange quality [...] and no longer spiritually superior; innocence is more a perversion...' [Ruff, 1991, p.179]. It corresponds to the general tendencies of image construction during the *fin-de-siecle*, and anticipates the approaching expressionistic and avant-garde trends.

The images, which I call the 'prodigal sons' can be found in, at least, three of Strindberg's later works: *Black Banners*, *Alone* and *The House that Burned*. All three episodes involve the returning sons and share the following common themes: fathers' fear to meet their sons in anticipation of seeing something disturbing and horrible, and their strong sense of guilt for their sins and crimes, plus attempts to hide and run away from the scene. In addition, these are the ugly, deformed, and animal-like appearance of the sons, and their hatred of the older generation and of those who are better off.

In *Black Banners*, Zachris' greatest nightmare is to meet his long lost son from his previous marriage. When the son arrives at Christmas Eve and claims his hereditary rights, Zachris recognizes his face, but flees and hides in a closet. In *The House that Burned* Strindberg explains the nature of the fathers' crimes including the 'liberating' education of their children. The 'prodigal son' — the Stranger — returns when his father is already dead, and he exposes the latter's secrets and sins, as well as the corruptive experiences of his own upbringing, such as reading the memoirs of, apparently, Marquis de Sade [Strindberg, 1973, p.161]. The fact that this whole system embodied in the structure of the house is burned down symbolizes Strindberg's condemnation of it. Finally, in *Alone*, in the state of extreme anguish, the narrator is waiting for the return of his long lost son. Moreover, a rather suspiciously looking young man indeed arrives at his door, and happens to be just someone looking for money. The description of the son in this episode portrays the outcomes of the fathers' crimes [Strindberg, 1968, p.401–402].

This imagery of the 'prodigal sons' represents the intersection of Strindberg's religious and philosophical perspectives characteristic of

his world outlook after the *Inferno* crisis. One theme is his metaphysical hopelessness rooted in the particular version of Christian faith that he converted to later in life. "In Strindberg's case, religious conversion is not an edifying, but on the contrary a morbid and saddening spectacle; it is equal to a declaration of complete spiritual bankruptcy" [Heller, 1918, p. 100]. In the 'prodigal son' imagery an extremely strong sense of the fathers' remorse for sins is conveyed. It is saturated with anxiety, confusion, fear, and guilt, which reflects the turn of the century crisis of the sense of enduring certainty rooted in the Enlightenment rationality, and of faith in a compassionate God the Savior. Strindberg's versions of the story about the Prodigal Son is different from the biblical story of love and faith in redemption and salvation. In 'the return of the son' imagery by Strindberg the critique of the Enlightenment rationalism and its derivative nineteenth-century liberalism raises the problem of child-upbringing from the family level to the generational. Fathers in egotistic pursuit of self-emancipation justified by lofty liberal ideas are succeeded by children, whom this pursuit leads into the realm of the demonic and diabolic. Therefore, the sons are 'ugly', 'disproportioned', and 'deformed'; they hate the generation of their fathers, and come to collect their debt. Feeling of responsibility for nurturing these sons drives fathers away from seeing them. They hide in fear of facing the inevitable truth that it is they, who are responsible for breeding such monsters. Such an interpretation is supported by a number of typological similarities of *Black Banners* with Dostoyevsky's *Devils*. The title *Black Banners*, which is symbol for anarchy, echoes the *Devils*, which depicts the revolutionaries of 19th century Russia. The *Devils* is a tale about the evil spirits behind the spread of revolutionary nihilism. Importantly, Dostoyevsky saw the nihilism as genetically linked to the nineteenth-century liberalism (hence, the images of the liberal father Verkhovensky and his nihilist son Peter). The similarities between the two authors are hardly accidental. They both, in spite of the age gap, in a sense represent the same philosophical current in the literature of the 19th century that at a certain stage radically questioned the validity of the Enlightenment rationalism and the nineteenth-century liberalism as its consequence leading to unleashing the demonic forces of nihilism. Similarities in the unflattering or outright terrifying portrayals of long lost sons in Dostoyevsky and Strindberg to some extent can be seen as expressing this shared philosophical stance.

REFERENCES

- Lisovskaia P. A. *Tema semeinykh otnoshenii v tvorchestve Avgusta Strindberga: Pozdnii period*. Dis. kand. filol. nauk [*The Theme of Family Relations in Strindberg's Later Oeuvre*. Thesis of PhD diss.]. St. Petersburg, 2002. 205 p. (In Russian)
- Heller O. The Eccentricity of August Strindberg. *Prophets of Dissent: Essays on Maeterlinck, Strindberg, Nietzsche and Tolstoy*. New York, Knopf, 1918, pp. 71–105.
- Jung C. G. The Special Phenomenology of the Child Archetype. *Psyche and Symbol: A Selection from the Writings of C. G. Jung*. Ed. by V. de Laszlo. New York, Garden City, 1958, pp. 132–147.
- Lloyd R. *The Land of Lost Content: Children and Childhood in Nineteenth-Century French Literature*. Oxford, Clarendon, 1992. 271 p.
- Olsson U. *Levande död: Studier i Strindbergs prosa*. Eslöv, B. Östlings bokförlag Symposion, 1996. 512 p.
- Robinson M. *Strindberg and Autobiography: Writing and Reading a Life*. Norwich, Norvik P, 1986. 192 p.
- Ruff F. *Suffering Angels: Images of Children in Nineteenth Century Drama*. Diss. City U of New York, 1991. 204 p.
- Stounbjerg P. Between realism and modernism. *The Cambridge Companion to August Strindberg*. Ed. by M. Robinson. New York, Cambridge UP, 2009, pp. 47–57.
- Strindberg A. *Black Banners: Genre Scenes from the Turn of the Century*. Trans. by Donald K. Weaver. New York, Oxford, Peter Lang, 2010. Studies on Themes and Motifs in Literature 101. 201 p.
- Strindberg A. *A Dream Play and Four Chamber Plays*. Trans. by W. Johnson. Seattle; London, U of Washington P, 1973. 278 p.
- Strindberg A. En blå bok I [A Blue Book I]. *August Strindbergs Samlade Verk 65. Nationalupplaga*. 668 p.
- Strindberg A. Götiska rummen [The Gothic Rooms]. *August Strindbergs Samlade Verk 53. Nationalupplaga*. Stockholm, Norstedts, 2001. 480 p.
- Strindberg A. *Inferno, Alone, and Other Writings*. Trans. by D. Colman and E. Sprinchorn. Ed. by E. Sprinchorn. Garden City, Anchor Books, 1968. 424 p.
- Szalczner E. *Writing Daughters: August Strindberg's Other Voices*. Norwich, Norvik P, 2008. 224 p.

Полина Александровна Лисовская

кандидат филологических наук,
доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии
филологического факультета СПбГУ.
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9
E-mail: p.lisovskaya@spbu.ru

Polina Lisovskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Scandinavian and Dutch Philology,
Faculty of Philology, St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg 199034, Russia
E-mail:p.lisovskaya@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 28.03.16, принята к публикации 30.05.16

УДК 821.113.4

Ева Степонавичюте

Вильнюсский университет

ПЛАВУЧИЙ СИМВОЛ: «БУРИ» КАРЕН БЛИКСЕН КАК МЕТАПРОЗА

В статье рассматривается взаимоотношение между произведением искусства (текстом) и его автором, с одной стороны, и текстом и его читателем — с другой, в контексте поступков и судеб главных персонажей в новелле Карен Бликсен «Бури» (дат. *Buri*, англ. *Tempests*), из сборника «Роковые анекдоты» (дат. *Skæbne-Anekdoter*, англ. *Anecdotes of Destiny*, 1958). Утверждается, что эта новелла, как и другие многочисленные тексты Карен Бликсен, такие как, например, «Сновидцы» (из сборника «Семь фантастических историй», 1934) или «Чистый лист» (из сборника «Последние истории», 1957), представляют собой нарративную параллель теориям рецептивной критики второй половины XX в. Данная интерпретация позволяет увидеть, что история «Бури» отстаивает право текста существовать независимо от намерений автора и утверждает его способность к изменениям при взаимодействии с конкретным читателем. Представленный в статье анализ обращает также внимание на обязанность читателя, которая, как представляется, реализуется на метапрозаическом уровне, а именно умение уважать открытость текста — его права не принимать окончательные трактовки.

Ключевые слова: датская литература, новелла, Карен Бликсен, «Бури», «Роковые анекдоты», метапроза, Шекспир.

Ieva Steponavičiūtė

Vilnius University

THE FLOATING SYMBOL: KAREN BLIXEN'S "TEMPESTS" AS METAFICTION

The article explores the relationships between the work of art (the text) and its author, on the one hand, and the text and its reader, on the other, as they appear to be implied by the main characters' actions and fates in Karen Blixen's story "Storme"/"Tempests" (*Skæbne-Anekdoter/Anecdotes of Destiny*, 1958). It is claimed that this story, just as numerous other texts by Karen Blixen, such as "The Dreamers" (*Seven Gothic Tales*, 1934) or "The Blank Page" (*Last Tales*, 1957), constitute an original narrative parallel to the reader-response theories of the second part of the 20th century. The story reveals itself as such, which promotes the ambition of the text to exist independently of the author's intentions and shows its ability to change when confronted with the individual reader. The analysis provided in the article also draws attention towards the reader's obligation, which appears to be implied on the metafictional level of "Tempests", that is to respect the openness of the text — its right to resist final interpretations.

Keywords: Danish Literature, narrative, Karen Blixen, “Tempests”, “Anecdotes of Destiny”, metafiction, Shakespeare.

«Настоящим протагонистом у Бликсен является история», — такое заключение делает Ш. Энгберг в анализе новеллы «Сновидцы», в котором она предлагает читать историю Пеллегрини как своеобразную параллель теории П. Брукса о смертельном исходе текста, подчиненного законам «нарративного желания» [Engberg, 1999, s. 48]. Ряд других литературных критиков интерпретировали историю датской писательницы Карен Бликсен¹ (1885–1962) в метакритическом ключе, находя в ее персонажах подразумеваемые представления о путях искусства².

В статье в этом ключе будет обсуждаться новелла «Бури», впервые опубликованная в сборнике «Роковые анекдоты» (1958). Основное действие в ней происходит в норвежском городке Христиансанде, который, однако, может пониматься как некое символическое пространство, где совершается эстетическое действие. Старый копенгагенский актер и режиссер господин Сёренсен видит Норвегию как идеальные кулисы для классических трагедий «Ярл Хакон» и «Макбет», а теперь и для «Бури» Шекспира, постановка которой должна стать венцом его артистической карьеры.

После долгих бессонных ночей господин Сёренсен для роли воздушного духа Ариэля выбирает актрису Малли, что само по себе уже является жестом карнавальным: роль получает девушка большая и сильная, к тому же не умеющая танцевать, но режиссер полагает, что в воздух она поднимется на крыльях поэзии Шекспира³.

Малли — дочь шотландского капитана, который женился на ее матери, когда его корабль потерпел крушение, а затем снова ис-

¹ Бликсен также писала на английском языке, и англоговорящему читателю она более известна как Исак Динесен.

² Например, интерпретации новеллы «Героиня» (сб. «Зимние сказки») в книге Сёренсена [Sørensen, 2002] или эссе «О современном браке» в книге автора статьи [Steponavičiute 2011, p. 73–82].

³ Т. Мой объясняет отношение Сёренсена к Шекспиру как «симпатическое», т. е. слишком преданное, однако вышеупомянутое обстоятельство говорит о том, что Сёренсен все-таки имеет свой, довольно нетрадиционный подход к искусству. Также позднее мы узнаем, что его не смущает, что Малли перескакивает по строкам великого классика и искажает его слова.

чез, и некоторые даже подозревают, что он был не кем иным, как «Летучим голландцем». Малли, похоже, состоит в дочерних отношениях и с другими персонажами — господином Хосенвинклем и самим господином Сёренсеном и, таким образом, может рассматриваться как продукт довольно неясного коллективного порождения. Она выучила язык своего отца и чувствует себя комфортно в мире Шекспира, и большая часть словесного обмена между директором и его протеже принимает форму цитат из великого мастера и их «творческих читок»⁴.

Происшествием, которое определяет развитие событий в рассказе, становится страшная буря, разразившаяся, когда труппа находилась на пути к Норвегии. Малли воспринимает ее как шторм шекспировской «Бури» и спасает корабль при содействии матроса Фердинанда. Малли с благодарностью принимается семьей владельца корабля Иоахима Хосенвинкля и вскоре обручается с его сыном, красавцем Арндтом. Однако истории Золушки не суждено сбыться. Впервые в жизни столкнувшись со смертью (умирает матрос Фердинанд) и прочитав зловещие слова из Библии: «Горе Ариилу, Ариилу <...> И будешь унижен, с земли будешь говорить, и глуха будет речь твоя из-под праха, и голос твой будет как голос чревоушателя, и из-под праха шептать будет речь твоя»⁵, Малли покидает дом Хосенвинклей. Она оставляет Арндту унаследованную от отца золотую монету и прощальное письмо, подписав его: «Твоя на земле отступница и отвергнутая, но в смерти, в воскресении, в вечности верная / Малли»⁶ (s. 145).

Часто утверждается, что основной конфликт в этой истории — невозможность для художника примирить земное, семейное счастье с художественной страстью и свободой⁷. Эллипсис в конце рассказа между тем приводит к разным, иногда противоположным

⁴ Перевод термина Х. Блума *creative misreading*, предложенный А. К. Жолковским [Жолковский, 1994, с. 70].

⁵ Цит. по: [Исаия 29: 1, 4]. У Бликсен: “Ve Ariel, Ariel. Du skal blive fornedret! Du skal tale af Jorden, og din Røst skal være ligesom en spådoms Ånd af Jorden, og din Tale skal kvindre af Støvet!” [Blixen, 1958, s. 142]. Все последующие датские цитаты новеллы относятся к этому изданию, номер страницы приводится в скобках.

⁶ Датск. ориг.: “Din paa Jorden utro og forkastede, men i Døden, i Opstandelsen, i Evigheden tro / Malli”. Эта и последующие цитаты из новеллы (за исключением библейских) даны в переводе автора статьи.

⁷ См., например: [Brantly, 2002; Moi, 1986].

выводам. Многие считают, что Малли покидает город с Сёренсеном и его труппой⁸. Т. Селбо, однако, утверждает, и очень убедительно, что Малли не следует за режиссером. В ее интерпретации Малли выбирает смерть [Selboe, 1996, s. 124–125].

Каким бы ни был вывод, история, как правило, воспринимается как грустная, если не трагическая. Все-таки новелла входит в сборник под названием «Роковые анекдоты» и местами имеет явно выраженный комический колорит⁹, что не позволяет читать ее исключительно в минорном ключе. В настоящем анализе предполагается, что счастливый конец истории возможен, если мы на время отвлечемся от прочтения персонажей как репрезентаций человеческих судеб и будем интерпретировать их как абстрактное выражение художественных категорий и идей¹⁰.

МАСТЕР И ЕГО СОЧИНЕНИЕ

«Буря» Шекспира, центральный интертекст новеллы Бликсен, уже обладает сильным мета-элементом. Просперо представляет собой не только свергнутого политика, но и автора, творящего на острове. По словам Н. Фрайя, главная тема пьесы — постановка пьесы [Frye, 1886, p. 172]. Роль Просперо, альтер эго Шекспира, в истории Бликсен играет сам господин Сёренсен, и его отношение к Малли напоминает отношение художника к своему творению, например в следующей цитате:

Он сиял, отражаясь в ореоле своей молодой ученицы и своею авторитетной и могучей позой подтверждал факт, что он создал ее и что она ему принадлежит (s. 98)¹¹.

⁸ См. обзор интерпретаций, представленный в работе Селбо [Selboe, 1996].

⁹ Нарратор новеллы явно забавляется, вплетая в свой рассказ как бы между прочим иронические замечания то о «высоких» нравах Королевского театра, то о поэтическом даре актеров. Особенно комичен персонаж господина Сёренсена, в ямбах восхваляющего люстры и обои в доме Хосенвинклей и потерявшего во время бури свой парик.

¹⁰ Настоящее толкование ни в коем случае не является первой метакритической интерпретацией новеллы. Ранее упомянутые анализы Селбо, Мой, а также Стиструп [Stistrup, 1994] служат для нее важной отправной точкой.

¹¹ Датск. ориг.: “[Han] strålede i Afglans af sin unge Discipels Glorie, og bekræftede i en myndig og mægtig Holdning den Kendsgerning at han havde skabt hende, og at hun var hans”.

Господина Сёренсена страшит мысль о расставании с Малли (s. 108), но все-таки он признает ее самостоятельную силу, допуская, что буря в Квасефьёрде случилась «по воле этого сильного, бесстрашного, страшного ребёнка»¹² (s. 109), которого он породил. После шторма он на какое-то время покидает «авансцену» новеллы и теряет голос (s. 107), тем самым напоминая художника, представившего свое сочинение на суд публики. Голос окончательно возвращается к нему только во время последнего диалога с Малли, когда он дарит ей свободу словами Просперо: «Возвратись к стихиям» (s. 139)¹³, — осознав, что художник не может полностью владеть своим творением.

Андрогинная и симулякрная фигура Малли также напоминает нам о том, что перед нами — мир фанкции, и то, что происходит с его обитателями, объясняет законы самого искусства, хотя в этом мире мы и узнаем выборы и проблемы, с которыми люди сталкиваются в реальной жизни. Фигура Малли соткана из аллюзий к другим художественным и мифологическим образам: не только к шекспировскому Ариэлю, но и к его Миранде и Джульетте, а также Золушке, героине шотландской песни, Иисусу Христу и даже упомянутой в начале этой статьи Пеллегрине Леони¹⁴. По словам Т. Селбо, Малли есть персонаж сугубо «неаутентичный», это кратковременная роль, которая все время меняется [Selboe, 1996, s. 121].

ВСТРЕЧА С ПУБЛИКОЙ

Описание прибытия Малли в Христиансанд, «великолепной счастливой драмы» (s. 98)¹⁵, напоминает реакцию публики на произведение искусства, включая типичные фазы герменевтического опыта: ожидание и затем разочарование, когда оно не подтверж-

¹² Датск. ориг.: “gennem dette stærke, frygtløse, frygtelige Barns Vilje”.

¹³ Датск. ориг.: “Vend da tilbage til Dit Element”. В английской версии, которая вышла позднее датской, цитата включает и следующую строку, еще сильнее подчеркивающую освободительный жест: “be free, and fare thou well!” (Blixen) — [«И ты свободен! Возвратись к стихиям / Прощай! Прощай!»] [Шекспир].

¹⁴ Ее типологическое родство с дивой Леони подтверждает то, что она называется «львенком» (*Løveunge*, s. 87), «героиней, девой с львиным сердцем» («en Heltinde, en løvehjertet Jomfru», s. 114), на ее «львиную» натуру указывает и этимология слова Ариэль / Ариил — «лев божий» [Jeffrey, 1992, p. 53].

¹⁵ Датск. ориг.: “det store lykkelige Drama”.

дается, новую попытку понять, узнавание себя в изображаемом и даже чувство общности с другими участниками эстетического действия:

Все глаза искали в лодке девушку, которая спасла «Софи Хосенвинкель», и воображали ее чем-то вроде ангела. Они не сразу ее заметили, потому что она сменила свою мокрую одежду на рыбацкую рубашку, брюки и морские сапоги, и в этом облачении, которое было слишком велико для нее, была похожа на юнгу. В несколько секунд через толпу прокатились разочарование и беспокойство. Но тут широкоплечий мужчина в лодке поднял девушку и крикнул в сторону берега: «Несу сокровище!» И в тот момент, когда ангел явился в образе молодого моряка, как будто одного из них, сто сердец сплавились в единое¹⁶ (s. 97).

Целый ряд других аспектов эстетической рецепции выявляются, когда ее круг сужается до стен дома Хосенвинклей. Каждый из его жителей по-своему реагирует на присутствие Малли: хозяин дома заново обретает умение мечтать, его жена относится к новой жиличке довольно сдержанно, стараясь объяснить себе мотивы ее поведения. Центральными все-таки являются отношения между Малли и Арндтом, и любая интерпретация, в том числе и метакритическая, не может обойти стороной вопрос, почему Малли его оставляет.

Арндт представляется окружающим воплощением совершенства: он красивый, умный, благородный, — но это еще не значит, что в тексте он играет роль идеального читателя. Ореол, которым рассказчица окружает его, добавляет к его портрету долю иронии, особенно когда читателю открывается тайна дома: в молодости из-за любви к нему покончила с собой девушка Гуру, хотя Арндт и не был виновником ее горя. Встретив Малли, Арндт видит в ней

¹⁶ Датск. ориг.: “Alle Øjne søgte indenbords den Jomfru, der havde reddet ‘Sofie Hosewinckel’, og som man forestillede sig omtrent som en Engel. De fandt hende ikke straks, thi hun havde ombyttet sit vaade Tøj med en Fiskers Trøje, Bukser og Søstøvler, og i disse Klæder, der var for store til hende, saa hun ud som en Skibsdreng. I nogle Sekunder løb Skuffelse og Ængstelse gennem Folkemængden. Men en bred Mand i Baaden løftede Pigen op og raabte ind mod Land: ‘Her bringer jeg en Klenodie!’ Og i samme Øjeblik, idet Englen aabenbarede sig i en ung Sømands Lignelse, som en af deres egne, smeltede hundrede Hjerter som eet eneste”.

возможность исцеления, которая выражается в категориях религиозных и одновременно эстетических. Он верит, что Малли превратит его «беспокойный, расколотый, пустой мир» в «космос» и выполнит «обещания прошлого, отвергнутые его разумом»¹⁷ (s. 114). Он принимает обещание Малли об искуплении, даруемом тому, кто в нее верит (s. 116), обещание, которое она, как потом сама понимает, не может выполнить (s. 142). Понимает это и читатель Бликсен, который по таким ее текстам, как рецензия на роман Х. К. Браннера «Всадник» (1958) или новелла «Пир Бабетты» (1950) знает, что литература не есть «Евангелие, которое должно спасти душу читателя» и что читатель не обязан в нее верить¹⁸ [Sørensen & Tøgeby, 2001, s. 32]. Тексты Бликсен также не дают обещания, что искусство приведет к реальным изменениям в реальной жизни, хотя оно, несомненно, может даровать человеку «час Тысячелетнего царства» [Бликсен, 2002] и на некоторое время возвысить его над будничностью жизни¹⁹. Малли получает этот урок с известием о смерти Фердинанда и ту же мысль передает в своем письме Арндту, в котором она цитирует пророка Исаию:

И как голодному снится, будто он ест, но пробуждается, и душа его тоща; и как жаждущему снится, будто он пьет, но пробуждается, и вот он томится, и душа его жаждет. <...> То же было бы и тебе, если ты меня удержал (s. 142; цит. по: [Исаия 29:8]).

В СМЕРТИ ПРЕДАННАЯ

В своем ожидании спасения, которое ему должна подарить Малли, Арндт действует согласно традиции своего дома, прямым образом связанной с чтением: члены семьи Хосенвинклей в роковые моменты обращаются к «тяжелой книге» — Библии, в которой они ищут готовые решения и которая, как они считают, никогда не лжет. По словам Т. Мой, такой подход требует от читателя

¹⁷ Датск. ориг.: “urolig, splittet, tom»; «ferne Tiders Forjættelser, som hans eget Sind havde forkastet”.

¹⁸ Датск. ориг.: “forfatterens tekst bliver selve det evangelium som læserne skal frelses af”; “Fortællingens personer er dem der fortælles om, ikke noget læserne skal tro på”.

¹⁹ То, что она спасает корабль, сама не осознавая реальности бури, все-таки полностью не исключает возможности воздействия искусства на реальный мир.

«понимания истинного духа текста и беспрекословного подчинения его интенции»²⁰, и Малли тоже следует этому примеру, ища в книге «символ высшей трансцендентной правды» [Moi, 1986, s. 155]. Такая практика чтения, однако, опровергается ею самой и всей новеллой, так как текст Библии апокрифичен и цитируется в отредактированной версии [Moi, 1986, s. 158]. Все-таки Малли воспринимает предупреждение («Горе тебе») всерьез и впоследствии удаляется из принявшего ее дома. Что конкретно становится причиной ее испуга, остается неясным, и вывод любой интерпретации — только одна из возможностей ее угадать. По мнению Мой, угроза воспринимается Малли как направленная в адрес Арндта и дает ей понять, что она не может осуществить его мечту, вследствие чего она выбирает путь романтической мученицы искусства, отрекающейся от любовного счастья [Moi, 1986, s. 156].

При понимании персонажа Малли более абстрагированно, как своего рода репрезентацию идеи текста в словах Пророка, можно увидеть не только предупреждение о том, что Малли не может выполнить ожидания своего поклонника, но и прямую угрозу для нее самой. Предсказание «Горе Ариилу» уже предвещает несчастье, но оно также имеет интересные смысловые последствия. Ариэль Шекспира и Ариил Пророка, два идентичных (и в английской, и датской версии — *Ariel*) и имеющих общее происхождение имени (см.: [Jeffrey, 1992, s. 53]), в этих текстах не только обозначают разные понятия, но и представляют разного рода художественные фигуры. Ариэль в пьесе Шекспира многозначен: он дух воздуха, но может приобретать формы всех других элементов (см.: [Marnieri, 2013, s. 40]). Это символ трансформации, свободолюбия, а также художественного вдохновения и, возможно, множества других смыслов. Ариил из пророчества Исаии, несмотря на проблематичную этимологию, есть знак семантически прозрачный: это аллегорическое название города Иерусалима [Jeffrey, 1992, s. 53]. До этого места Малли в тексте, как уже упоминалось, все время меняла свою роль и напрямую называлась символом, сначала даже по отношению к дому Хосенвинклей (s. 100, 111). Сопоставление двух значений одного и того же слова — символического и аллегорического — наводит на мысль, что для Малли остаться

²⁰ Ориг.: “leseren må opfatte tekstens sanne ånd og ydmykt underkaste seg dens intensjoner”.

в доме, в котором книги должны дать единственно правильный ответ, означало бы отказ от своей многозначности²¹. Быть преданной Арндту Малли может только «в смерти, в воскресении, в вечности». Или иными словами, требование воскрешать и не меняться, учить жизни и подчиниться одному прочтению для Малли как произведения искусства значит смерть. В «Бурях», таким образом, слышен отголосок «Сновидцев», в котором Пеллегрину убивает настойчивый вопрос ее поклонников «кто ты?», вынуждающий ее окончательно означить себя.

ЖИЗНЬ ИЛИ СМЕРТЬ

Затруднение с ответом на вопрос, будет ли Малли жить или умрет, похоже, закодировано в многозначной структуре персонажа, который содержит символическую диалектику двух противоположностей — дна и воздуха, легкости и тяжести. Ассоциация Малли с морем и особенно «очитка» ею цитаты из Шекспира (где спящий на дне морском отец заменяется на 1-е лицо²²) для Селбо становится поводом заключить, что Малли ждет смерть [Selboe, 1996, p. 124–125]. Смерть для Малли провозвещают и слова Исаии «с земли будешь говорить...», а также чувство родственности с мертвым телом Фердинанда (s.118). Это подтверждает испытываемое ею ощущение смерти, но все-таки не значит, что ей не удастся ее избежать. Образ моря, с которым так интенсивно связывается Малли, совмещает обе возможности: тот, кто находится в море, рискует пойти на дно, но может и удержаться на его поверхности — как корабль. В новелле есть немало деталей, говорящих о способности Малли воспротивиться силе тяжести — и роль воздушного духа, и аллюзия к песне на стихи Роберта Бернса о «во всем совершенной Малли» (s. 85), глаза которой «как две звезды, спасут корабль от крушения»²³ [Burns, 1844, p.68], что и случа-

²¹ Идея о том, что сила и живучесть текста — в его неожиданности и загадочности, особенно ярко проступает в новелле «Чистый лист» (сб. «Последние истории»), провозглашающей эстетику тишины, которая тоже актуализируется в финальном диалоге Малли и ее «автора», где слово «тишина» повторяется несколько раз.

²² Селбо здесь цитирует английскую версию: “Full fathom five *my* body lies” («Плоть моя — на дне морском»).

²³ Ориг.: “And her two eyes, like stars in skies, / Would keep a sinking ship frae wreck”.

ется во время бури. Малли и открыто в новелле сопоставляется с кораблем (s. 100), напоминая о своей аналогии с литературным текстом: тоpos корабля в двух других текстах писательницы — новелле «Юноша с гвоздикой» (сб. «Зимние сказки») и эссе «О современном браке» — тесно связан с идеей «плавучего», до конца неопределяемого, «чреватого возможностями» художественного произведения²⁴.

Топос погружения на дно (и через него — тоpos смерти), таким образом, используется Бликсен метафорически, как то, чему должно противиться художественное произведение, утверждающее свое право быть до конца неразгаданным. Малли свою смерть, как обсуждалось раньше, связывает с преданностью Арндту. Возможность смерти остается (Малли намекает на то, что Арндт и она могут встретиться опять, и тогда: «В последний момент, прежде чем пойти на дно, я во всей истине смогу быть твоей», s. 144), но в конце новеллы их пути расходятся, и Малли избегает трагического конца Пеллегрини. Освобожденная мастером и освободившаяся от смертоносной для себя преданности возлюбленному, она, возможно (но только так), находится по пути к новой встрече и, возможно, к новой смертельной опасности.

* * *

В своей любви к символическому Бликсен, кажется, близка романтикам. Несмотря на то что более поздние литературные мыслители, такие как Вальтер Беньямин или Поль де Манн, опровергли романтическую идею о превосходстве символа над аллегорией (см.: [McFarland, 2004, p. 223–235]), символ сохраняет ценимую романтиками ауру непереводаемости, тем самым провоцируя все новые и новые попытки объяснить его.

Бликсен в своей «теории» текста идет дальше романтиков. Решая своей героине отделиться от фигуры автора и противиться заключению в окончательном прочтении, она в оригинальной художественной форме воплощает идеи, которые разрабатывались теоретиками литературы второй половины XX в.: в рецептивной критике В. Изера и Р. Яусса, в семиологии Р. Барта и У. Эко.

²⁴ Датск. ориг.: “svangre med Muligheder” [Blixen, 1964, s. 35]. Более подробно это обсуждается в: [Steponavičiūtė, 2011, p. 80–82].

Новелла Бликсен, которая развивает идею релятивности смысла, а также сама не навязывает своему читателю окончательных выводов, отстаивает свое право остаться до конца не исследуемым, загадочным полем²⁵. Сведение текста Бликсен до схемы с тремя действующими лицами: автора (господина Сёренсена), произведения (Малли) и читателя (Арндта) — была бы не только непростительной редукцией, но и ироничной ошибкой: такое по своей сути аллегорическое чтение опровергло бы концепцию текста, которая выяснилась в его анализе. Данная интерпретация есть только одна из возможностей прочтения новеллы, направленная на раскрытие одной его семантической струи, и успешной она может считаться только в той степени, в которой ей удастся вступить в диалог с другими интерпретациями, которые этот открытый текст способен породить.

ЛИТЕРАТУРА

- Бликсен К. Пир Бабетты / пер. Ю. Я. Яхниной. М.: Независимая газета, 2002. Электронная библиотека Royallib.com. URL: http://royallib.com/book/bliksen_karen/pir_babetti.html (дата обращения: 15.04.2016).
- Жолковский А. К. Перечитывая избранные описки Гоголя // Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы. М.: Наука; Восточная литература, 1994. С. 70–86.
- Исаия. Глава 29 // Библия онлайн. URL: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/23/29> (дата обращения: 15.04.2016).
- Шекспир В. Буря / пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник // Шекспир В. Избранные произведения. М.; Л.: ГИХЛ, 1950. С. 595–623.
- Blixen K. Skæbne-Anekdoter. København: Gyldendal, 1958. 230 s.
- Blixen K. H. C. Branner. Rytteren // Bazar. 1958. April. S. 50–63; Maj. S. 71–94.
- Blixen K. Sidste Fortællinger / København: Gyldendal, 1957. 223 s.
- Blixen K. Vinter-Eventyr, København: Gyldendal, 1964 (1-е изд. — 1942). 346 s.
- Blixen K. Moderne Ægteskab og Andre Betragtninger // Blixeniana. København: Karen Blixen Selskabet, 1977. S. 7–72.
- Brantly S. Understanding Isak Dinesen. Columbia: University of South Carolina Press, 2002. 235 p.
- Burns R., Currie J. The Works of Robert Burns. Vol. 2. London: Blackie and Son, 1844. 575 p.
- Engberg C. Fortællingen til døden // Ny Poetik. 1999. No. 4. S. 40–49.
- Frye N. Northrop Frye on Shakespeare. New Haven: Yale University Press, 1986. 186 p.

²⁵ Бесконечности этого текста, закодированной в ее зеркальной структуре, посвящена вышеупомянутая статья М. Стиструп.

- Jeffrey D. L. Ariel // *A Dictionary of Biblical Tradition in English Literature*. Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing, 1992. P. 53.
- McFarland T. *Involute and Symbol in the Romantic Imagination // English Romantic Poetry* / ed. H. Bloom. New York: Chelsea House, 2004. P. 215–250.
- Marnieri M. T. Prospero's Magic and the Role of the Four Elements. A Reading of *The Tempest* // *Revista de Lenguas Modernas*. 2013. No. 18. P. 13–44.
- Moi T. Hele verden en scene // *Edda*. 1986. No. 2. S. 149–161.
- Selboe T. *Kunst og erfaring*. Odense: Odense Universitetsforlag, 1996. 181 s.
- Sørensen I. Ž., Togeby O. Omvejene til Pisa. En fortolkning af Karen Blixens "Vejene omkring Pisa". København: Gyldendal, 2001. 280 s.
- Sørensen I. Ž. "Gid De havde set mig dengang": Et essay om Blixens heltinder og Tizians gudinder. København: Gyldendal, 2002. 196 s.
- Steponavičiūtė I. *Texts at Play. The Ludic Aspect of Karen Blixen's Writings*. Vilnius: Vilnius University, 2011. 264 p.
- Stistrup M. Uendelighedens figurer. Om Karen Blixens "Storme" // *K&K. Kritik og Kultur-analyse*. 1994. No. 76. S. 99–110.

REFERENCES

- Bliksen K. *Pir Babetty [Babette's feast]*. Trans. by J. J. Jachnina. Moscow, *Nezavisimaia gazeta*, 2002. Elektronnaia biblioteka Royallib.com. Available at: http://royallib.com/book/bliksen_karen/pir_babetti.html (accessed: 15.04.2016). (In Russian)
- Zholkovskii A. K. Perechityvaia izbrannye opiski Gogolia [Rereading Gogol's selected miswritings]. *Bluzhdaiushchie sny i drugie raboty [Wandering dreams and other writings]*. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaia literatura. Publ., 1994, pp. 70–86. (In Russian)
- Isaiia. Glava 29 [Isaiah. Chapter 29]. *Bibliia onlain [Bible online]*. Available at: <https://www.bibleonline.ru/bible/rus/23/29> (accessed: 15.04.2016). (In Russian)
- Shkspir V. Buria [The Tempest]. *Izbrannye proizvedeniia [Selected writings]*. Transl. by T. L. Schepkina-Kupernik. Moscow, Leningrad, GIKhL Publ., 1950, pp. 595–623. (In Russian)
- Blixen K. *Skæbne-Anekdoter [Anecdotes of destiny]*. København, Gyldendal, 1958. 230 p.
- Blixen K. H. C. Branner. Rytteren [The riding master]. *Bazar*, 1958.
- Blixen K. *Sidste Fortællinger [Last tales]*. København, Gyldendal, 1957.
- Blixen K. *Vinter-Eventyr [Winter tales]*. København, Gyldendal, 1964, pp. 24–55 (First ed. 1942).
- Blixen K. *Moderne Ægteskab og Andre Betragtninger [On modern marriage and other observations]*. *Blixeniana*. København, Karen Blixen Selskabet, 1977, p. 7–72.
- Brantly S. *Understanding Isak Dinesen*. Columbia, University of South Carolina Press, 2002. 235 p.

- Burns R., Currie J. *The Works of Robert Burns*, vol. 2, London, Blackie and Son, 1844. 575 p.
- Engberg C. Fortællingen til døden [The story unto death]. *Ny Poetik*, no. 4, 1999, pp. 40–49.
- Frye N. *Northrop Frye on Shakespeare*. New Haven, Yale University Press, 1986. 186 p.
- Jeffrey D.L. Ariel. *A Dictionary of Biblical Tradition in English Literature*, Michigan, Wm. B. Eerdmans Publishing, 1992, p. 53.
- McFarland T. Involute and Symbol in the Romantic Imagination. *English Romantic Poetry*. Ed. by Harold Bloom. New York, Chelsea House, 2004, pp. 215–250.
- Marnieri M. T. Prospero's Magic and the Role of the Four Elements. A Reading of *The Tempest*. *Revista de Lenguas Modernas*, 2013, no. 18, pp. 13–44.
- Moi T. Hele verden en scene [All the world's a stage]. *Edda*, 1986, no. 2, pp. 149–161.
- Selboe T. *Kunst og erfaring* [Art and experience]. Odense, Odense Universitetsforlag, 1996. 181 p.
- Sørensen I. Ž., Tøgeby O. *Omvejene til Pisa. En fortolkning af Karen Blixens "Vejene omkring Pisa"* [Side roads to Pisa: An interpretation of Karen Blixens "The roads round Pisa"]. København, Gyldendal, 2001. 280 p.
- Sørensen, I. Ž. 'Gid De havde set mig dengang': Et essay om Blixens heltinder og Tizians gudinder [How I wish that you had seen me then. An Essay on Blixens heroines and Titian's goddesses]. København, Gyldendal, 2002. 196 p.
- Steponavičiūtė I. *Texts at Play. The Ludic Aspect of Karen Blixens' Writings*. Vilnius, Vilnius University, 2011. 264 p.
- Stistrup M. Uendelighedens figurer. Om Karen Blixens 'Storme' [Figures of infinity. On 'Tempests' by Karen Blixen]. *K&K. Kritik og Kultur-analyse*, 1994, no. 76, pp. 99–110.

Ева Степонавичюте

кандидат филологических наук,
доцент Центра скандинавистики,
филологический факультет,
Вильнюсский университет.
Литва, Вильнюс, Universiteto g. 5, LT-01122
E-mail: ieva.steponaviciute@flf.vu.lt

Ieva Steponavičiūtė

PhD in Philology, Associate Professor,
Centre of Scandinavian Studies,
Faculty of Philology, Vilnius University.
Universiteto g. 5, LT-01122, Vilnius, Lithuania
E-mail: ieva.steponaviciute@flf.vu.lt

Статья поступила в редакцию 15.04.16, принята к публикации 30.05.16

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

УДК 82-34+398.4

Б. С. Жаров

Санкт-Петербургский государственный университет

ИСЛАНДСКИЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ТРОЛЛИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА

Статья посвящена истории появления и развития в исландском фольклоре образа рождественских троллей, которые приносят детям подарки накануне Рождества. Таких троллей тринадцать, они появляются каждый вечер начиная с 12 декабря в строго определенной последовательности. После передачи детям подарков они еще две недели обитают поблизости от дома и незаметно для хозяев похищают еду или облизывают тарелки и горшки. У каждого из них свои имя, характер и предпочтения. Трансформация образов происходила в произведениях исландской литературы постепенно. Естественно было бы предположить, что эти персонажи существовали со времен заселения Исландии, но в древнескандинавской мифологии они совсем не встречаются. Первое упоминание о рождественских троллях зафиксировано в стихотворении Стефана Оулафссона в XVII в. Но их облик совсем не тот, что сейчас, они больше напоминают троллей — тех огромных страшных существ, которые, по исландским поверьям, живут в горах. Новые детали в облике рождественских троллей появляются в стихах XVIII в. Тролли постепенно становятся все менее страшными. Их количество все еще очень неустойчиво и меняется на протяжении веков. Следующее изменение произошло в XIX в., когда собиратель народных сказок Йоун Ауднасон в изданном им сборнике опубликовал сказку, где говорится о тринадцати рождественских троллях. Это количество было затем признано официально. И только в XX в. произошла канонизация образов. Исландский поэт, писатель и музыкант Йоуханнес Бьярни Йоунассон, писавший стихи под именем Йоуханнес из Котлара, собрал в 1932 г. все варианты повествований о рождественских троллях и создал собственный вариант, который в Исландии считается каноническим.

Ключевые слова: Скандинавская мифология, исландский фольклор, рождественские традиции, рождественские тролли.

Boris Zharov

St. Petersburg State University

ICELANDIC YUL LADS: THE TRANSFORMATION OF THE FOLKLORE CHARACTERS

The article deals with the history of appearance and transformation of folklore characters of Icelandic Yul lads, who bring gifts to children on Christmas Eve. The

thirteen Yul lads appear every night beginning from December the 12th in strict order. After presenting gifts to children they wander around the house for two weeks and steal food or lick plates and pots in secret. Each of them has got its name, character and preferences. Transformation of these creatures was happening gradually in Icelandic literature. It would be natural to suppose that these characters have been existing since Iceland settlement, but ancient Nordic Mythology has not got them at all. Yul lads were first mentioned in the poem by Stefán Ólafsson in the 17th century. Their appearance differs from the present one and resembles those trolls living in mountains who are huge and scary. New details in their appearance were born in the poems in the 18th century. They are becoming less frightening. Their number is unstable and is changing in the course of time. The next changing happened in the 19th century. The fairy tales collector Jón Árnason published a fairy tale in his collection where 13 Yul lads were described. This number has become officially recognised. These characters were canonized only in the 20th century. The Icelandic poet, writer and musician Jóhannes Bjarni Jónasson writing poems under the name of Jóhannes úr Kötlum (Jóhannes from Kötlum) in 1932 collected all the versions of fairy tales with Yul lads and created his own image of them which is considered to be canonized in present Iceland.

Keywords: Nordic Mythology, Icelandic folklore, Christmas traditions, trolls, Icelandic Yul lads.

В Исландии все дети прекрасно знают, кто им принесет подарки на Рождество. Не один Санта Клаус, не двое — Дед Мороз и Снегурочка, не много безымянных гномов, как в некоторых других странах, им приносить подарки будут ровно тринадцать рождественских троллей, у каждого из которых свое особое имя. Начиная с ночи на 12 декабря они каждый год в строгой очередности прилетают по воздуху, волшебным образом проникают в дома через двери и стены и оставляют подарки в башмачках, лежащих на подоконнике, если, конечно, ребенок заслужил это своим примерным поведением. Если же ребенок не очень хорошо ведет себя, то в башмачке оказывается картофелина или камень.

Передачей подарков дело не кончается. Каждый из троллей еще две недели обретаётся где-то поблизости и периодически незаметно заходит в дом или в подсобные помещения и в зависимости от своих пристрастий лакомится кушаньями хозяев или мешает им спокойно жить. Ровно через две недели каждый в той самой же очередности улетает.

В серии прелестных детских книжек исландской писательницы Кристин Хельги Гуннарсдоухтир про маленькую девочку Софию, которую все называют Фиасоуль (София-Солнышко) есть эпизоды ожидания прилета¹.

¹ Переводы фрагментов текста и имен троллей выполнены автором.

«Когда тролли приступают к своей деятельности, Фиасоуль больше не может спать в своей комнате. Она умоляет сестру Пиппу пустить ее к себе ночевать с первого дня, когда рождественские тролли начинают приносить подарки, и до последнего. Фиасоуль пугает сама мысль, что эти старички крадутся мимо кровати, когда она спит. В декабре она выставляет башмачок на подоконник в своей комнате, но сама спит при этом в комнате Пиппы <...>

— Я его видела, — закричала сестра Бидда на весь дом. — Я видела, как он крутился над крышей домов наших соседей Эстер и Эльмара! На нем полосатая шапка.

— Переоденься, сходи в туалет, почисти зубы, — напомнила мама.

Фиасоуль быстро надела пижаму.

— Что-то очень уж рано он пустился в путь! — крикнула Фиасоуль. — Ведь сейчас только восемь часов.

Она спешно почистила зубы и улеглась на кровать Пиппы.

— Ой, нет, я забыла! Башмачок должен стоять на подоконнике!

Фиасоуль вбежала в свою комнату, схватила башмачок и поставила на подоконник.

— Вижу! Я его вижу! — закричала Бидда, и мама посмотрела в окно гостиной.

— Ну да, вот же он, — сказала мама и показала куда-то в темноту. — Какой он маленький! Это наш тролль. Он очень умный. Я никогда раньше не видела так близко рождественского тролля.

— А мне можно посмотреть? Можно? — закричала Фиасоуль и побежала в гостиную.

— Да ты что, дурочка, — сказала Бидда. — Немедленно ложись спать. Он ничего не положит в твой башмачок, если увидит, что ты не спишь.

Фиасоуль вбежала в комнату Пиппы, выключила свет, положила голову на подушку и сразу заснула» [Gunnarsdóttir, 2005, bls. 47–48, 51–53].

Семилетняя Фиасоуль — девочка очень решительная. Получив неожиданно для себя в первую ночь картофелину (как наказание за плохое поведение), она стала писать троллям письма и, как ни удивительно, получать ответы.

По-исландски рождественские тролли называются *jólasveinar*, с определенным артиклем *jólasveinarnir*. Использование в качестве русского названия «йоласвейнары» [Йоласвейнары] некорректно, так как «свейнар» — форма множественного числа слова, единственное число которого «свейнн» (*sveinn*), что значит «парень, мужик». Кстати говоря, первая часть произносится также не «йола», а «йоула» (рождественский).

Все они — родные братья, дети троллихи Грилы (*Grýla*) и тролля, большого лентяя Леппалуду (*Leppalúðu*), поэтому называть их по-русски логичнее всего троллями. Тролли, как известно, персонажи древнескандинавской мифологии, естественно, языческой, но это нисколько не помешало им в наши дни легко вписаться в рамки христианского праздника.

Тролли наших дней появляются в облике бородачей ростом с невысокого человека. Одеты могут быть по-разному, но в основном носят исландские/норвежские средневековые костюмы. Каждый имеет свое имя, характер и привычки.

Вот их общепринятый список [*islensku_ jólasveinarnir*]:

1. *Stekkjastaur* — Стекьястейр (букв. «жердь из овчарни») — «Дубина». Появляется 12 декабря и после вручения всех подарков прячется среди овец, отчего иногда кто-то из них погибает.

2. *Giljagaur* — Гильягейр (букв. «дылда из канавы») — «Верзила». Появляется 13 декабря и после вручения прячется в какой-нибудь канаве, ожидая возможности где-нибудь полизать сливки.

3. *Stúfur* — Стувюр (букв. «обрубок») — «Коротышка». Появляется 14 декабря, потом всячески старается у кого-нибудь похитить тарелки с хлебом или слизать остатки со сковородок.

4. *Fvörusleikir* — Тверуслейкир (букв. «ложколиз») — «Сластена». Появляется 15 декабря, потом любит воровать ложки или палки, которыми хозяйки помешивают пищу в котле. Признается большинством исландцев самым несимпатичным из всех рождественских троллей.

5. *Pottasleikir* — Поттаслейкир (букв. «горшколиз») — «Подлиза». Появляется 16 декабря, потом вылизывает котлы и кастрюли.

6. *Askasleikir* — Аскаслейкир (букв. «мисколиз») — «Лизун». Появляется 17 декабря, затем прячется под кроватью и лижет деревянные миски с крышками, которые хозяйки обычно ставят на пол.

7. Hurðaskellir — Хюрдаскетлир (букв. «хлопающий дверью») — «Хлопальщик». Появляется 18 декабря, потом всячески мешает людям спать, то и дело хлопая дверью по ночам.

8. Skýrgámur — Скиргаумюр (букв. «пожиратель скира») — «Обжора». Появляется 19 декабря, потом ищет любую возможность съесть побольше скира. Скир — исландский кисломолочный продукт.

9. Bjúgnakrækir — Бьюгнакрайкир (букв. «колбасохват») — «Колбасник». Появляется 20 декабря, потом прячется в коптильнях и ворует колбасы.

10. Gluggagægir — Глюггагайр (букв. «подглядывающий в окна») — «Глядельщик». Появляется 21 декабря, потом бродит по ночам среди домов и смотрит в окна, чтобы что-нибудь украсть.

11. Gáttaþefur — Гауттатевюр (букв. «обнюхивающий двери») — «Нюхальщик». Появляется 22 декабря, а затем гуляет повсюду и вынюхивает, за какой дверью пекут самый вкусный рождественский хлеб, чтобы украсть его.

12. Ketkrókur — Кеткроукюр (букв. «мясной крючок») — «Мясник». Появляется 23 декабря, потом ходит среди домов с крючком и ворует мясо из кладовых.

13. Kertasníkir — Кертасникир (букв. «свечной попрошайка») — «Любитель свеч». Приносит 24 декабря, т. е. в Рождественский сочельник, самые ценные подарки, потом следует всюду за детьми, чтобы выпросить у них или похитить рождественские свечи и съесть, поскольку когда-то все свечи были сальными и, значит, съедобными. «Любитель свеч» — общепризнанный всеобщий любимец исландцев.

Стороннему наблюдателю может показаться, что эти персонажи в таком виде существуют сотни лет со времен заселения Исландии. Но это не соответствует действительности. В древнескандинавской мифологии они даже не упоминаются. Встречаются только тролли, и среди них злобная троллиха Грила, которая впоследствии стала считаться матерью рождественских троллей.

Первое упоминание о рождественских троллях (jólasveinar) зафиксировано в «Старой туле о детях Грилы» (*Gömul þula um Grýlbörn*) поэта и священника Стефана Оулафссона (Stefán Ólafsson, 1619–1688) из Вагланеса, написанной в XVII в. Их облик совсем другой, чем у нынешних, он больше напоминает древне-

скандинавских троллей — страшных существ, живших в горах. Их главное назначение, по-видимому, состояло в том, чтобы пугать детей, которые не слушаются родителей. Их мать Грила была известна тем, что похищала непослушных детей, да и отец Леппалуди был ничем не лучше. Вместе с детьми они жили в пещере.

Новые детали в облике и поведении рождественских троллей появляются в стихах XVIII в. Тролли как персонажи со временем становятся менее страшными. При этом их количество очень неустойчиво и меняется на протяжении веков. Всего в сказаниях в разных местностях Исландии зафиксировано около 80 имен, есть несколько женских, так что у братьев были совсем неочаровательные сестры. Впрочем, эти персонажи не всегда были связаны с Рождеством.

Следующее изменение появилось в XIX в. Известный собиратель исландских народных сказок Йоун Ауднасон (Jón Árnason, 1819–1888) в изданном им сборнике народных сказаний и сказок (*Íslenskar þjóðsögur og æventýri*, 1862–1864) опубликовал сказку, где говорится о тринадцати рождественских троллях. Именно это количество не сразу, но через сравнительно короткое время стало официально признанным.

В сказке приводился список имен троллей, который, по словам автора, был прислан ему преподобным Паутлем Йоунссоном (Páll Jónsson), священником, служившим в разных приходах Исландии и хорошо знавшим местный фольклор. Список совпадает с приведенным выше за одним исключением. Седьмым в его списке был *Faldafeykir* — «Сдувающий пену», другими словами, еще один любитель полакомиться каким-то блюдом с кухни хозяев.

Только в XX в. произошла канонизация образов. Талантливый и очень плодовитый исландский поэт, писатель, музыкант, а также политический деятель Йоуханнес Бьярни Йоунассон (Jóhannes Bjarni Jónasson, 1899–1972), писавший стихи под именем Йоуханнес из Котлара (Jóhannes úr Kötlum), собрал все варианты повествований о рождественских троллях и создал собственный, который с тех пор считается основным [Jóhannes úr Kötlum]. В 1932 г. он опубликовал стихотворение «Рождественские тролли» (*Jólasveinarnir*) с именем и характеристикой каждого из тринадцати в сборнике «Рождество наступает» (*Jólin koma*). Теперь это были не столько пугающие,

сколько трогательные забавные персонажи, готовящие детей к волшебству рождественского праздника.

Наступает момент в детстве, когда ребенок прозревает и перестает верить в их реальность. Но мир сказки остается со взрослыми на всю жизнь. В Исландии в этот мир входят тринадцать рождественских троллей.

ЛИТЕРАТУРА

Йоласвейнары. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Йоласвейнары> (дата обращения: 15.12.2015).

Íslensku_jólasveinarnir. URL: https://is.wikipedia.org/wiki/Íslensku_jólasveinarnir (дата обращения: 15.12.2015).

Jóhannes úr Kötlum. URL: https://is.wikipedia.org/wiki/Jóhannes_úr_Kötlum (дата обращения: 15.12.2015).

Kristín Helga Gunnarsdóttir. *Fíasól í hosiló*. Reykjavík: Mál og menning, 2005. S. 47–48, 51–53.

REFERENCES

Iolasveinary [*Yul lads*]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Йоласвейнары> (accessed: 15.12.2015).

Íslensku_jólasveinarnir [*Icelandic Yul lads*]. URL: https://is.wikipedia.org/wiki/Íslensku_jólasveinarnir (accessed: 15.12.2015).

Jóhannes úr Kötlum [*Jóhannes from Katlar*]. URL: https://is.wikipedia.org/wiki/Jóhannes_úr_Kötlum (accessed: 15.12.2015).

Kristín Helga Gunnarsdóttir. *Fíasól í hosiló* [*Fíasól at her home*]. Reykjavík, Mál og menning, 2005, pp. 47–48, 51–53.

Жаров Борис Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры скандинавской и нидерландской филологии, филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет.

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург,

Университетская наб., д. 7–9

E-mail: b.zharov@spbu.ru

Boris Zharov

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Scandinavian and Dutch Philology,

Faculty of Philology, St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: b.zharov@spbu.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.16, принята к публикации 19.05.16

УДК 008+929.7

Stefan Kiedroń

Uniwersytet Wrocławski

**RUSSISCHE STUDENTEN AAN NEDERLANDSE UNIVERSITEITEN
IN DE VROEGMODERNE TIJD — EEN VERKENNING**

The universities in the Northern Netherlands, to start with the first Calvinist academy of Leiden in Holland (established 1575), earned in a relative short time great fame all over Europe. They gathered within few decades very many students from many European countries: from Sweden over German lands till France — and from Scotland till Russia. The students who by the enrolment gave their nationality as ‘Russus’, were of course not that many as students from other European countries — still, it is interesting to observe their presence in Holland or Friesland in the early modern times. This article is an attempt to sketch the presence of Russian students in this period. Among more than hundred names of students from Russia (mostly from Moscow and St. Petersburg, but also from Vyatka — today’s Kirov, or from Astrakhan) who in the 17th and, much more intensive, in the 18th centuries came to study in the Northern Netherlands, one can find as important figures as Alexander Kurakin, Boris Golitsyn or Vassily Kolokolnikov.

Keywords: Russian students, Universities of Northern Netherlands, University of Leiden, Peter the Great, Alexander Kurakin, Laurentius Blumentrost.

Стефан Кедрон

Вроцлавский университет

**РУССКИЕ СТУДЕНТЫ В НИДЕРЛАНДСКИХ УНИВЕРСИТЕТАХ
В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ — ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ**

Университеты в Северных Нидерландах, в первую очередь кальвинистский Лейденский университет Голландии (создан в 1575 г.), за сравнительно короткое время добились большой известности в Европе. За несколько десятилетий в них успело поучиться множество студентов из других европейских стран: от Швеции и Германских земель до Франции и от Шотландии до России. Студентов, которые при записи в университет указывали свою национальность как ‘Russus’, было, разумеется, не так много, как студентов из других европейских стран, — тем не менее их присутствие в Голландии и во Фрисландии в раннее Новое время является интересным предметом для изучения. Данная статья представляет собой попытку собрать информацию об этих студентах. Среди более чем сотни имен студентов из России (в основном из Москвы и Петербурга, но также из Вятки и Астрахани), учившихся в XVII–XVIII веках в Северных Нидерландах, можно обнаружить такие важные имена как Александр Куракин, Борис Голицын и Василий Колокольников.

Ключевые слова: русские студенты, университеты на севере Нидерландов, Лейденский университет, Петр Первый, Александр Куракин, Лаврентий Блюментрост.

1. INLEIDING

De universiteiten in de Noordelijke Nederlanden verwierven in de 17de en 18de eeuw Europese faam. Toen de eerste van hen, de universiteit van Leiden, in 1575 werd gesticht, kon dat nog niemand vermoeden. En toch: enkele decennia later werd deze universiteit in heel Europa beroemd en er kwamen duizenden buitenlanders om hier te studeren [zie o. a. Otterspeer, 2000]. En aan het einde van de 17de eeuw, in de jaren 1697–98, kwam naar Holland “de Grote Ambassade” (Великое посольство; *Velikoje posolstvo*) van de Russische tsaar Peter de Grote [zie daarover o. a. Karpov, 1997]. Een van de resultaten ervan waren grotere aantalen van studenten uit Rusland die vanaf het begin van de 18de en vooral in de tweede helft van deze eeuw aan Noord-Nederlandse universiteiten kwamen studeren.

In 1425 kregen de Lage Landen, met toestemming van de paus, de eerste universiteit in het Brabantse Leuven. In 1559 ontstond in de Franstalige Vlaamse stad Dowaaï een tweede hogeschool: de *Université de Douai* — uitgesproken contrareformatorisch van aard. Koning Filips II wilde de vooral in Vlaanderen en Brabant groeiende protestantse ‘rebellie’ liquideren — wat hem, zoals bekend, niet lukte. De calvinisten, aangevoerd door Willem van Oranje, werden heer in Holland, Friesland en Zeeland. Zij vormden later (samen met Utrecht, Groningen, Overijssel, Gelderland en Drenthe) de Republiek der Verenigde Nederlanden. Om deze nieuwe staat te consolideren, besloot Willem, zijn eigen ‘kaders’ te vormen. Dat kon — via een eigen universitaire opleiding, uiteraard *zonder* de pauselijke toestemming.

De eerste calvinistische universiteit in de Noordelijke Nederlanden werd door Willem van Oranje in 1575 in het Hollandse Leiden gesticht. Een jaar na zijn dood, in 1585, kreeg Friesland de academie in Franeker. De derde universiteit was die van Groningen in 1614, en de vierde die van Utrecht, gesticht in 1636. Ondertussen, in 1632, ontstond ook (als concurrent in Holland tegen de Leidse universiteit; daarbij: elke provincie mocht slechts één universiteit bezitten) — het *Athenaeum Illustre* in Amsterdam dat als hogeschool fungeerde. En in 1648 werd de universiteit in het Gelderse Harderwijk gesticht. Binnen een betrekkelijk korte

tijd beschikten dus de Noordelijke Nederlanden meteen over zes hogescholen — op een zeer klein gebied. Een *unicum* in Europa...

2. FACULTEITEN EN NATIONALITEITEN

Alle deze universiteiten waren uiteraard religieus (of: ideologisch) tegen de Rooms-Katholieke Kerk gericht. Maar ze hadden *wel* de vroegere, Middeleeuwse, universitaire structuur aangenomen — met vier faculteiten. De belangrijkste ervan was die van de *Sacro-Sancta Theologia*, op de tweede plaats kwam de *Facultas Utriusque Juris*: de faculteit voor kerkelijk en civiel recht. Deze twee faculteiten zouden het ruggegraat van de nieuwe Noord-Nederlandse staat vormen. Uiteraard was de hier gedoeerde theologie die van de calvinisten; en het hier gedoeerde recht dat van de ambtenaren van de calvinistische staat. De derde faculteit in de traditionele hiërarchie was die van medicijnen. De vierde, laagste, was die van de vrije kunsten, de *Artes Liberales* (ook filosofische faculteit genaamd).

De belangrijkste en meest bekende — in heel Europa — was de Universiteit van Leiden. Er waren hier in bepaalde periodes van de 17de eeuw zelfs meer buitenlanders dan Nederlanders. Van de ca. 25.000 studenten in de eerste 100 jaar van het bestaan kwamen ca. 57 % studenten uit het buitenland [Otterspeer, 2000, p. 267]. De bloeiperiode vormden de jaren 1625–1650; Holland leek toen een paradijs temidden van zo veel oorlogen in Europa. De aantallen van de buitenlandse studenten variëren van ca. 5700 [Colenbrander, 1925, p. 278] tot ca. 7000. Ca. de helft daarvan waren Duitsers, daarna de Engelsen en dan de Fransen. Er waren ook betrekkelijk veel Denen, Zweden, Hongaren en Polen [Otterspeer, 2000, p. 267].

Ook aan de andere Noord-Nederlandse universiteiten waren er veel buitenlandse studenten, zij het in veel mindere aantallen — ook omdat daar over het algemeen minder studenten ingeschreven waren. Daarbij waren er, wat bij de toenmalige Noordnederlandse wereldexpansie niet verwondert, studenten uit verre, exotische landen, bijv. in Utrecht een “Indo-Batavus” (dus iemand uit Oost-Indië) of een “Japona-Indus” (dus iemand uit Japan) of een student “in insula Curacao natus”.

Zoals gezegd: Leiden gaf de voorrang — de andere universiteiten volgden. De namen van de studenten kan men in de *Alba Studiosorum* van de afzonderlijke universiteiten vinden [*Album Studiosorum Academiae Lugduno-Batavae*, 1875; *Album Studiosorum Academiae Franeke-*

rensis, 1968; *Album Studiosorum Academiae Groninganae*, 1915; *Album Studiosorum Academiae Rheno-Traiectinae*, 1876; *Album Studiosorum Academiae Gelro-Zutphanicae*, 1906] maar deze bronnen moeten zeker met de nodige voorzichtigheid worden benaderd. De inschrijving aan een universiteit was verbonden met talrijke privileges — zowel financieel als ook sociaal, dus veel mensen wilden in de universiteitsregisters komen. Aan de andere kant waren de gegevens van de studenten (of ze nu inderdaad studeerden of alleen ‘figureerden’) door de *Rector Magnificus* nie altijd precies opgeschreven. Hij had de naam en de herkomst van elke student zo opgeschreven zoals hij dat hoorde. Bij de vaststelling van de nationaliteit — zoals die in de vroegmoderne tijd werd gevoeld — was hij eveneens uitgegaan van de informatie van de vers aangekomen gasten.

Wij vinden dus bijv. in het Leidse *Album Studiosorum...* namen van “Afanaci Russus” ipv. Athanasius of van “Michael de Narrihkin” ipv. “Naryshkin” — de eerste was een alleen met zijn voornaam — Афанасий — genoemde *famulus* (dienaar) van de Russische aristocraat “Nicolas de Borissof”, de andere was een vertegenwoordiger van het machtige geslacht Narisjkin. De aangegeven nationaliteit was ook niet altijd duidelijk. De ene student noemde zich “natione Bohemus, educatione Polonus”, een andere wilde ingeschreven staan als “Polonus Neophyta” (dus: een Poolse Jood). Er was ook nog een “Ruthenus”; hij kwam uit het Pruisische Koningsbergen, het huidige Kaliningrad . Een andere student uit deze regio noemde zich “Tilsa-Prussus”, hij kwam dus uit de stad Tilsit, vandaag Sovjetsk. Nog iemand anders was “Anglo-Belga” — en weer een andere noemde zich “Batavus educatione, Moscovita natione”.

3. RUSSISCHE STUDENTEN

Zo komen wij nu totbij Russische studenten. De allereerste student die men een ‘Russus’ kan noemen, kwam naar de Leidse universiteit begin mei 1605. Hij noemde zich “Joannes Hueperus Moscovita ex urbe Moscou”, was 18 jaar oud en studeerde medicijnen [*Album Studiosorum Academiae Lugduno-Batavae* 1875, p. 78]. Op een volgende student uit deze contreien moest Leiden bijna 20 jaar wachten: op 16 januari 1624 schreef zich in het Leides.

Album Studiosorum... een Jacobus Stellingwerf. Hij noemde zich “Moscovita”, was 20 jaar oud en studeerde aan de laagste faculteit: Phi-

losophia. Meer dan 12 jaar later, op 29 september 1636, werden twee 20-jarige Moscovieten voor medische studies ingeschreven: Valentinus Bilius en Hans Westhoff. Weer vijf jaar later, op 4 augustus 1641, werd Hermannus a Stellingwerf Moscovita, 17 jaar oud, als student van *Letteren* en *Mathematices* ingeschreven (een zoon van Jacobus?). In 1675 kwam de al eerder genoemde “Batavus educatione, Moscovita natione” naar het Friese Franeker — het was Arnoldus ab Hulst die een jaar later zich ook in het Gelderse Harderwijk liet inschrijven; een ‘Peregrinatio academica’ langs meerdere universiteiten was in die tijd niet uniek [zie o. a. Kiedron, 1994]. Op 7 november 1686 werd in Leiden Andreas Albanus Moscoviensis, 28 [jaar oud], Mat[hematices studiosus] ingeschreven en op 27 februari 1688 Fridericus Ernestus Koenigch Russus. 20, P[hilosophiae studiosus] — de eerste student die zich ‘Rus’ noemde [*Album Studiosorum Academiae Lugduno-Batavae* 1875, p. 695].

Vóór de “Grote Ambassade” van Peter de Grote studeerden dus in de Noordelijke Nederlanden 9 studenten, allemaal uit één stad: Moskou. Veel is dat niet, vergeleken met de duizenden buitenlanders uit andere landen die vooral naar Leiden kwamen. Dat zou met de komst in augustus 1697 van tsaar Peter naar Holland veranderen. Reeds in 1698 verscheen in Franeker Jacobus Ewouts de Jongh die zich Wologda-Russus noemde — hij kwam dus niet uit Moskou. In 1699 had zich aan de universiteit Groningen wél iemand uit Moskou ingeschreven: Carolus Jacobus Eisenberg. Hij studeerde — absoluut uniek voor een Rus in de Noordelijke Nederlanden — theologie. Een calvinistische theologie, wel te verstaan. Een jaar later had hij zich voor dezelfde studierichting ook aan de universiteit Franeker ingeschreven (*Album Studiosorum Academiae Franekerensis*; *Album Studiosorum Academiae Groninganae*).

Veel meer Russen kwamen naar de Nederlandse universiteiten na het tweede gezantschap van Peter de Grote in de jaren 1716–1717. De tsaar had nu een netwerk van contacten in Nederland opgebouwd — dankzij prins Boris Koerakin (1676–1727), zijn officiële vertegenwoordiger [Wagemans, 2013, p. 23; Pikuza, 2016, p. 11]. De familie Koerakin was in het toenmalige Rusland toonaangevend — naast de familie Narisjkina; Natalja Kirillovna Narisjkina (1651–1694) was moeder van tsaar Peter de Grote. Leden van deze families zullen wij als studenten in Leiden nog zien. Naast Prins Koerakin was er nog een tweede belangrijke persoon: de Nederlander Johannes van den Burg (1633–1731), zijn rechterhand. Hij was reeds vanaf 1707 in dienst van de tsaar en fungeerde later als

correspondent over Nederlandse aangelegenheden. Vaak zond hij berichten naar Rusland over Nederlandse ‘couranten’ die daar speciaal geregistreerd werden als “от Фанденбурга” — van VandenBurg [Maier, Shamin, 2011, p.95]. Het resultaat van deze ontwikkelingen was dat er nu betrekkelijk snel en in betrekkelijk grotere aantallen — zeker vergeleken met die uit de 17de eeuw — studenten uit Rusland naar Nederland kwamen, zoals wij dat in de gegevens van het Leidse *Album Studiosorum*... zien.

Aan het begin van de 18de eeuw vinden wij hier namen van Franciscus Ardinois ex Moscovia, 18 jaar, ingeschreven op 27 maart 1711; Laurentius Blumentrost Moscovita, 23 jaar, M[edicinae studiosus], ingeschreven op 15 maart 1713; op Juni 1717: Sergius de Mitrof [Dimitrov?] Moscovita, 20, J[uris studiosus], Alexander Jovanus Moscovita, 20, J[uris studiosus] en Alexius de Mitrof [Dimitrov?] Moscovita, 20, J[uris studiosus]; 13 oktober 1717: Gotfriedus Stelling Moscovita. 24, M[edicinae studiosus].

In de jaren 20. van de 18de eeuw hebben zich in Leiden leden van de belangrijkste Russische aristocratische families ingeschreven. Op 22 februari 1721 kwam hier Epaphroditus Moussin Pouchkin, Eques Russiae, 20 jaar oud, Mat[hematices studiosus]. Hij was een voorvader en naamgenoot van Epaphrodit Stjepanovitsj Moessin-Poesjkin (1791–1831), een van de deelnemers, als marineofficier, aan de Decembristenopstand in 1825). Op 6 oktober 1721 werd Johannes Mardwinof, 21 jaar oud en student wiskunde, in het *Album*... ingeschreven, en op 20 juni 1721 een andere student wiskunde, de 21-jarige Athanasius Greck uit Moskou.

Op 3 december 1723 werd Theodorus Apraxin Moscovita, 20 jaar, J[uris studiosus] in Leiden ingeschreven, vertegenwoordiger van een volgende zeer invloedrijke Russische familie. Een van zijn voorouders, Fjodor Matvejevitsj Apraksin (1661–1728), was gouverneur van de toen enige haven van Rusland, Archangelsk, en later president van de Russische Admiraliteit. Een latere nakomeling van dit geslacht, Stepan Fjodorovitsj Apraksin (1792–1862), had de (boven ivm met Epaphrodit Moessin-Poesjkin genoemde) Decembristenopstand van 1825 neergeslaan — en werd door de tsaar tot generaal-majoor bevorderd.

De laatste drie Russen die in dit decennium naar Leiden kwamen, waren geen Moskovieten. Op 13 december 1725 werd Adamus Antonius Brzijski [Borzewski?] Zamoscio-Russus. 26, M[athematicae studiosus] ingeschreven — een edelman uit de Poolse stad Zamość die zich

als Russus (of: Ruthenus?) beschouwde. Op 18 juli 1726 verscheen voor de Leidse *Rector Magnificus* Nicolaus Romswinkel Archangela-Russus, 20 jaar oud, J[uris studiosus] — uit het verre Archangelsk aan de Witte Zee. En op 1 februari 1727 kwam Philippus Permekof Astracano-Russus, 26 jaar oud, Mat[heis studiosus] — nu uit het zuidelijke Astrachan niet ver van de Kaspische Zee.

De eerste Rus die in de jaren 30. naar Leiden kwam, opende een lange reeks van studenten medicijnen. Het was Henricus Meuxen Moscoviensis, 23 jaar oud, ingeschreven op 2 april 1732. Studenten aan de medische faculteit waren ook: op 7 december 1733 Joannes Gothofredus Gregorii Moscoviensis, 21 jaar oud, in oktober 1734 Abrahamus Ens Petropolitanus, 20 jaar oud — de eerste Rus uit St. Petersburg, op 3 september 1738 Otto Barckhuysen Moscua-Russus, 24 jaar oud, en op 9 oktober van hetzelfde jaar Jacobus Daniel Rutgers Muscovia-Russus, 20 jaar oud.

Ook de jaren 40. van de 18de eeuw zagen in Leiden Russische studenten medicijnen: op 13 augustus 1743 Andreas Sevasto Moscovita, 20 jaar; op 17 september 1745 Frans Klanke Moscua-Russus, 20 jaar oud, op 1 augustus 1747 Henricus Bacheracht Petropolitanus, 20 jaar oud en op 12 september 1747 Rudolphus van Jever Moscoviensis, eveneens 20 jaar oud. De jaren 50. werden op 14 september 1750 “geopend” door Georgius Thomas Asch Petropolitanus die op de leeftijd van amper 21 jaar reeds “M[edicinae] Dr.” was — en aan de Leidse universiteit “Hon[oris] e[rgo]” was ingeschreven. Op 13 oktober 1751 kwam Alexius Protassof, 36 jaar oud. Op 14 februari 1752 kwam “ex Parva” de 25-jarige Johannes Poletyka, op 18 juli 1753 de 26-jarige Constantinus Scepín uit Wiatca/Vjatka, het huidige Kirov — hij studeerde als enige Rus *Botanica* en had zich twee jaar later, op 10 september 1755, opnieuw laten inschrijven. Op 13 maart 1755 verscheen in Leiden een Fromholt Johan Bruinings Russus, 21 jaar oud — maar hij was slechts *famulus* van de 18-jarige Hollander Gulielmus Cornelius van der Mast Delphensis. Deze Delftenaar vertrok een jaar later, in mei 1756, per schip “Hoop” naar Batavia in Oost-Indië — en kwam pas na twee jaar, in 1758, terug (zie “Willem Cornelis van der Mast”, *Openarchieven*). Daarna kwamen nog enkele ‘Hollands’ klinkende “Russi” die allemaal het ‘praktische’ vak medicijnen studeerden: op 11 november 1756 Nicolaas van Amstel Moscovia-Russus, 18, op 29 december 1757 Alexius Protazof Petropolitanus Russus, op 28 juli 1758 Johannes Fredericus Mout Petropolitanus,

33 en op 1 augustus 1759 Christophorus Andreas de Melle Petropoli-Russus, 21.

De jaren 60. zijn zeer rijk aan Russische studenten in Leiden: de eerste is, op 29 augustus 1760, Martinus Kleuetscoj (Клеветской) Petropolitanus, 18 jaar — hij studeert theologie, een zeer unieke keuze voor een Rus. Op 12 september 1761 komt een groep van meteen 8 Russen, allemaal studenten medicijnen: Johannes Peschkouwskoi Russus, 27, Johannes Laskewitz Russus, 32, Sila Mitrophanoff Russus, 29, Josephus Tymkouwski Russus, 29, Thomas Tuchorski Russus, 27, Petrus Pogoret-sici Russus, 29, Alexius Sydorou Russus, 25, en Cassyanus Jagelski Russus, 24. Op 5 juli 1762 sluiten zich Stephanus Fialkowski Russus en Kosma Roschalijn Russus aan, en op 23 augustus 1762 komt Joannes Andreas Wiekhoff Petropolitanus. Deze laatste is meer dan drie jaar later nog steeds bezig met zijn medische studies in Leiden: hij had hier in 1765 zijn traktaat *Specimen physiologicum inaugurale de alimentorum in chylum mutatione* gepubliceerd.

De inschrijvingen van de volgende studenten in dit decennium vermelden als studierichting eveneens medicijnen: 14 juli 1763 Simeon Zibelin Muscovia-Russus, Petrus Weniaminoff Muscovia-Russus, 17 mei 1765 Gregoire Sobolewsky Russus, 26, 2 december 1766 Anthonius Abramoff Petropolitanus, 20, 1 september 1767 Jean Abraham Bouhagaff Petropolitanus, 24 oktober 1769 Johannes Roeslein Russus, 22. Een uitzondering is de op 28 april 1769 ingeschreven Jean Cacheleff Muscovia-Russus, 17 jaar oud, die rechten studeert.

Op 14 juli 1770 kwam naar Leiden “Alexander de Borisof Equestris ordinis Russus” die rechten zou studeren. Hij kwam in gezelschap van een *Consiliarius* en drie *famuli*, waaronder de Rus Toufaeff de Metrie. Borisofs leeftijd werd niet genoemd maar we weten hoe oud hij was: 18 jaar. Het was namelijk de latere vice-kanselier, prins Aleksandr Borisovitsj Koerakin (1752–1818), late nakomeling van Boris Koerakin, de ambassadeur van Peter de Grote, zelf ook ambassadeur in de tijd van Napoleon — hij had deelgenomen aan de onderhandelingen van de Vrede van Tilsit in 1807.

Ook vertegenwoordigers van andere aristocratische Russische families kwamen naar Leiden. Wij vinden in het Leidse *Album Studiosorum...* namen van prins Stephanus Kalitchoff (16 oktober 1770, rechtenstudent, met *famulus* Stephanus Demidoff), Nicolaus de Meihernow Petropolitanus (22 februari 1771, ook rechtenstudent, 19 jaar oud,

samen met drie *famuli*, waaronder Nicolaus Boehm Russus, 25, en Niquitti Alexandroff Russus, 23) en twee jonge prinsen Leon en Michael Wolkonskoy uit Moskou (1 maart 1771, Leon 17 jaar, Michael 16 jaar, allebei rechtenstudenten), zonen van prins Michail Nikititsj Wolkonskij (1713–1788), in hetzelfde jaar 1771 ‘stadscommandant’ (Градоначальник) van Moskou. Een dag later werden vier “*famuli Principum Wolkonskoy*” ingeschreven: Gavrilla Bissonof Moscovita, 29, Ivan Soubotin Moscovita, 19, Bariss Retchougin Moscovita, 21, en Jean Reimann Regiomontanus (dus uit Koningsbergen, vandaag Kaliningrad), 35.

Op 6 december 1773 kwam naar Leiden Andreas Italinskij Russo-Transsulanus, 30 jaar, student medicijnen. Op 28 juli 1774 kwamen meteen twee hoge aristocratendie zich allebei voor de rechtenstudie hadden ingeschreven: prins Nicolas de Borissov (dus: Koerakin) met twee *famuli* (Albert Lokwart Praga-Bohemus, 30, en Afanaci Russus — dus Афанасий, 25) en Michael de Narrihkin (dus: Narisjkin) met twee *famuli* (Martin Lebel Borussus en Nicola Russus). De Narisjkins waren verwant met de Koerakins — en met de Wolkonskis. En: ze waren allemaal ‘Comiti Russi’. Dat was ook te zien aan hun hofhouding met *famuli* of *consiliarii*; de burgerlijke cultuur van de Protestantse Hollanders of Friezen verschilde daar zeer zeker van.

Er kwamen nog meer edelen uit Rusland. Op 16 augustus 1774 werd Nicolaus Oseretsky Moscu-Russus ingeschreven voor de studie — en dat is nieuw — van *Chemia & Physica*. Twee maanden later kwamen Nicolaus Comes de Romanzoff, 21, en zijn broer Serge Comes de Romanzoff, 20, allebei rechtenstudenten (met twee *famuli*: Jean Sauvage Gallus, 33, en Cosmus Michailoff Russus, 26). Dan zijn er, op 21 november 1774, twee studenten *Chemiae*: Nicetas Sokolof, 26, en Basilius Zuffe, 21. En op 7 februari 1775 schrijft zich — voor de zo zelden gekozen (calvinistische) theologie — Basilius Antonsky in.

In maart 1775 komen weer prinsen uit St. Petersburg rechten studeren: Stephanus Apraxin en Alexin Princeps Kourakin. Stepan Stepanovitsj Apraksin (1757–1827) werd later cavalerie-generaal, Alexej Borisovitsj Koerakin (1759–1829) was een jongere broer van Aleksandr Borisovitsj Koerakin, later werd hij minister van binnenlandse zaken van Rusland en was, uiteraard, met de Apraksins familiär verwant. De beide prinsen hadden een groot hof in Holland. Aan de universiteit werden samen met hen ook Alexandre Guillaume de Moissy “*Advocatus*

in Curio Parisiensi, et *Ephorus* supra inscriptorum Nobilium duorum juvenum” ingeschreven, als ook de *famuli* Matphjeus Tartarinof Russus, Peter Prale Viennensis en Jacobus le Brun Genevensis. Op 31 juli van datzelfde jaar kwam Carolus Fridericus Butzow Petropolitanus, 26, M[edicinae studiosus], en op 29 augustus Carolus Comes de Sievers Russus, 17, J[uris studiosus] — samen met Johan von Lysander Curlandus, Ephorus Comitit et Contubernalis, 27, en twee *famuli*: Michael Peterson Livonus, 28, en Caspar David de Bruin Haganus, 17. Karl Joachim Sievers (Сиверс, 1758–1800) was kleinkind van Joachim Johann von Sievers (1674–1753), vanaf 1725 kapitein in het Russische leger, en zoon van Karl Jefimovitsj Sievers (1710–1774), opperhofmaarschalk bij tsarina Catharina II. De Sievers waren belangrijke vertegenwoordigers van het zogenaamde Остзейское дворянство (*Ostzeeskoje dvorjanstvo*) — de „Oostzee-adel” in dienst van de Russische tsaar.

Een groot aantal Russische adellijken kwam in 1777. Op 22 april schreef zich André Baro von Freedericksz Petropolilanus, 18, J[uris studiosus], in (samen met *famulus* Gustaf Inkenberg Kemsola-Russus, 40). Op 14 juni kwamen Basilius Princeps Hawansky, 19, J[uris studiosus] en zijn jongere broer Petrus, 15 jaar, die — als vierde van alle Russen — voor theologie had gekozen, en hun 49-jarige Franse *Ephorus* Leonard Auguste Fremont Alengona-Normandus. Aan hen sluitten zich op 25 oktober 1777 nog drie *famuli* aan: Carolus Pilati Tridentinus (dus uit Trente), 44, en Paramond Tomanowsky Moravia-Russus (een interessante combinatie van herkomst), 35. Twee dagen later kwam nog een derde *famulus*, Jaques Collet Haga-Batavus, 18. En op 2 augustus 1777 werd de 16-jarige Vladimir Cheremettew (Шереметев), Moscovia-Russus als *Juris studiosus* ingeschreven, vertegenwoordiger van één van de oudste adellijke families in Rusland.

Aan het einde van de jaren 70. zien wij nog vijf Russen in Leiden. De eerste van hen is de op 22 september 1778 — opnieuw, na vier jaar (zie 21 november 1774), ingeschreven Basilius Zoujew Petropolitanus, 25, M[edicinae studiosus]. Vassilij Fjodorovitsj Zoejev (1754–1794) was later een befaamd bioloog en lid van de *Academia Petropolitana*, de eerste Russische academie van de wetenschappen in St. Petersburg. De volgende Russen waren: op 15 september 1779 Daniel Samoïlow, 35, M[edicinae studiosus], op 11 november 1779 Theodosius Kourika, 30 (ook medicijnen), op 18 december 1779 Basilius Skoczkowski, 29, rechtenstudent, en Theodorus Polytkowsky, 24, student medicijnen.

Ook in de jaren 80. kwamen naar Leiden betrekkelijk veel Russen. Als eerste kwam in januari 1780 een volgende prins: Alexius Schachowsky Petropolitanus, 19 jaar oud, J[uris studiosus]; twee weken later arriveerde zijn *famulus* Alexander Fedorow, 25. Het geslacht Shachovskoj (Шаховской) behoorde tot de meest vooraanstaande Russische families en was afkomstig van de Rurikiden die tot in de late 16de eeuw de Russische tsaaren leverden.

Op 25 november 1780 werden aan de Leidse universiteit drie prinses uit het beroemde geslacht Golitzyn (Голицын, ook: Galitzyn) ingeschreven, alle drie voor de rechten: de broers Michel Galitzin, 15 jaar oud, Boris Galitzin, 14 jaar oud, en Alexis Galitzin, 13 jaar oud. Samen met hen kwamen de *Ephorus* Jacob Socologorsky, 34 jaar, en twee *famuli* : André Smirnoff, 24 jaar en Jean Daniel Feifer, 28 jaar. Michail Golitzyn had zich nog een keer voor de rechtenstudie ingeschreven: op 10 september 1784, samen met zijn *Ephorus* Pierre Jean Maslenot ex Galliae provincia Lorraine.

Michail Andreevitsj Golitzyn (1765–1812) werd later hofmeester in Petersburg. Boris Andreevitsj Golitzyn (1766–1822) was reeds nu lid van het Preobrasjenskij Regiment — de lijfgarde van de tsaar. Voor zijn latere verdiensten voor de tsaar tijdens de Poolse opstand van Tadeusz Kosciuszko in 1794 kreeg hij de Orde van Sint-George. Tijdens de veldtocht van Napoleon naar Rusland in 1812 nam hij deel aan de Slag bij Borodino. Alexei Ivanovitsj Golitzyn (1767–1807) was later ook een hoge officier, maar hield zich ook met literaire activiteiten — hij had o. a. de werken van Voltaire in het Russisch vertaald.

Een volgende belangrijke Russische edelman in Leiden was Gregorius Comes Razoumowsky Petropolitanus, 22 jaar — die (vanaf 24 december 1781) als eerste Rus de *Historia naturalis* studeerde. Grigorij Kirillovitsj Razoemovskij (1759–1837) hield zich vooral met mineralogie en zoölogie bezig, hij werd erelid van de Russische Academie van de Wetenschappen, maar leefde reeds vanaf zijn studietijd in West-Europa, vooral in Parijs en in Lausanne, waar in 1782 de *Oeuvres de M. le comte Grégoire de Razoumowsky* werden uitgegeven.

Op 12 maart 1782 kwam Henricus van Ahnrop Russus, 20, J[uris studiosus], en een dag later ook zijn *famulus* Jurgen Johan Stafenau Livonus, 23 jaar. In juli 1786 verscheen in Leiden Johannes Octiawo Tschijzewsky, 22 jaar, om medicijnen te studeren, in september kwamen de broers Alexander (17 jaar) en Joannes d'Ablesoff (16 jaar) om rechten te stude-

ren. En meer dan twee jaar later, op 1 november 1788 kwamen Basilius Kolocolnicow, 27 jaar, en Maximus Newsorow Russus, 26 jaar, allebei voor medicijnen. Vasilij Jakovlevitsj Kolokolnikov (Колокольников, 1761–1792) en zijn vriend Maksim Ivanovitsj Nevzorov (Невзоров, 1762–1827) kwamen beiden uit families van geestelijken, studeerden in Leiden enkele jaren en hadden allebei de graad van Dr. Med. behaald. Ze werden na hun terugkeer naar Petersburg leden van een geheime Jacobijnse club, presenteerden mystieke ideeën van de rozenkruisers — en belandden uiteindelijk in een krankzinnigengesticht.

Het Leidse *Album Studiosorum*... vermeldde aan het einde van de 18de eeuw nog Henricus XIII, Comes ac Dominus de Flavia, Ruthenus, die op 16 mei 1789 samen met zijn *Gubernatori* Wilhelmus Hartwigh de Campen, Johannes Block, Hermannus Smit en Christophorus Thal rechten kwam studeren. Hendrik XIII (1747–1817) was een Graaf en Heer te Plauen in Duitsland (dus: niet ‘Flavia’ maar ‘Plavia’ in het Latijn) uit het Huis Reuss in Thüringen, daarom dus ‘Ruthenus’ — maar niet van Russische afkomst.

In de 19de eeuw waren in Leiden studenten die als ‘Russus’ waren vermeld, niet meer zo talrijk. Op 13 oktober 1806 werd Boguslaus Samuel de Kurnatowski ex Izabelin ad Grodow in Lithuania Polon. Russ, 23 jaar, voor theologie ingeschreven. Dat Bogusław Kurnatowski (1783–1820) Litouwer, Pool en tegelijk Rus werd genoemd, betekende dat hij als Pool in Litouwen woonde dat na de Poolse delingen aan Rusland kwam. Dat hij calvinistische theologie studeerde, verwondert niet — hij was predikant van de gereformeerde gemeente in Vilnius.

Een interessante inschrijving vinden wij op 26 september 1840: het gaat om de 20-jarige rechtenstudent Amir Hacoob Howannes [Jacob Joannes] ex Urbe Tiflis Russ[iae] Asiat[icae] Metrop[oli]. Op 27 september 1871 zien wij nog een Guilielmus van Bijlandt e Petropoli Russus, 18 jaar, en op 2 oktober 1872 een Demetrius Ludovicus van Bijlandt Petropolitanus, 17 jaar. Het zijn kennelijk broers en ze studeren allebij rechten.

En — om de lijst compleet te maken — er waren nog twee *eerstevrouwen* die aan de Universiteit Leiden studeerden. Ze werden op 24 oktober 1873 ingeschreven en ze kwamen allebei — uit Rusland. De eerste was Olga von Stoff (1850–?) en de tweede Fanny Berlinerblau (1852–1921). Zij hadden eerst, vanaf 1870, in Zurich medicijnen gestudeerd maar in 1873 had de Russische regering de studie aan deze universiteit verboden.

Toen besloten ze om naar Leiden te gaan. De *Rector Magnificus* schreef hen meteen in als eerste vrouwelijke studenten. Alleen: de hoogleraar in de gynaecologie wilde *geen* onderwijs aan vrouwen geven. Ze gingen dus meteen weg: naar Bern, waar ze ook promoveerden. Fanny Berlinerblau ging daarna naar het Amerikaanse Boston waar ze later carrière maakte [Otterspeer, 2005, p.75].

4. SLOT

Wanneer wij de gegevens uit de Nederlandse *Alba Studiosorum*, vooral dat van Leiden, met de algemeen-Europese ontwikkelingen vergelijken, dan zien wij dat de studenten uit Rusland in de 17de eeuw hier slechts incidenteel voorkwamen — *maar* dat ze in de 18de eeuw een niet onbelangrijk deel van de academische gemeenschap uitmaakten. Leiden had in de jaren 1625–1650 het grootste aantal studenten bereikt: meer dan 11000. Daarna werden de aantallen kleiner, om in de periodes 1701–1725, 1726–1750, 1751–1775 en 1776–1800 respectievelijk van ca. 6700 over minder dan 6000 en een kleine 3900 studenten tot een kleine 2700 studenten te komen (Wansink 1981: 7). Aan het einde dus: vier keer minder.

Maar als we deze getallen met die van de studenten vergelijken die hun nationaliteit als ‘Russus’ hebben aangegeven dan zien we een duidelijk groeiende ontwikkeling. Aan het begin van de 17de eeuw waren er slechts 2 studenten die zich ‘Russus’ noemden, in het tweede kwart van die eeuw 3, in de tijd 1651–1675 géén en in de periode 1676–1700: 2. Dan was er een duidelijke verandering: de ‘Grote Ambassade’ van Peter de Grote ‘veroorzaakte’ de komst van méér Russische studenten dan in de hele 17de eeuw, namelijk: 10, en in de jaren 1726–1750 waren dat 12 studenten. De periode 1751–1775 kan men als een explosie van de ‘Russische aanwezigheid’ noemen. Er kwamen in die tijd 60 studenten uit Rusland naar Leiden. Een tweede grote golf vormden de jaren 1776–1880, namelijk 30 Russische studenten. Van de in totaal 114 namen van studenten uit Rusland in de 17de en 18de eeuw waren dus bijna 90 (dus bijna 80%) in de tweede helft van de 18de eeuw geregistreerd. Als men bedenkt dat het algemene aantal buitenlandse studenten in de late 18de eeuw — zoals gezegd — zeer sterk verminderde, dan viel de ‘Russische aanwezigheid’ in deze tijd wel in het oog.

LITERATUUR

- Album Studiosorum Academiae Lugduno-Batavae...* MDLXXV-MDCCCLXXV, o.r.v. Willem du Rieu, Hagae Comitum apud Martinum Nijhoff MDCCCLXXV.
- Album Studiosorum Academiae Franekerensis [Album of Students of the Franeker University]* (1585–1811, 1816–1844), o.r.v. S. J. Fockema Andreae en Th. J. Meijer. Franeker, T. Wever, 1968.
- Album Studiosorum Academiae Groninganae*. Groningen, J. B. Wolters, 1915.
- Album Studiosorum Academiae Rheno-Traiectinae MDCXXXVI-MDCCCLXXXVI*. Ultraiecti apud J. L. Beijers et J. van Boekhoven, 1876.
- Album Studiosorum Academiae Gelro-Zutphanicae MDCXLVIII-MDCCCXVIII*, cura D.G. van Epen, Hagae Comitum 1906.
- Colenbrander H. T. De herkomst der Leidsche studenten. *Pallas Leidensis*, Leiden, 1925, pp. 273–303.
- Karpov G. M. *Velikoe posol'stvo i pervoe zagranichnoe puteshestvie Petra I [Grand Embassy and the First Journey Abroad of Peter the Great]*. Kaliningrad, Iantarny skaz Publ., 1997. (In Russian)
- Kiedron S. Voorwaarts naar het land van de orakels! Oosteuropaanen aan Noordnederlandse universiteiten na de Opstand. *De zeventiende eeuw*, 1994, no. 10 (1), pp. 73–78.
- Maier I., Shamin S. M. Obzory inostrannoi pressy v Kollegii inostrannykh del v poslednie gody pravleniia Petra I [Reviews of Foreign Press in College of Foreign Affairs in the last years of Peter the Great's Reign]. *Rossiiskaia istoriia [Russian History]*, 2011, issue 5, pp. 91–112. (In Russian)
- Otterspeer W. *Groepsportret met Dame I. Het bolwerk van de vrijheid. De Leidse universiteit, 1575–1672*. Amsterdam, 2000.
- Otterspeer W. *Groepsportret met Dame III. De werken van de wetenschap. De Leidse universiteit 1776–1876*. Amsterdam, Uitgeverij Bert Bakker, 2005.
- Pikuza D. *De Russisch-Orthodoxe Kerk in Nederland. Verleden en heden. Afstudeerscriptie*. Wrocław, 2016, in voorbereiding.
- Vagemans E. *Tsar' v Respublike. Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Gollandiiu (1716–1717) [The Tsar in the Republic. The second visit of Peter the Great to Holland (1716–1717)]*. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2013. (In Russian)
- Wansink H. *Politieke wetenschappen aan de Leidse universiteit 1575–±1650*. Utrecht, HES Publishers, 1981.
- Willem Cornelis van der Mast, op 14 mei 1756 in dienst van Verenigde Oostindische Compagnie. *Openarchieven*. Available at: <https://www.openarch.nl/show.php?archive=ghn&identifier=10df6c2f-f815-4c15-8241-33554e50976c&lang=nl> (geraadpleegd op 26.04.2016).

Стефан Кедрон

доктор филологических наук, профессор,
кафедра Нидерландской филологии,
Вроцлавский Университет.
E-mail: kiedron@uni.wroc.pl
stefan.kiedron@uwr.edu.pl

Stefan Kiedron

Doctor of Philology, Professor,
Department of Netherlandic Philology,
University of Wrocław.
Kuznicza Street, 22
50-138 Wrocław (Poland)
E-mail: kiedron@uni.wroc.pl
stefan.kiedron@uwr.edu.pl

Статья поступила в редакцию 15.04.16, принята к публикации 30.05.16

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

УДК 81'25+811.112.5

Marieclaire Prins

DE VERTALING VAN OEKRAIENSE BEGRIPPEN IN GOGOLS *AVONDEN OP EEN HOEVE NABIJ DIKANKA* IN HET NEDERLANDS

The translation of vernacular in literary texts poses specific problems for the translator. If an author uses a particular vernacular, it is a literary device which must of course, in one form or the other, be reflected in the translation. While other forms of deviant language (such as the specific jargon of various professional groups, slang, youth language etc.) usually have some sort of register of their own in the target language, the regional aspect of dialects is often untranslatable.

The translation of Nikolai Gogol's *Evenings on a Farm near Dikanka* presented me with on such a problem. In these stories, written in Russian, but situated in the Ukraine, Gogol made use of two literary devices: some of the stories or chapters open with Ukrainian quotes from songs, poems, etc.; Gogol also used various Ukrainian terms, which he transcribed into Russian. For his Russian audience (which might not understand the Ukrainian words) he inserted two explanatory Ukrainian-Russian glossaries. The purely Ukrainian quotes I left in their original form in the text, and provided a translation at the bottom of the page; this is the accepted manner to present foreign quotes in Dutch literary translations. But the case of Ukrainian terms in Russian transcription was more complicated.

For the Russian reader Ukrainian is a foreign but familiar language. Many of Gogol's lemma's sound familiar or are actually known to him, just as Dutch speakers/readers know certain German or Flemish words (or think they do). To tackle this problem, I first of all looked at existing translations of *Dikanka* to see what the other translators had done. To my surprise I found out they all had simply skipped the glossaries, omitting the 'ukrainianisms' as if the whole text had been written in plain Russian.

In my translation I decided to convey the 'exotic' Ukrainian flavour of *Dikanka* by making use of glossaries such as Gogol had done. In order to do so, I first of all had to find out which Ukrainian terms used by Gogol were (un)familiar to the Russian reader. So I put Gogol's glossaries before Russian native speakers (obviously without Gogol's translation). Some lemma's proved to be known to everyone and appear in the standard Russian explanatory dictionaries; other terms were unknown or were misread. For instance, Gogol's 'lyulka' (Russ.: люлька) meant to some Russians 'a baby's crib', but Gogol translated the word as 'tobacco pipe'. Some respondents had never heard of 'kukhol' (Russ.: кухоль), while for others it was 'a kind of bird', but according to Gogol's translation it was 'a ceramic cup'. The 'elongated headdress' referred to by Gogol as

'korablik' (Russ.: кораблик) was translated by most Russians as 'a small boat', which actually is a correct translation of the Russian word 'korablik', but not what the author intended.

I then started to compose a small lexicon of 'un-Dutch' words, which would have a similar connotation to the Dutch reader as the Ukrainian words, used by Gogol, have for the Russian audience. I thereby relied heavily on the Flemish dialects, since they have a soft and pleasant ring to the Dutch ear, just as the Ukrainian has to the Russian ear. But since I had to avoid pinning down the stories to a particular region, I added some Southern Dutch to the mix with here and there a touch of German or something unusual from other dialects that the Dutch audience might or might not know. In the process I derived a lot from different collections of glossaries on the internet conveying all sorts of Flemish and Dutch dialects. Sometimes illustrations on the internet proved useful. The result was a Flemish/Limburgian/West Friesian/German/etc. — Dutch glossary from which I composed a definitive lexicon for the translation of the glossaries in *Dikanka*. And so, 'yulka' ended up as 'smuigertje', 'kukhol' became 'tas' and 'korablik' became 'schuitje'. As it was impossible to find a satisfactory equivalent for all Gogol's ukrainianisms, I removed some of the author's lemma's from the glossaries. To make up for this, I 'smuggled' in some nice sounding findings of my own.

Keywords: translation, Dutch, Evening on a farm near Dikanka, Ukrainian vocabulary, use of dialects.

Мариклер Принс

ПЕРЕВОД УКРАИНИЗМОВ В «ВЕЧЕРАХ НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н. В. ГОГОЛЯ НА НИДЕРЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

При переводе диалектизмов в литературном тексте перед переводчиком встает целый ряд трудностей. Использование автором диалектизмов определенного региона представляет собой литературный прием, который обязательно должен быть отражен тем или иным образом в переводе. Если другие случаи отклонения от литературной нормы (такие как профессиональный жаргон, сленг, молодежный язык и т. п.) обычно имеют параллели в переводящем языке, то региональная специфика диалектизмов часто бывает непереводаема.

Данная проблема встала передо мной при переводе «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя. В этих повестях, которые написаны по-русски, но действие которых происходит на Украине, Гоголь применил два литературных приема: (1) в некоторых повестях или главах в качестве эпиграфа он использовал цитаты из песен или стихов на украинском языке; (2) для обозначения украинских реалий он употреблял множество украинских слов в русской транскрипции. Для русских читателей, которым эти украинизмы были непонятны, он снабдил текст двумя украинско-русскими словарями с толкованием понятий. Украинские эпиграфы я сохранила в неизменном виде и снабдила их нидерландским переводом в сносках: именно таким образом в нидерландских переводах принято давать иностранные цитаты. Однако задача передачи украинизмов оказалась более сложной.

Для русских читателей украинский язык является в значительной мере знакомым. Многие гоголевские украинизмы звучат для них привычно, примерно так же, как для голландцев звучат некоторые немецкие или фламандские слова. Для начала я заглянула в более ранние переводы «Диканьки», чтобы выяснить, как поступали другие переводчики. К моему удивлению, я обнаружила, что они

опустили гоголевские списки слов и пренебрегли украинизмами в тексте, так что у читателя создается впечатление, будто весь текст написан по-русски.

В своем переводе я решила сохранить «экзотическую» украинскую окраску «Диканьки» и привести списки украинизмов, как это сделал Гоголь. В первую очередь надо было выяснить, какие из этих слов знакомы, а какие незнакомы русским читателям. Я предложила русским информантам гоголевский список украинизмов (без толкования) и попросила их прокомментировать его. Некоторые леммы оказались всем знакомы и даже были обнаружены в русских толковых словарях, другие были неизвестны или неправильно поняты. Например, слово «люлька» многие русские информанты поняли как «колыбель», хотя у Гоголя это «трубка». Некоторые респонденты не знали слово «кухоль», другие сказали, что это «порода птиц», хотя у Гоголя это «глиняная кружка». Слово «кораблик» респонденты поняли как «маленький корабль», хотя Гоголь обозначает этим словом «старинный головной убор».

После этого я задалась целью составить словарь «неголландских» слов, которые имели бы для голландского читателя приблизительно ту же коннотацию, что и украинизмы для русского. При этом я в огромной мере опиралась на фламандские диалекты, так как для голландского уха они имеют такое же полупонятное и приятное звучание, как украинский язык для русского уха. Но поскольку я старалась избегать конкретной территориальной привязки моего переводного текста, то использовала также слова из южных диалектов Нидерландов и некоторые немецкие слова, такие, которые голландским читателям покажутся смутно знакомыми или совсем незнакомыми. Для этого я использовала диалектные словари в Интернете, зачастую снабженные иллюстрациями. В итоге получился словарь «украинизмов», состоящий из фламандских, лимбургских, западно-фризских, немецких и других слов, на основе которых я выработала собственный «перевод» гоголевского списка. Поскольку придумать удачные эквиваленты для всех гоголевских украинизмов мне не удалось, некоторые леммы пришлось вычеркнуть. В качестве компенсации я добавила в словарь ряд собственных находок, показавшихся мне удачными.

Ключевые слова: перевод, нидерландский язык, «Вечера на хуторе близ Диканьки», украинизмы, использование диалектов.

Het vertalen van dialecten in literaire teksten stelt de vertaler dikwijls voor grote problemen. Het Nederlands heeft een grote verscheidenheid aan streek- en stadsgebonden dialecten, en in vroeger tijden konden zelfs binnen een stad als Amsterdam in de verschillende wijken verschillende tongvallen optreden. Met het toenemen van de mobiliteit van de bevolking, het hoger onderwijs en de verspreiding van het ABN (Algemeen Beschaafd Nederlands) via de nationale media valt een afname van de dialecten waar te nemen.

Indien een auteur gebruikt maakt van een bepaald dialect, dan is dat een literaire kunstgreep die in de vertaling uiteraard in een of andere vorm zijn weerslag moet hebben. Terwijl voor andere soorten van

afwijkend taalgebruik (zoals het specifieke jargon van verschillende beroepsgroepen, straattaal, bargoens, jongerentaal etc.) in de doeltaal meestal wel een bepaald register is aan te spreken, levert met name het regionale aspect van dialecten dikwijls moeilijkheden op indien de vertaler ernaar streeft dit specifieke aspect in de doeltaal over te brengen. Indien een vertaler eenvoudigweg voor een bepaald dialect in de brontaal kiest, dan kan dat verkeerd uitpakken. Zo zal een Nederlandse lezer van een Spaanse streekroman raar opkijken als een Zuid-Spaanse keuterboer zich met zijn mededorpelingen onderhoudt in het dialect van een Noord-Groningse landarbeider. Allicht zal hij accepteren dat er een soort boerentaal gebezigd wordt, maar de entourage van het zinderende, zonovergoten, Spaanse platteland is nauwelijks te associëren met het veelal gure klimaat in het Nederlandse Hoge Noorden.

In mijn vertaling van Nikolaj Gogols *Avonden op een hoeve nabij Dikanka* (Вечера на хуторе близ Диканьки) stuitte ik op een vergelijkbaar probleem. Voor de couleur locale (de Russische verhalen uit deze bundel spelen zich af in de Oekraïne) paste Gogol twee kunstgrepen toe: sommige verhalen of hoofdstukken liet hij voorafgaan door Oekraïense citaten uit liedjes, gedichten etc., en daarnaast gebruikte hij allerlei Oekraïense termen, die hij in Russische transcriptie in de teksten onderbracht. Omdat deze termen voor zijn lezerspubliek indertijd niet altijd begrijpelijk waren, nam hij bij monde van de verteller van de verhalen twee verklarende Oekraïens-Russische woordenlijsten in de bundel op. De puur Oekraïense fragmenten leverden geen probleem op. Ik behandelde ze zoals in Nederlandse vertaling doorgaans ook wordt omgegaan met bijvoorbeeld Engelse of Italiaanse citaten. Dat wil zeggen, de betreffende fragmenten liet ik in het oorspronkelijke Oekraïens staan, voorzien van een vertaling onderaan de pagina. Maar met de Oekraïense termen in Russische transcriptie lag de zaak gecompliceerder. Wat moest ik met die woordenlijsten aan? Om te beginnen ging ik te rade bij andere vertalingen.¹ Daarin hadden de vertalers het zich makkelijk gemaakt door de woordenlijsten eenvoudig weg te laten en alle ‘oekraïnen’ in de tekst te vertalen alsof er gewoon Russisch had gestaan. Daarmee was een deel van de exotische charme uit de tekst verdwenen.

¹ Zie bijvoorbeeld in een eerdere, Nederlandse vertaling van Hans Leerink: N. W. Gogol. *Verzamelde werken, dl. 1, Avonden op een dorp bij Dikanka* [N. W. Gogol. *Collected works, Part 1. Evenings on a Farm near Dikanka. Translated by H. Leerink*]. Amsterdam, 1959, pp. 6–261.

Daar ik er altijd naar streef de leeservaring van de Nederlandse lezer zoveel mogelijk te doen lijken op die van de Russische, wilde ik deze woordenlijsten echter ook in mijn vertaling laten figureren.

Voor de Russische lezer is het Oekraïens een vreemde, maar vertrouwde taal. Veel van Gogols lemma's klinken hem bekend in de oren of zijn hem ook werkelijk bekend, net zoals Nederlanders bepaalde Duitse of Vlaamse begrippen kennen of menen te kennen. De scheidslijn is niet altijd duidelijk te trekken. Zo weet iedere voetballiefhebber bij ons waar het Duitse '*die Mannschaft*' voor staat, maar geldt dat ook voor een voetbalhater? En hoeveel Nederlanders weten dat 'ik zie u graag' in Vlaanderen niet 'ik zie u graag' maar 'ik hou van je' betekent? De vraag was derhalve: welke Oekraïense woorden uit Gogols lijsten kende de Russische lezer? Om hier achter te komen legde ik ze voor aan tal van Russisch native speakers (uiteraard zonder Gogols vertaling). Sommige lemma's bleken bij iedereen bekend, hadden inmiddels hun weg naar de Russische verklarende woordenboeken gevonden en stonden soms ook in het 'de dikke Honselaar'; andere termen waren onbekend of werden verkeerd gelezen. Een paar voorbeelden: Gogols *ljoelka* (Russ.: люлька) betekende voor sommigen 'kinderbedje'; volgens Honselaar was het: '†/reg. hangwiege, 2 bouwlift, kooi, 3 reg. pijp (om te roken)', maar Gogol zelf gaf: 'tabakspijp'. Sommige respondenten hadden nog nooit gehoord van *koechol* (Russ.: кухоль), voor anderen was het 'een soort vogel', en Gogol vertaalde het als: 'aardewerken kroes'. De door Gogol bedoelde 'langwerpige hoofdtooi' (*korablik*; Russ.: кораблик) werd door de meeste Russen vertaald als 'bootje', wat in principe een correcte vertaling is van het Russische *korablik*, maar niet wat de auteur beoogde, i. e. een hoofddekseel dat door zijn vorm aan een bootje doet denken.

Voor mijn vertaling besloot ik na lang wikken en wegen op zoek te gaan naar een taal die qua klank en bekendheid even dicht bij het Nederlands staat als het Oekraïens bij het Russisch. Het Vlaams lag voor de hand omdat het Oekraïens voor Russen net zo vertrouwd klinkt als Vlaams voor Nederlanders en daarbij ook iets zachts en gemoedelijks heeft. Maar hier speelde het regionale aspect op: door simpelweg een van de Vlaams dialecten te kiezen zou ik handeling van de Oekraïense *Dikanka* naar pakweg Wevelgem of Mechelen verplaatsen en zo de sfeer van de brontekst geweld aandoen.

Om te vermijden dat *Dikanka* op een concrete plaats zou worden vastgepind, besloot ik voor de woordenlijsten dan maar een eigen lexi-

con in elkaar te knutselen, bestaande uit voornamelijk Zuid-Nederlandse en Vlaamse dialecten met hier en daar een snuffje Duits of iets buitenissigs uit andere dialecten, die de Nederlandse lezer soms wel en soms niet bekend in de oren zouden klinken. Daarbij had ik veel profijt van een dialecten-site op het internet met woordenlijsten van het Aalsmeers/Kuddelstaarts tot het Zwols. Ook een Limburgs online woordenboek heeft me goede diensten bewezen. Een andere goede bron was het *Het juiste woord*. Daarin zijn enorm veel regionale woorden opgenomen, die ik op het internet en in *Van Dale* natrok. Vaak vond ik op het internet afbeeldingen die me op weg hielpen. Op die manier legde ik een uitgebreide Vlaams/Limburgs/West-Fries/Duits /etc. — Nederlandse woordenlijst aan met allerlei vormen, probeerseltjes en varianten waaruit ik uiteindelijk een definitief lexicon samenstelde. Zo kwam ik voor het hierboven genoemde 'ljoelka' na lang speuren op 'smuigertje', hierbij in de rug gesteund door *Van Dale*. De 'koechol' is bij mij een 'tas' geworden en van 'korablik' heb ik 'schuitje' gemaakt. Gelukkig ging het vooral om begrippen op lexicaal niveau en hoefde ik de personages niet in dit dialect te laten praten. Oekraïense boertjes die een soort Brabants bezigen — dat had niet gewerkt. Een beetje gesjoemeld heb ik wel: voor sommige lemma's kon ik gewoon geen equivalent vinden, en die heb ik maar 'wegvertaald', dat wil zeggen van Gogols lijst geschrapt en in de tekst zogenaamd rechtstreeks uit het Russisch vertaald. Om dat te compenseren heb ik hier en daar zelf weer een fraai dialectwoordje de woordenlijsten binnengesmokkeld.

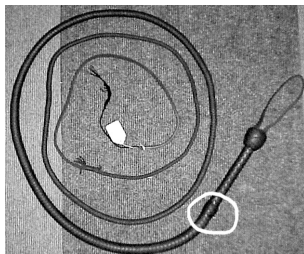
Mijn vertaling van *Dikanka is* door de recensenten positief ontvangen, en ik kan met enige trots ook melden dat ik er in 2013 de Filter Vertaalprijs voor in ontvangst mocht nemen. Maar noch in de recensies noch in het Filter Juryrapport is enige aandacht is besteed aan de hierboven aangestipte kwestie van de oekraïnismen, terwijl deze mij toch de meest hoofdbrekers heeft bezorgd! Bovendien maken de door mij aangelegde woordenlijsten toch de grootste verandering uit ten opzichte van andere vertalingen van Gogols Oekraïense verhalen.

Hieronder staan enkele voorbeelden uit mijn speurtocht, gevolgd door een van de woordenlijsten die uiteindelijk in de vertaling terecht zijn gekomen. Гоголь staat daarbij voor 'Gogol', WKR voor 'Westerkwartiers', Honsel. voor 'Honselaar', HJW voor 'Het juiste woord', vD voor 'Van Dale', LIMB voor 'Limburgs woordenboek', @ voor internet, en IK verwijst naar mogelijke oplossingen van mijn kant.

Батор

Гоголь: кнут
KNOET, ZWEEP

Honsel: dial.: stok

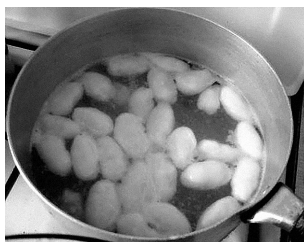
ИК: KWISPEL

Галушки

Гоголь: клецки
MEELBALLETTJES, KNOEDEL

Honsel: galoesjki (stukje deeg met ei, gekookt in bouillon en melk)

ИК: NOEDEL

Дига

Гоголь: кадка
KUIP (VAN HOUT, MET RECHTE
ZIJDEN), BOTERVAT

Honsel: —

ИК: KUUP (WKR)

Дрибушки

Гоголь: мелкие косы
KLEINE VLECHTEN

Honsel: —

ИК: VLACHTJES??
TISJES (vD)

Каганец Гоголь: род светильни
‡ 1. SOORT PIT (VAN LAMPJE)
2. SOORT OLIELAMPJE
Honsel: —
ИК: SLONSJE; (HJW — EIGENL. MET
KAARSJE!)

Кораблик Гоголь: головной убор
HOOFDTOOI
Honsel: scheepje, bootje, vaartuigje
@: *кораблик* — шапочка продолговато-округлой формы, края которой, очень низкие и плотно прилегающие спереди и сзади, возвышаются заостренными вверх лопостями, подобно рогам;
ИК: SCHUITJE

Кухоль Гоголь: глиняная кружка
AARDEWERKEN KROES
Honsel: —
ИК: МОК? МОКСКЕ?МОККИЕ? TAS
ALF (HJW, vD)

Люлька Гоголь: трубка
(TABAKS)PIJP
Honsel: ‡/reg. hangwiegje, 2 bouwlift, kooi, 3 reg. pijp
(om te roken)
VAN DALE: hoorn (gewestelijk) kort tabakspijpje
ИК: SMUIGER/SMUIGERD/SMUIGERTJE (vD)

Очипок Гоголь: род чепца
SOORT MUTSJE MET KINLINT, VOOR
VROUWEN EN KINDEREN
Honsel: —

IK: POFFER (VDALE)

Чуб

ГОГОЛЬ: ДЛИННЫЙ КЛОК ВОЛОС НА ГОЛОВЕ
LANGE HAARPLUK OP HET HOOFD

Honsel: 1) kuif 2) tsjoeb (bij de Zaporozje-kozakken:
lange haarstreng op een verder kaalgeschoren
hoofd)

IK: KOEF

WOORDENLIJST 1 IN DE VERTALING:

<u>Gebezigd dialect</u>	<u>Vertaling van de verteller</u>
Alf	huisgeest, demon
Bandoera	instrument, soort gitaar
Batko	vader
Bijker	imker
Boed	(graan) schuur
Boersj	jongen
Brenner	(wodka) stoker
Brennerij	stokerij
Breujel	gekookte kruidenwodka

Briedsel	vijzel voor het fijnwrijven van maanzaad
Britsel	broodring
Broetsknip	klein brood dat voor bruiloften wordt gebakken
Broetsmik	huwelijksbrood
Buukzeer	buikpijn
Buusdoek	zakdoek
Deugen	duigen
Dobre	goed
Driekat	driedubbele zweep
Dukaat	soort medaille die om de hals wordt gedragen
Hopak	Oekraïense dans
Horlitsa	Oekraïense dans
Jongvrouw	getrouwde vrouw
Kedetten	soort olieballen
Klaatsj	knoet
Kneip	croeg
Knoedels	meelballetjes
Knoes	vuist
Kobza	muziekinstrument
Koef	lange haarstreng op het hoofd die achter het oor geslagen wordt, (tsjoeb)
Kroot	biet
Kuper	kuiper
Litsen	smalle linten
Matsj	gerecht, soort pap
Mertvrouw	handelaarster
Meske	meisje
Mik	soort gebakken brood
Mortier	pot waarin maanzaad wordt gestampt
Paltrok	ouderwetse bovenkleding
Peies	jodenlokken
Peitsj	karwats
Poffer	soort mutsje
Puts	inhoudsmaat, gelijk aan 12,3 liter
Schoremerd	armoedzaaier
Schuitje	langwerpige hoofdtooi
Setien	zijden stof

Sjmautebollen	deeggerecht
Slonsje	soort lampje
Smout	(schape) vet, reuzel
Smuigertje	tabakspijp
Stuut	klein brood
Swietka	soort halve kaftan
Tas	(aardewerken) kroes
Tisjes	kleine vlechtjes
Tropak	Oekraïense dans
Tsjoeb	lange haarstreng op het hoofd
Tuut	soort fluit
Vesjknoedels	meelballetjes gevuld met vis
Viertel	een kwart puts, d.w.z. 3,1 liter
Vloot	houten bord
Vrouwke	echtgenote
Zjoepan	soort kaftan
Zwellen	scrofulose, koningszeer

REFERENCES

- Gogol N. V. *Verzamelde werken, dl. 1, Avonden op een hoeve nabij Dikanka*. Vert. A. Prins [*Collected Works, Part 1. Evenings on a Farm near Dikanka*. Translated by A. Prins]. Amsterdam, 2012, pp. 6–236.
- Gogol N. W. *Verzamelde werken, dl. 1, Avonden op een dorp bij Dikanka* [*Collected works, Part 1. Evenings on a Farm near Dikanka*. Translated by H. Leerink]. Amsterdam, 1959, pp. 6–261.
- Groot Russisch-Nederlands Woordenboek* [*Big Russian-Dutch Dictionary*]. Amsterdam, 2005.

DUTCH DICTIONARIES

- <http://www.mijnwoordenboek.nl/dialect-vertaler.php>
- http://www.limburghuis.nl/Interact/menu_wdb.html
- http://www.limburghuis.nl/Interact/menunl_wdb.html
- Het juiste woord, Betekeniswoordenboek* [*The Correct Word: Dictionary of Meanings*]. Antwerpen: Den Haag, 1997.
- Van Dale, Groot woordenboek van de Nederlandse taal* [*Big Dictionary of the Dutch Language*]. Utrecht: Antwerpen, 2005.

Принс Мариклер

Переводчик художественной литературы,
преподаватель художественного перевода
Амстердамской Высшей школы перевода
E-mail: aai.prins@mail.ru

Prins Marieclaire

Literary translator,
teacher of literary translation
Vertalersvakschool, Herengracht 274, 1016 BW Amsterdam, Nederland.
E-mail: aai.prins@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.16, принята к публикации 30.05.16

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Tjeerd de Graaf</i> . Dutch, Frisian and Low German: the state language of the Netherlands and its relationship with two Germanic minority languages. Part 1	3
<i>Е. А. Гурова</i> . О личном местоимении <i>du</i> в современном датском языке	18
<i>Ю. А. Клейнер</i> . * <i>WŌÐANAZ/ÓÐINN</i> за пределами германского пантеона	30
<i>Ю. К. Кузьменко</i> . Еще раз о возможности саамского влияния на скандинавские языки	43
<i>А. Н. Ливанова, Н. В. Сафонова</i> . После Ивара Осена: становление норвежской диалектологии в конце XIX — начале XX столетий	59
<i>А. В. Савицкая</i> . SAOL 14 — Новый этап в эволюции нормативного словаря шведской академии	71

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>М. Ю. Коренева, И. М. Михайлова</i> . К вопросу о европейских источниках «Зрелища жития человеческого» (1674)	81
<i>Polina Lisovskaya</i> . Children and «Prodigal sons»: on images of children in Strindberg's writing	92
<i>Е. А. Степановичюте</i> . Плавающий символ: «Бури» Карен Бликсен как мета-проза	102

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

<i>Б. С. Жаров</i> . Исландские рождественские тролли: трансформация фольклорного образа	115
<i>Stefan Kiedroń</i> . Russische studenten aan Nederlandse universiteiten in de vroegmoderne tijd — een verkenning	122

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

<i>Marieclair Prins</i> . De vertaling van Oekraïense begrippen in Gogols <i>Avonden op een hoeve nabij Dikanka</i> in het Nederlands	137
---	-----

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Tjeerd de Graaf</i> . Dutch, Frisian and Low German: the state language of the Netherlands and its relationship with two Germanic minority languages. Part 1	3
<i>Elena Gurova</i> . On the personal pronoun <i>du</i> in the contemporary Danish language.....	18
<i>Yuri Kleiner</i> . *WÖÐANAZ/ÓÐINN outside the Germanic pantheon.....	30
<i>Yury Kuzmenko</i> . On the possibility of a sámí influence on the Scandinavian languages once again	43
<i>Aleksandra Livanova, Natalia Safonova</i> . After Ivar Aasen: formation of Norwegian dialectology in the end of the 19 th — beginning of the 20 th century	59
<i>Anna Savitskaja</i> . SAOL 14 — Another evolution stage of Swedish academy dictionary.....	71

LITERATURE STUDY

<i>Marina Koreneva, Irina Michajlova</i> . On European sources of “The mirror of human life” (Moscow, 1674).....	81
<i>Polina Lisovskaya</i> . Children and «Prodigal sons»: on images of children in Strindberg’s writing.....	92
<i>Ieva Steponavičiūtė</i> . The floating symbol: Karen Blixen’s “Tempests” as metaprose. 102	

CULTURE AND CULTURAL RELATIONS

<i>Boris Zharov</i> . Icelandic yul lads: the transformation of the folklore characters.....	115
<i>Stefan Kiedroń</i> . Russian students at the universities of Northern Netherlands in early modern period — an exploration.....	122

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

<i>Marieclair Prins</i> . The translation of Ukrainian vocabulaire in Gogol’s <i>Evening on a farm near Dikanka</i> into Dutch	137
--	-----

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Подписано в печать 22.11.16. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 8,84. Тираж 106 экз. (1-й завод). Заказ №

Издательство Санкт-Петербургского университета.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.
Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22
publishing@spbu.ru
publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Книги Издательства СПбГУ можно приобрести
в Доме университетской книги
Менделеевская линия, д. 5
тел.: +7(812) 329 24 71
часы работы 10.00–20.00 пн. — сб.,
а также на сайте publishing.spbu.ru